

ФАРХАД МИРЗОЕВ

Тайна манускрипта

Фархад Мирзоев

Тайна манускрипта

<https://litres.ru/73787177>

SelfPub; 2026

Аннотация

В основе этой книги лежит реальная география и реальная хронология. Названия городов и населённых пунктов, местности, дороги и расстояния между ними, равно как и даты, даны такими, какими они существовали в действительности. Художественный вымысел не подменяет здесь исторический факт, а лишь следует за ним.

Содержание

Тайна манускрипта	4
Долгий путь	132
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Фархад Мирзоев

Тайна манускрипта

Посвящается моим родителям

Тайна манускрипта

В большой зале-аудитории, бывшей некогда синагогой¹, а теперь предназначенной для проведения занятий, за кафедрой, вырезанной из цельного дерева, сидел и дремал грузный человек, облачённый в мантию декана. Солнечный лучик, пробившийся сквозь цветные витражи окна, гулял по толстому лицу с мясистым носом. Декан дремал, и ему грезилось, как его, уходящего из дома на службу, провожает кухарка-экономка. Женщина с необъятными бёдрами и могучей грудью. Как он, проходя мимо, шлёпает её пониже спины и пытается поцеловать в губы. Сделав нарочито недовольное лицо, экономка пытается отстраниться и при этом томно закатывает глаза. Полные губы декана расплылись в довольной улыбке. Да, он мог себе это позволить. Он декан медицинского факультета университета города Гейдельберг. Читающий лекции школярам по медицине и химии. Кроме того,

¹ После изгнания евреев из Гейдельберга курфюрстом Рупрехтом II в 1391 году здание синагоги было передано Гейдельбергскому университету.

первый советник бургомистра в Магистрате, владелец аптеки и шпалерной² лавки. Хозяин большого и богатого дома. Почтенный бюргер и семьянин. Он Иоганн Якоб фон Баумгартнер.

– Герр Баумгартнер, господин, – послышался голос. А может, приснилось? – Господин, проснитесь, – уже более настойчиво было повторено. Нет, не приснилось. Но этот голос знаком до неприятности. И принадлежать он мог только одному неприятному человеку. Декан приоткрыл один глаз, потом другой. Так и есть, это он. Перед ним стоял Александр Максимилиан фон Гогенгейм. Этот выскочка и болтун, вечно умничающий и пререкающийся с наставниками. Особенно с ним, непревзойдённым лекарем и алхимиком. Декан недовольно поморщился и резко бросил:

– Чего тебе?

– Герр Баумгартнер, извините, что отвлекаю вас от созерцания.

При этих словах декан удовлетворённо хмыкнул.

– Но учитель опять себя плохо чувствует. Не спал всю ночь, у него жар, и его лихорадит. Позвольте мне сегодня не присутствовать на лекциях. Я нужнее там, – и Александр неопределённо махнул рукой в сторону дверей.

Декан и виду не подал, что эта просьба весьма кстати. Не видеть целый день этого проклятого умника – что может

² Шпалера – стеной безворсовый односторонний ковёр, как правило, со сложной композицией.

быть лучше?

– Так и быть, иди. Отпускаю тебя, но знай, делаю это из уважения к твоему наставнику. Поди прочь, – сказал декан и прикрыл веки.

Александр ловко повернулся на пятках и в миг оказался у дверей.

– Стой, – услышал он повелительный окрик за спиной.

Юноша остановился и развернулся в сторону говорившего. – Имей в виду, мальчишка: ни сегодняшнее, ни предыдущие отсутствия на занятиях не освобождают тебя от оплаты за них.

Мальчик смело смотрел в свинячьи глазки декана.

– Хорошо, герр Баумгартнер, – ответил Александр. А про себя добавил: «Жаба. Жаба и шарлатан».

Выскочив из дверей альма-матер, молодой человек припустил вдоль улицы в сторону дома.

«Сейчас домой, провести учителя, а потом на рынок», – думалось ему. За что невзлюбил декан юношу, было нетрудно догадаться. Александр был строен, худощав, выше среднего роста. Можно сказать, даже худ. Чёрные, как вороново крыло, волосы обрамляли овал лица с правильными чертами, красиво очерченные губы и немного вздёрнутый нос. Довершали картину его облика большие карие глаза. Юноша был любознателен, если не сказать любопытен, жаден до знаний и мучил всех наставников на факультете непрерывным шквалом вопросов. Хорошо учился, обладал велико-

лепной памятью и слыл лучшим школяром университета. Короче, обладал всеми качествами человека, которые были так ненавистны декану. Юноша летел, благо дом, где он жил, был недалеко. Он стоял в самом центре города между ратушей, где заседал почтенный магистрат, и центральной площадью, где располагался рынок с его бесчисленными лавками. В доме на первом этаже была аптека, где Александр и его учитель готовили и продавали снадобья всем страждущим, а также небольшие кухня и склад. А на втором этаже были две комнаты. Одна учителя, другая Александра. Дом не был большим, но был ладно скроен и имел отличную локацию. Забежав в помещение, юноша птицей взлетел на второй этаж и буквально ворвался в опочивальню к больному. Возле единственного окна, выходящего на ратушу, стояла кровать. На ней лежал человек. Вернее то, что осталось от него, почти скелет. Подойдя к кровати, юноша опустился на одно колено и взял в обе руки ладонь лежащего. Это был мужчина, старик. Медленно, с трудом тот открыл глаза. Разомкнув почти беззубый рот с сухими потрескавшимися губами, он тихо произнёс:

– Александр, мальчик мой.

– Да это я, учитель, – ответил молодой человек. – Сейчас я принесу воды.

– Хорошо, хотя я давно уже не чувствую жажды, и моё тело живёт в стране пустынь, – пробормотал лежащий.

Юноша сбегал на кухню и принёс миску с водой. Смочив

в плашке платок, он приложил его ко рту больного. Старик беззвучно пожевал губами и, сделав над собой усилие, с трудом проглотил несколько капель живительной влаги.

– Учитель, сейчас я сбегая на рынок, куплю немного крупы и мёда, и мы устроим пир.

Лицо старика исказило подобие улыбки.

– Хорошо, сынок, но это гораздо важнее для тебя. Ты юн, и твой организм требует пищи, чтобы расти. А мне уже ничего не надо. Если тело не просит влаги, значит, и еда ему не нужна. – Не говори так, учитель! – воскликнул раздосадованно юноша. – Мы победим твою хворь. Ведь ты же лучший лекарь на всём свете. Для тебя нет тайн на теле человека.

Старик устало прикрыл глаза. Если бы это было так легко. Вслух же произнёс:

– Ты прав, мой мальчик, за долгие годы врачевания и скитаний я многое узнал и многому научился. Как лечить от хвори и как предотвращать болезни путём правильного голодания. Как лечить ушибы и растяжения, зашивать открытые раны и вскрывать нарывы. Но мне неизвестна болезнь, которая убивает меня. Эта хворь сожрала меня за три месяца. И живёт она в самом не изученном месте человека, – преодолевая боль, он поднёс руку к голове и постучал легонько указательным пальцем по лбу. – Голова, Александр. Ещё в древние времена в Египте жрецы знали, что голова отвечает за всё, что мы творим. Она командует, а тело лишь послушный исполнитель её воли. И если происходит недомогание

или сбой в работе головы, страдает всё тело. Сейчас мою голову изнутри терзает страшный зверь. Когда он спит, я могу говорить с тобой, немного поесть и немного о чём-то поразмышлять. Но когда он бодрствует, нет спасения от него. И танталовы муки покажутся райским блаженством. Он не успокоится, пока не сожрёт мою голову изнутри. И тогда наступит мрак и успокоение.

Больной устало замолчал. С каждым днём разговаривать становилось всё тяжелее. Александр, сжав кулаки от беспомощности и злобы на весь мир, прошёл к себе в комнату. Там, достав из-под кровати перемётную суму, вытащил из неё кожаный кошель. На самом его дне лежали один рейнский гульден³ и девяносто пфеннигов⁴. Это были все их деньги. Учитель давно повелел Александру вести все бухгалтерские дела и аптекарскую кассу. Но вот уже почти три месяца, как аптека не работала и не приносила доход. И причиной тому была болезнь наставника. Поначалу юноша, научившийся многому у мастера, пробовал сам готовить снадобья для горожан. Благо их аптека пользовалась доброй славой из-за невысоких цен, а также колоссальных знаний и опыта учителя. Но вскоре он вынужден был оставить это занятие. Городской совет запретил Александру работать без лицензии, да и больной требовал тщательного ухода. А ещё надо было учиться в университете, куда Александр попал не только бла-

³ Рейнский гульден – денежная единица, чеканившаяся в Германии с XIV века.

⁴ Пфенниг – мелкая разменная монета в Германии в Средние века.

годаря тяге к знаниям, но и протекции наставника. Юноша взвесил на ладони монетки, затем со вздохом опустил гульден обратно в кошель, зажав в кулаке пфенниги, вышел из дома и направился в сторону рынка.

Старик лежал, беспомощно вытянув руки вдоль туловища. Зверь в его голове дремал, и была возможность поразмышлять. А думать было о чём. И в первую очередь о мальчишке. Что будет с ним после смерти старика? Он был почти уверен – парню не дадут встать на ноги. Уж слишком много недоброжелателей и завистников. А самый сильный и опасный – это декан Иоганн Баумгартнер. Его давний недруг и конкурент. В городе были две латинские кухни⁵. Первая – его, не работающая, а владельцем другой был не кто иной, как декан. И сейчас дела его как никогда были хороши. Весь город, пригородные деревеньки и даже из соседних городов приезжали в единственную действующую аптеку. Старец знал, что декан давно положил глаз на их дом-аптеку. И только страх и уважение к старику сдерживали того. Но после смерти уже никто не остановит этого человека. И он уничтожит мальчишку. Александр, его Александр. Много лет назад он, Альберт Теодор Гвидо фон Гогенгейм, тогда ещё сильный мужчина в расцвете сил, путешествуя по Курфюршеству Пфальц⁶, в одном из постоянных дворов увидел маль-

⁵ Латинская кухня – аптека.

⁶ Курфюршество Пфальц – название территориального образования со столицей в Гейдельберге в рамках Священной Римской Империи.

чишку. Маленького, грязного и оборванного, прятавшегося в сене стойбища лошадей. И его, человека, много чего повидавшего в этом мире, вдруг пронзила жалость и участие к этому несчастному существу. Расспросив местных и узнав, что мальчишка круглый сирота, он попросил привести его к себе в снятую комнату там же, на постоялом дворе. Двое здоровенных крестьян выполнили его просьбу и, получив вознаграждение, удалились. Мальчонка забился в дальний угол комнаты и приготовился к худшему. Откуда ему, всю свою коротенькую жизнь получавшему лишь тумаки да затрешины, знать, что такое добродетель. С трудом, то и дело уворачиваясь от зубов волчонка, Альберту Теодору удалось, наконец, отмыть в горячей воде мальчишку и переодеть в чистую одежду, купленную у жены хозяина заезжего двора. И теперь он сидел на противоположном конце стола и с теплотой во взгляде смотрел, как умытый и приодетый мальчик поедает с невероятной скоростью похлёбку из чечевицы, откусывая большие куски от ломтя ржаного хлеба.

– Как зовут тебя, мальчик? – спросил Альберт.

Тот лишь сверкнул на него своими большими карими глазёнками, продолжая орудовать ложкой.

– Не спеши. Если будет мало, я закажу ещё.

Перспектива второй тарелки заметно обрадовала парня. Но он продолжал упорно молчать.

– Итак, – продолжил мужчина, – как твоё имя?

Мальчишка буркнул с полным ртом что-то вроде «Блн-

ксс».

– Может, Алекс? – предположил Альберт Теодор.

Гость активно закивал.

– Ну хорошо. Пусть будет Алекс. Значит, Александр. Хорошее имя. А сколько тебе лет?

Мальчишка с недоумением уставился на задавшего вопрос. Эта загадка явно поставила его в тупик. Пожав плечами, он продолжил работать ложкой. Вызвав хозяина гостиницы и заказав ещё порцию похлёбки, но уже сдобренную куском мяса, Альберт поинтересовался у владельца двора, сколько лет мальчишке. Тот ответил, что не знает, но помнит, что пять зим назад его жена нашла маленькое тельце, завёрнутое в рваную тряпицу, прямо у порога харчевни. Пожалев бедолагу, она забрала его в дом и выходила, но когда тот немного подрос и окреп, они вынуждены были лишиться его крова. Потому как у самих семеро по лавкам. Так мальчишка и жил. Спал и ел вместе с лошадьми. Занимался грязной и тяжёлой работой за тарелку супа и кусок хлеба. А вообще-то он ничей, и если многоуважаемый пожелает, он уступит волчонка за жалкие пять пфеннигов. Сторговавшись на трёх, хозяин гостиницы довольный ушёл, а Альберт начал думать, как узаконить существование Александра. Не придумав ничего дельного, он обратился в магистрат небольшого городка Мангейма⁷ с просьбой о помощи в усыновлении

⁷ Мангейм – город в Германии на месте впадения реки Неккар в Рейн. Расположен на расстоянии 19 км от Гейдельберга.

дителя. Конечно, ему было отказано, ибо необходимо согласие близких родственников. В случае если те считаются умершими, то нужно согласие дальних родственников. В случае отсутствия и таковых нужно разрешение опекунов. Сумма в два рейнских гульдена закрыла все вопросы об опекунов и усыновлении. Так на свет появился Александр Максимилиан фон Гогенгейм. Они продолжили путешествовать и лекарствовать уже вдвоём. Мальчик оказался на редкость смысловым. Схватывал всё на лету и обладал невероятно цепкой памятью. Вскоре он без труда отличал акацию катеху от акации серебристой, отлично усвоив полезные свойства каждой. Помогал учителю в собирании лекарственных растений и приготовлении снадобий. Альберт учил мальчика грамоте и латыни, и тот благодаря своей памяти делал поразительные успехи на этом поприще, запоминая латинские названия необходимых трав или декламируя наизусть произведения Вергилия⁸. Через несколько лет Альберт решил осесть в каком-нибудь городе. Александру эта идея пришлась не по сердцу, ему нравились странствия, ночёвки под открытым небом, новые знакомства и новые друзья. Но он не смел спорить с учителем. А выбор того пал на столицу Курпфальца⁹ – город Гейдельберг¹⁰. Купив двухэтажный домик в самом центре города на деньги, заработанные лечением страж-

⁸ Вергилий – римский поэт I века до н. э.

⁹ Курпфальц – сокращённо от Курфюршества Пфальц.

¹⁰ Гейдельберг – город в Германии на берегу реки Неккар.

дущих, Альберт получил разрешение от самого курфюрста Пфальца Рупрехта III¹¹ на открытие аптеки и врачевание в славном городе Гейдельберг.

Они никогда не жили богато, ибо Альберт свято чтит заветы своих учителей и никогда не стремился к обогащению. Основной целью этого порядочного человека была помощь больным и недужным. Так они и жили, не наживаясь и не бедствуя. Александр подрастал, и на момент болезни учителя ему миновал девятнадцатый год. Мальчик вырос и превратился в доброго и послушного юношу, искренне уважающего своего благодетеля. Учился в университете, помогал Альберту по дому и во врачебной практике. И избранницу себе нашёл достойную, семнадцатилетнюю красавицу Агнет, живущую по соседству в доме мясника Гюнтера, тоже круглую сироту. Супруга Гюнтера, добрая, но бездетная Брумхильда, будучи сестрой покойной матери Агнет, взяла её к себе на воспитание. Всё бы ничего, но одно не давало покоя Альберту. Несмотря на то, что он относился к Александру, как к родному сыну, любил его и баловал, тот никогда не называл его отцом. И однажды, когда Александр уже стал взрослым, Альберт позволил себе спросить его об этом. Тот покраснел и, смущаясь, ответил, что он любит Альберта и безгранично уважает, но в то же время понимает, что где-то на земле ходит человек, зачавший его, и было бы нечестно, не смотря ни на что, лишать его этого звания. Тогда Альберт

¹¹ Рупрехт III – курфюрст Пфальца, с 1400 года – король Германии.

дал себе слово никогда больше не возвращаться к этому разговору. «Но хватит этих душещипательных воспоминаний, – сам себя остановил старик, – нужно найти выход». Но как? Денег он не накопил. Всё его богатство – это знания, книги по врачеванию и дом. Всю свою жизнь он делился знаниями со своим сыном, ничего не утаивая. Книги мальчик получит после его смерти, как наследник, дом тоже унаследует Александр, документы в порядке. Но сможет ли он сохранить всё это? Слишком уж могущественными были недоброжелатели. Весь магистрат и сам бургомистр были на стороне декана. Недаром он советник. А у них нет денег даже на его собственные похороны. И самое главное – готов ли Александр? Пришло ли время? Сможет ли он довериться юноше? Страшная, всевозрастающая боль окутала его разум, огненные клещи сковали виски. И старик перестал отвлекаться на посторонние мысли, сконцентрировавшись на подавлении адской боли силой воли. Разум должен жить.

Тем временем Александр, купив на рынке ячменной крупы, яиц, молока, свежей капусты и плашку мёда, направился в лавку к мяснику Гюнтеру купить немного мяса, надеясь встретить там Агнет. По дороге он увидел в одной из многочисленных лавчонок красивую ленточку. На узкой белой полоске красовались вышитые золотой нитью причудливые узоры. Он мысленно представил, как шикарно будет смотреться эта лента, вплетённая в косу цвета спелой пшеницы. Но это была дилемма. Но мысли об Агнет взяли верх, и он

смело шагнул за порог галантерейной лавки. И вот теперь он стоял, переминаясь с ноги на ногу, перед мясником Гюнтером. В одной руке корзина с покупками, в другой в зажатом кулаке ленточка для Агнет.

– Здравствуйте, герр Гюнтер, – вежливо поздоровался Александр.

– И тебе доброго дня, Алекс, – пробасил в ответ мясник. Он был огромного роста, с широкой грудной клеткой и гигантскими ручищами. Соседи в шутку поговаривали, что Гюнтер не рубил мясо, а рвал его на части руками.

– Не правда ли, сегодня хорошая погода, – несмело предположил Александр.

– Ноги ломит, к вечеру дождь пойдёт. А что, Альберт гостей ждёт? – покосившись на корзину с покупками, прикрыв платком, поинтересовался Гюнтер. – Может, и мяса возьмёшь?

Александр стыдливо потупил глаза, вспомнив о дилемме.

– Нет, герр Гюнтер, никаких гостей мы не звали, да и некого. Кроме вас и вашей супруги, у нас никого и нет. А покупки, да там одни овощи, учителю всё хуже и хуже. Вот хочу приготовить ячменную кашу с мёдом и пироги с капустой. Порадовать старика, – ответил Алекс.

– Ясно. Ты хороший сын, и у тебя доброе сердце. Думаю, господь тебя не забудет. Ты что-то хотел? – хитро, будто ничего не понимая, спросил Гюнтер.

– Да, господин. Могу я увидеть Агнет?

Мясник молча развернулся и ушёл в чёрный проём открытой двери. Вскоре оттуда донёсся окрик Брумхильды:

– Агнет, Агнет, девочка моя, тебя ждут. Да смотри, недолго, работы непочатый край.

– Хорошо, фрау Брумхильда, – отозвался звонкий, как колокольчик, голос красавицы Агнет.

У Александра защемило под ложечкой, сейчас он увидит своего ангела. В дверях показалась Агнет. Увидев, кто её ждёт, она зарделась и улыбнулась. Это была стройная и красивая девушка. Выразительные голубые глаза, небольшой вздёрнутый носик и пухлые губы придавали её личику очаровательный, немного детский шарм. Длинные, золотистые волосы, словно нимб, обрамляли овал её лица и низвергались непослушным водопадом на её девичьи плечи.

– Алекс.

– Агнет.

Какое-то время влюблённые стояли и молча смотрели друг на друга. Первым пришёл в себя Александр, поняв, что нельзя терять ни минуты, ибо в любой момент любимую могут оторвать от него, позвав обратно в дом.

– Агнет, как же ты прекрасна. Я очень соскучился.

– Алекс, мы только вчера виделись, как тебе не совестно, – пожурила Агнет влюблённого юношу, но по лицу было видно, что ей очень приятны эти слова. – Как герр Альберт? – спросила девушка. Брови Александра нахмурились, вопрос Агнет вернул его с небес на землю.

– Плохо, не знаю, что и делать? Мы испробовали всё и даже больше. Вчера попробовали отвар Теофраста¹², а ведь его применяют лишь в крайних случаях, – ответил юноша.

– И что, есть изменения? – с надеждой в голосе спросила Агнет.

– Нет, он должен был сразу подействовать, слишком сильные ингредиенты. Но всё напрасно. Учитель говорит, зверь пожирает его мозг. А это конец.

– Агнет! – раздался окрик из лавки. – Подойди сюда.

– Мне пора, Алекс, – Агнет подняла грустные глаза на юношу.

– Да, я понимаю. Иди, – ответил молодой человек. – Поймай! – спохватился Алекс.

Разжав потную от волнения ладонь, он протянул ей подарок. Глаза Агнет заблестели при виде такого богатства. Она аккуратно взяла ленточку из раскрытой ладошки Александра и, нагнувшись к уху юноши, почти касаясь его губами, прошептала:

– Спасибо, любимый.

И чёрный проём двери проглотил её. Александр стоял ни жив ни мёртв. Крупные капли пота стекали по его большому лбу. Любимый, она сказала любимый. Он чувствовал прикосновение её мягких губ. Как жаль, что нельзя вернуть назад хоть не надолго эти мгновения. Упрямо помотав головой, как будто говоря кому-то невидимому решительное нет,

¹² Отвар Теофраста – вымышленное снадобье.

юноша повернулся и весело зашагал к своему дому.

Уже четвёртый час шло заседание в магистрате города Гейдельберга. Нужно было решить три вопроса. Первые два решились легко и не заняли много времени. Первый звучал так: нужно ли ремонтировать шлюз на реке Неккар, который не ремонтировался более тридцати лет? Ответ: нужно! Если вода пробьёт шлюзовые ограждения, городу несдобровать. Второй: где найти деньги на ремонтные работы? И здесь ответ лежал на поверхности. Нужен единовременный сбор с населения города на починку и реставрацию шлюза, так как денег в бюджете города не хватает. Довольные быстрым решением вопросов и собой, члены совета магистрата улыбались и шутили. Сколько сэкономленного времени. Но третий вопрос заставил лучших мужей города попотеть. Суть вопроса была в следующем. Год назад плотник Лотарь Магнус получил заказ на постройку большого загона для коров, а также крытой овчарни для овец в городе Ладенбург¹³. Взяв кредит у ростовщика Теодора Уве в размере пятидесяти рейнских гульденов, он купил в магистрате разрешение на вырубку леса для дальнейшего изготовления досок. Начав вырубку, он не успел вовремя вывести заготовленную древесину на собственную лесопилку по причине начавшихся дождей и размыва дорог. И в итоге вынужден был заготавливать доски на месте в лесу, не имея крытых складов. Вследствие чего доски стали не пригодны для дальнейше-

¹³ Ладенбург – город в Германии в 9 км от Гейдельберга.

го использования. Заказ не был выполнен, работы не были оплачены по этой же причине. Городская община Ладенбурга требует неустойку от плотника Лотаря Магнуса, ростовщик Теодор Уве требует возврата кредитных средств у плотника Лотаря Магнуса, а плотник Лотарь Магнус просит отсрочки у ладенбургцев и у ростовщика. А также слёзно умоляет магистрат выделить очередную делянку под вырубку. Вот такая задача требовала решения от членов совета, и потому заседание затянулось. Почтенные мужи потели и пыхтели, ломая головы над решением этой непростой задачи. И только два человека знали, как будет решён вопрос. Это декан Иоганн Баумгартнер, потому как не далее, чем вчера вечером к нему на огонёк заходил ростовщик Теодор Уве. И не с пустыми руками, а с бутылочкой доброго глинтвейна и увесистым кошельком. Уж больно приглянулась лесопилка Лотаря Магнуса любимому зятю ростовщика. Утром следующего дня часть золотых гульденов благополучно переключала в кошель бургомистра. Дав возможность членам совета волю наспориться и тем самым изрядно утомить самих себя, опытный крючкотворец и интриган бургомистр взял слово. Красочно живописав верховенство закона, стремление слепо следовать его букве и гневно сверкнув очами на присутствующего на совете плотника, он предложил в качестве компенсации ущерба передать лесопилку ростовщику Теодору Уве, обязав новоиспечённого хозяина утрясти вопрос с ладенбургцами о новом подряде на строительство. Таким

образом проблема будет решена к всеобщему удовольствию всех вовлечённых в этот конфликт. Так и решили. И им было вовсе не важно, что кто-то остался у разбитого корыта. И этот кто-то – плотник Лотарь Магнус и семеро душ в его доме.

Вернувшись домой, Александр застал учителя в ещё худшем состоянии, чем утром. Борьба с болезнью отнимала всё больше сил, а черпать их было неоткуда. Александр скоренько, по-хозяйски развёл огонь, принёс воды и замесил тесто. Быстренько приготовил ячменную кашу и нажарил пирожков с капустной начинкой. Положив приготовленное на поднос и изрядно сдобрив кашу мёдом, юноша вернулся к больному. Тот лежал, уставившись в одну точку на потолке.

– Учитель, я принёс поесть, – сказал юноша.

– Я не голоден, Александр. Сядь, пожалуйста, мне надо с тобой поговорить, – ответил старик.

– Никаких разговоров! Клянусь богом, я не буду слушать вас, пока вы не поедите эту чудесную кашу и не попробуете моих штруделей с капустой. Ну не даром же я стоял столько у печи, – возмутился юноша.

Подложив подушек под спину больного, Александр покормил того кашей. От пирожков Альберт отказался. Запив съеденное тёплым отваром из трав, больной почувствовал себя гораздо лучше.

– Александр, сядь, мне нужно поговорить с тобой, – повторил старик.

– Может, отложим до вашего выздоровления, учитель? – спросил Александр, он искренне жалел силы старика.

– Нет, – настойчиво повторил больной, – сейчас.

И указал пальцем на место возле себя на кровати. Юноша послушно пересел с табурета на указанное место.

– Александр, слушай и не перебивай. У меня мало времени и ещё меньше сил.

Юноша кивнул и приготовился слушать.

– Очень много лет назад, – начал своё повествование старик, – я был примерно такого же возраста, как и ты сейчас. И служил подмастерьем у одного великого врачавателя и алхимика. Вернее, нас было двое подмастерьев. Я и мой лучший друг Тибериус. Мы были одногодки и не разлей вода. Мы учились так же, как и ты теперь, во всём слепо доверяя нашему учителю. Но настал день, когда наставник почувствовал приближение своей кончины. Призвав нас к себе, он объявил свою волю и по чести разделил между нами свой небогатый скарб. Затем, взяв с нас обет молчания, раскрыл нам свою тайну. Он был владельцем бесценного манускрипта, сочинения лучших умов в сфере медицины и алхимии. Рукописи, которая писалась и переписывалась не один год. Столетиями она наполнялась знаниями великих мудрецов. Знаниями, которые не должны попасть в руки нечистоплотных и непорядочных людей. Так как это может привести к необратимым последствиям. Опыт, который нужно использовать с величайшей осторожностью и лишь во благо людей. Каждый

прежний владелец привносил свою лепту в создание этой работы и делился ею со своими последователями. Так и наш учитель, когда пришло его время покинуть бренный мир, передал эти знания и рукопись нам с Тибериусом. Взяв с нас клятву хранить это в тайне под страхом смерти, – старик откашлялся и продолжил. – Толстая книга, обёрнутая в чёрную, потёртую воловью кожу. Старые, пожелтевшие, с плохо разбираемыми письменами страницы чередовались с более новыми. Вероятно, прежние владельцы вставляли листы целиком, таким образом дополняя и изменяя текст. Многие листы не были сшиты на корешке. Всё писалось на латыни. На великом языке медицины и алхимии. Посвятив нас в тайну, учитель умер. А мы с Тибериусом стали адептами этой невероятной энигмы. Мы продолжали путешествовать, побывали на далёком востоке, где восходит солнце, и оно такое яркое, что людям приходится всё время щуриться, и оттого разрез их глаз похож на щёлочки. Мы побывали в землях, где вода ценится дороже золота, и есть животные с горбами на спине, могущие не есть и не пить неделями. Терпели страшные холода, а Тибериус чуть не замёрз и не умер в стране, где полгода день, а другие полгода ночь. И везде, где бы ни были, мы не забывали о книге и хранили её тайну.

Старик опять замолчал и закрыл глаза. Александр смочил влажным платком потрескавшиеся губы говорившего и терпеливо молчал. Наконец, старик продолжил:

– В ту пору мы путешествовали недалеко от города Ме-

диоланум¹⁴. Однажды утром я проснулся и не нашёл своего верного друга рядом. На месте, где ещё вчера вечером прилёг мой товарищ, сейчас лежал небольшой камень, а под ним записка, в которой он писал, что я останусь его названным братом до конца жизни, и не было и не будет у него никого ближе меня. Но пришло время расстаться, ибо он хочет попробовать разгадать тайну книги. Саму книгу он оставляет мне, так как помнит её наизусть. И когда-нибудь мы обязательно свидимся.

Паузы становились всё чаще и продолжительнее. Александр видел, с каким трудом даётся рассказ старику, и потому не смел торопить его.

– Теперь, Александр, пришло время тебе принять всю тяжесть ноши этой тайны. Ступай в аптеку, на складе в дальнем углу, рядом с большим шкафом с ретортами, стоит гигантская колба. Отодвинь её в сторону, на полу ты увидишь металлическую четырёхугольную заплатку. Нажми на неё и сосчитай до двадцати. Иди, мой мальчик. Остальное потом.

Старик со стоном откинулся на подушку. Александр, не чувствуя под собой ног, бросился в аптеку. На складе, найдя огромную колбу с вогнутым во внутрь дном (его всегда мучил вопрос, зачем она здесь), он отодвинул её и увидел грязное почти квадратное пятно. Юноша потёр указательным пальцем это место, и на свет показалась металлическая поверхность. Найдя тряпку и смочив её водой, он оттер на-

¹⁴ Медиоланум – латинское название города Милан.

липшую грязь. На поверхности засиял металлический прямоугольник и впрямь, как заплатка на деревянном полу. Надавив на неё, он сосчитал до двадцати, но ничего не произошло. Повторив несколько раз эти пассы и убедившись в их бесполезности, Александр вернулся в опочивальню к больному.

— Учитель, — тихо прошептал он лежащему на ухо. — Учитель, я нашёл заплатку, но ничего не выходит.

Старик открыл глаза и в первое мгновение не понимал, чего от него хочет этот молодой человек. Но постепенно разум победил небытие.

— Ты нажимал по центру? — спросил старик.

Юноша кивнул.

— Значит, жми сильнее, механизм мог заржаветь. И не забудь сосчитать до двадцати, не меньше.

Молодой человек вернулся на первый этаж. Опустившись на колени и собравшись с силами, он со всей мочи надавил в центр прямоугольника. Один, два, три, четыре, где-то на тридцати он услышал щелчок, и металл со скрежетом сначала опустился на несколько дюймов, а затем послушно отъехал в сторону, обнажив углубление в полу. Присмотревшись, юноша увидел на самом дне ниши тёмную ткань. С опаской опустив туда правую руку, он достал свёрток. Внутри его было что-то твёрдое и тяжёлое. Положив свёрток себе на колени, он, сидя у края тайника, развернул ткань и увидел книгу в чёрной, потёртой воловьей коже. От волнения у него пере-

хватило дыхание, а сердце было готово вырваться из груди. Вернувшись в комнату к учителю и держа книгу на вытянутых руках, Александр присел на краешек табурета и протянул её наставнику. Старик покачал головой и сказал:

– Теперь она твоя, сынок.

– Но что мне с ней делать? – заикающимся от волнения голосом спросил Александр.

– Ты должен быть сильным, чтобы хранить это сокровище. Ты умный парень и должен понимать, что если она попадёт в руки непорядочных людей, много бед и зла падёт на человечество. Ибо здесь хранятся тайны не только жизни, но и смерти. Помни это, сынок.

– А какую тайну решил разгадать твой друг Тибериус? И почему он покинул тебя? – спросил юноша.

Старик вновь прикрыл глаза, дневной свет утомлял его.

– Не знаю, – не открывая глаз, ответил он. – Я много думал об этом, но так и не нашёл ответа. Мы были очень похожи с ним. Оба любознательные, с поистине неутолимой жаждой познаний. Но что сподвигло его уйти? Какая тайна, я не знаю. А сейчас оставь меня. Я должен отдохнуть.

Александр влетел в свою комнату и закрыл дверь. Прислонившись спиной к закрытой двери и прижимая обеими руками к груди обрётённую драгоценность, он не верил своему счастью. Он, бедный сирота, два часа назад и представить себе не мог, что станет повелителем жизни и смерти. Нет, конечно, он знал травяные сборы, приводящие к смерти

человека, или же, наоборот, сбор противоядий. Но это все не то. В его руках мудрость человеческая, собранная в одном месте и накопленная столетиями. Нет, этого не может быть. Да ещё всё это дело венчает какая-то древняя тайна. Александр вытер холодный пот, струившийся с висков и лба. Взяв себя в руки, он дошёл до своей кровати и присел на краешек, продолжая прижимать книгу к груди. Опустив взгляд на рукопись, он увидел посиневшие пальцы, с такой силой он сжимал её. «Хватит, успокойся, Александр, в конце концов ты не девчонка, а мужчина», – сказал сам себе Александр. Юноша сделал глубокий вдох и с силой выдохнул. Повторив это упражнение трижды, как учил наставник, Александр начал успокаиваться. Его мысли потекли в обычном русле. Открыв книгу, он начал читать и погрузился в мир трав, латинских выражений и точных мер измерения. Молодой человек потерял счёт времени и не заметил, как наступила ночь. Вскочив с кровати он бросился в комнату учителя. Ну надо же было так опростоволоситься, за чтением он совсем забыл о своих обязанностях. Влетев в опочивальню, Александр остолбенел. Старик лежал не дыша, заострившиеся черты посиневшего лица резко контрастировали с белой подушкой. Подбежав к кровати, Александр схватил руку старика, дабы проверить пульс, а ухом приник к груди лежащего. Ни там, ни там – ни звука, ни пульсации. Юноша оторвал голову от груди старика и посмотрел на лицо учителя. Стекланные глаза старца, не мигая, смотрели в потолок. Альберт Теодор Гви-

до фон Гогенгейм умер. Не в силах более сдерживать себя, юноша разрыдался. Парень сидел, закрыв лицо руками, и его тело сотрясали глухие рыдания. Оторвав руки от лица, юноша ещё раз взглянул на лежащего наставника, и его губы еле слышно прошептали:

– Отец.

На минуту показалось, что губы покойника дрогнули в улыбке.

Учителя похоронили на городском кладбище. На похоронах был почти весь город. Горожане, не занятые в этот день на работах, посчитали невозможным для себя не попрощаться с Альбертом Гогенгеймом. С этим чудаковатым, но очень добрым человеком. И на следующий день после похорон люди приходили в дом и говорили слова соболезнования. Александр принимал и благодарил их. С расходами любезно помог магистрат города. Нетрудно догадаться, кто играл первую скрипку в этом деле. Уже на следующее утро после смерти старика Иоганн Якоб фон Баумгартнер был у Александра. Произнеся слова соболезнования и пустив для вида фальшивую слезу, декан заверил молодого человека, что тот может смело рассчитывать на него и на город.

– Александр, мальчик мой, – заупокойным голосом говорил декан, – ты можешь не беспокоиться ни о чём. И твоя задолженность за учёбу и, конечно же, похороны будут оплачены. Тебе будет выделен кредит на любую необходимую сумму. Заработашь, отдашь через полгода. Да? – заискиваю-

щим тоном плёл свои сети старый паук.

Он дождался своего часа. Старика нет, а мальчишку он облапошит в два хода. По большому счёту у Александра не было другого выхода. Первоначально была одна небольшая надежда на мясника Гюнтера. Но тот, как только узнал, что этим делом интересуется декан, умыл руки. И парень, вздохнув, подписал все документы по кредиту. Что-нибудь придумается. А сейчас ему нужны деньги. О книге он, конечно, помнил, но было не до неё, и она тихонько ждала своего часа под металлической заплаткой в тайнике. Работать аптекарем, несмотря на опыт и знания, он не мог. Так как у него не было разрешения, лицензии на аптекарство, и он не состоял в гильдии. Максимум подмастерьем. Учится ему оставалось один год, предыдущие пять лет учёбы пролетели незаметно. И потому денежный вопрос сейчас стоял как никогда актуально. Александр прекрасно понимал, что усыпляющая улыбка декана – ничто иное, как улыбка Иуды. И со временем он сотрёт Александра в порошок. Но другого выхода не было, нужно было жить, учиться и содержать дом. И молодому человеку ничего не оставалось, как обратиться к декану, владельцу единственной работающей аптеки в округе, с просьбой о принятии в подмастерья. Иоганн Баумгартнер любезно принял юношу, выслушал и так же любезно отказал. Мотивировав тем, что у него уже есть аптекарь и два подмастерья, а в услугах третьего он не нуждается. Что было абсолютной ложью. С тех пор, как его аптека

осталась единственной работающей, аптекарь и подмастерья трудились в две смены не покладая рук. Но в память о добром Альберте декан был готов поговорить со своим старым другом, владельцем такой же аптеки, но в Мангейме, может, там его возьмут подмастерьем. Юноша с достоинством отказался, Мангейм был далеко от Гейдельберга, а у него нет даже лошади. Оставалось одно, идти в помощники к мяснику Гюнтеру. Тот после разговора с Брумхильдой принял его на работу, положив оклад в два гульдена в месяц и бесплатные обеды. Работать надо было после университета, вечерами, до поздней ночи. Мыть в цеху после разделки туш, убирать отходы и приводить в порядок лавку, готовя её к утренней торговле. Юноше ничего не оставалось, как согласиться. Узнав об этом, декан довольно потирал руки. С таким заработком Александру и за год не расплатиться с кредитом. Сумма кредита была немалая, особенно для Александра, целых сорок гульденов. Из которых двадцать пять ушли сразу за год обучения в университете, а остальное на похороны и поминки учителя. В итоге у парня остались два гульдена. Которые он берёт пуще глаз своих. Ведь у Александра была мечта – жениться на своей возлюбленной Агнет. А для этого требовался выкуп. Несмотря на добрососедские отношения с Гюнтером, старый скупердяй никогда не отпустит без него милую Агнет.

Кроме работы в мясной лавке, Александр иногда занимался науками с детьми бакалейщика Андреаса, арифмети-

кой и грамматикой, получая за это ещё семьдесят пфеннигов. Таким образом, для покрытия кредита с процентами (декан согласился на «человеческие» сорок процентов в год) через полгода Александру понадобилась бы сумма в сорок восемь гульденов, где восемь гульденов составляли бы набежавшие проценты за шесть месяцев. Произведя нехитрые расчёты, Александр пришёл к следующему. Ежемесячные траты при всей экономности Александра составляли один рейнский гульден. Чистыми у парня оставалось один гульден и семьдесят пфеннигов, что составило бы в полгода десять гульденов и двадцать пфеннигов. Это было бесконечно мало, ибо день и час расплаты по ссуде никто не собирался отменять.

Когда улеглись все хлопоты с похоронами и поиском работы, жизнь вошла в обычное русло. И у Александра появилось свободное время – ночь. Это было его особенное время, когда он, достав книгу из тайника оказывался в невероятном мире медицины и алхимии. Много, очень много он узнал из этой кладези мудрости. Хотя многого и не понимал. К примеру, один эскулап из древней страны под названием Сирия писал, что зубы крепятся к кости с помощью мягких нитей и не являются продолжением самой кости. Другой древний врач из Константинополя заявлял, что если простужено горло и горит огнём, то лучшим средством для его лечения будет полоскание горла ледяной водой, ибо клин клином вышибают. Время летело не заметно, и вот по прошествии

трёх месяцев со дня похорон Альберта, Александр, наконец, решился на серьёзный разговор с Гюнтером. Единственное, чего он страшился в этом разговоре, так это то, что Гюнтер назовёт заоблачный выкуп, а ему придётся торговаться, сбивая цену, как за овцу на рынке. Но всё обошлось. Сначала мясник загнул цену в десять гульденов. Но увидев, как сник парень, на помощь пришла фрау Брумхильда.

– Что ты мучаешь парня, старый боров, ты ведь знаешь, что у него нет таких денег. Итак в долгах, как в шелках, а ещё ты со своим выкупом. Дай молодым дорогу, старый пень.

Мясник покосился на крепкие руки супруги, не раз отведывавших тумачей ему, когда он приходил, как выражалась хозяйка «на бровях» и со вздохом произнёс:

– Будь по вашему – пять гульденов.

Александр чуть не подпрыгнул от радости. Ведь к оставшимся после похорон двум золотым он смог накопить за это время ещё пять, а значит, на два гульдена можно будет накрыть свадебный стол. Всё складывалось как нельзя лучше. Свадьбу справили в доме у Александра. Были только друзья и близкие, задарили подарками. Один только Гюнтер, расчувствовавшись, подарил отрез домотканого сукна. Молодожёны были счастливы, наконец, они были вместе. Оба сохранили работу в мясной лавке с той лишь разницей, что Агнет начала получать деньги за свой труд. К великому неудовольствию Гюнтера. И лишь одно омрачало Александра – близился час расчёта по кредиту, а денег как не было, так и нет.

Наступил оговорённый день, и Александр предстал перед счётной комиссией во главе с бургомистром. Стоя перед взорами почтенных мужей, юноша честно и откровенно признал, что денег у него нет, но он, будучи честным подданным его величества и таким же честным бюргером, обязуется закрыть долг вместе с набежавшими процентами ещё через полгода и потому просит отсрочки. Бургомистр впился в парня своими змеиными глазками и, выждав минуту, сказал:

– Почтенная публика понимает и входит в положение, в котором оказался ты. И если уважаемый декан Иоганн Якоб фон Баумгартнер не против твоего предложения, думаю, достойное собрание не будет возражать против такого решения.

Замолчав, он окинул тяжёлым взглядом собравшуюся аудиторию. Послышался одобрительный гул. Бургомистр улыбнулся и обратился взором на декана. Уж кто-кто, а он-то знал, что за игру затеял декан.

– Почтенные мужи, – обратился декан с ответной речью. – Все мы были когда-то молоды и знаем не понаслышке, что такое весна жизни и темперамент.

Он обвёл похабным взглядом всех присутствующих, как бы предлагая всем поучаствовать в чём-то непотребном.

– И именно поэтому я готов буду ждать ещё полгода, хотя и несу от этого убытки.

Присутствующие понимающе закивали головами.

– Я принимаю предложение Александра продлить кредит-

ный договор ещё на шесть месяцев. Но позвольте мне задать один вопрос заёмщику. Александр, друг мой, почему ты, зная, что у тебя долг, вместо того, чтобы экономить и копить деньги для расплаты, предпочёл жениться, а ведь это траты, да ещё и выкуп заплатил немалый.

И он ещё раз обвёл хищническим взглядом собрание.

— Могу ли я быть уверен, что, дав согласие ещё на полгода, ты не отнесёшься к своему долгу так же легкомысленно?

Александр был готов к этому вопросу. Не даром они с Агнет всю ночь репетировали речь, вместо того чтобы заняться более приятными делами.

— Да, герр Баумгартнер, можете. Порукой моим словам послужит дом, перешедший мне по наследству, и пусть сказанное мной будет записано в новом договоре. Но вы, герр Якоб, к выданным мне сорока гульденам добавьте ещё шестьдесят. Ведь стоимость дома вместе с аптекой гораздо выше ста гульденов. По-моему, это справедливо.

Юноша открыто смотрел в лицо декану, прекрасно понимая, ради чего так старается тот. Но иного выхода не было. Если бы он просто выставил дом на продажу, то на него не нашлось бы покупателя. Ни в Гейдельберге, ни даже в Мангейме с Ладенбургом, где был всем известен суровый нрав и злопамятство декана Якоба фон Баумгартнера. Слишком силён и коварен был бы соперник для пожелавшего купить. И потому юноша шёл ва-банк.

— Это будет решать декан, — сухо проскрипел бургомистр

и устоялся на того.

– Я понимаю Александра, но и он должен понять меня. Неделью назад мне предложили дело в Штутгарте. Очень выгодное предприятие. Но у меня не было свободных средств. Ибо я по доброте душевной отдал полгода назад их Александру.

Увидев, что Александр пытается возразить, ведь он же брал не в долг, а в рост, декан поспешил продолжить.

– Но я столько лет знаю этого мальчика и не могу отказать ему в этой просьбе. Конечно, я согласен, но сумма которую я добавлю, будет равняться, – он сделал паузу, – двадцати гульденам. Я всё сказал.

Это был откровенный обман. Но Александр отдавал себе отчёт, в чьих руках он оказался.

– Хорошо, – сказал юноша.

– Да будет так. Принесите бумагу и перо, – распорядился бургомистр.

Всё было заготовлено заранее, вписав туда цифры и поставив подписи, документ был заверен большой городской печатью магистрата. Члены совета расходились, удовлетворённо улыбаясь и пожимая друг другу руки. Вот ещё одно дело завершено. Бургомистр тоже улыбался, сегодня его ждал отличный ужин и некая благодарность. Декан никогда не был скуп по отношению к нему. Якоб Баумгартнер был безмерно счастлив, будучи уверенным, что через полгода он станет законным владельцем дома-аптеки Гогенгеймов. Он точ-

но знал, мальчишке просто неоткуда достать такую огромную сумму. Александр же шёл домой со спокойной улыбкой на лице, всё прошло так, как они и просчитали с его Агнет. Не сомневаясь в характере декана, они точно сделали ставку на жадность этого человека. Ещё бы, в течение одного года стать владельцем менее чем за сто гульденов отличного дома-аптеки с хорошей локацией. Ну а что в сухом остатке у самого Александра? В его распоряжении шесть месяцев и долг в шестьдесят гульденов, не считая процентов. Это плохо. Но с другой стороны, у него в кармане звенят двадцать золотых, а впереди ещё полгода отсрочки. А значит, можно взглянуть на проблему и под этим углом. И Александр, повеселев, прибавил шагу.

Вечером того же дня за ужином Александр рассказал Агнет о своей встрече в магистрате. Рассмешив жену до слёз, показывая, как пучило глаза от ощущения собственной значимости этому сборищу мздоимцев. Потом молодожёны легли спать. Молодой человек, дождавшись, когда заснёт любимая, тихонько встал, зажёл свечу и спустился на первый этаж. Там, привычным жестом отодвинув колбу, нажал на заплатку и, сосчитав до двадцати, достал своё сокровище. Удобно устроившись на небольшом диванчике, стоявшем на складе, Александр погрузился в чтение. Он давно уже прочитал книгу от корки до корки и не единожды. И мог, открыв рукопись на любой странице, продолжить декламировать, не глядя в оригинал. Но юноша продолжал перечитывать, каж-

дый раз открывая что-нибудь новое. Такое случается, когда ты чем-то увлечён. И написанное открывается с другой стороны, которой ты не заметил, читая впервые. Так и в этот раз, в главе «Что делать, когда человек задыхается, или астма» на странице, написанной рукой эскулапа из страны, где в воздухе всегда висит туман, он нашёл интересный рецепт, который выглядел неприметно. Но при этом было в нём что-то сакральное. Выглядело это так: 1200 uncia Pinus gemmas, 900 uncia plantago, 900 uncia tussilago. Misce et effun devitrum mug aquae ferventis. Accipe tres vicibus indie. Что означало: 1200 унций почек сосны, 900 унций подорожника, 900 унций листьев мать-и-мачехи. Смешать и залить кружкой кипятка. Принимать три раза в день. Но далее этой простой рецептуры той же рукой была написана странная, местами размытая фраза, на которую Александр почти не обращал внимания. Sta in medio ante quattuor fratres tribus sororibus iunctis et expecta igneum spiritum ouroboros ut devoret. Потом нечётко и обрывисто: ..be..qua..rra ae... g..s, а далее всё было размыто и невозможно было прочесть. Александр никогда не придавал значение написанному. Так как был искренне уверен, что текст был связан с физическими упражнениями. Переводил же он его так: встань в центре напротив четырёх братьев объединённых тремя сёстрами и жди, когда огненное дыхание уробороса сожрёт себя. Молодой человек был убеждён, что эта галиматья не что иное, как порядок действий гимнастических упражнений. Стоять в центре напро-

тив четырёх братьев – и что в этом такого? Огненное дыхание – вероятно, восстановление дыхания после упражнений или что-то в этом роде. Далее, где обрывисто: ..be..qua. Вероятно, *bibe aquam* означает «выпей воды». Следующее: *рга* – это *terra* – значит, земля, наверное, наклоны к земле или лёжа на земле. Потом: *ае* – это не что иное, как *аег* – воздух, опять что-то, связанное с дыханием. И только буквы *g* и *s* были не ясны. И, в общем-то, Александр давно убедил себя, что это система гимнастических упражнений. В книге было много описаний физических практик для шеи, рук и ног, а правильному дыханию вообще была посвящена целая глава, написанная алхимиком из страны, где более трёх месяцев в году идут дожди. Ничего особенного, но сегодня что-то привлекло внимание Александра к этой странице. Он увидел что-то необычное в этих размытых и на первый взгляд простых строках. А может, это и есть та тайна, заставившая Тибериуса оставить товарища. Что-то здесь не так. Но что?

Утром следующего дня, позавтракав, не выспавшийся Александр, чмокнув в щёку свою Агнет, помчался в университет. Сегодня был важный день, комиссия учёных мужей принимала зачёты по препарированию трупов животных. И хотя Александр проделывал это десятки раз, он всё равно был неспокоен, так как желал получить наивысшую оценку. Агнет, придя в лавку, раскладывала куски мяса на витрине, когда туда зашёл декан Якоб Баумгартнер. Поздоровавшись с Гюнтером, он обратился к Агнет:

– Дай-ка мне, красавица, вот тот кусок филейной части, – тыча на кусок свинины толстым мизинцем с нанизанным на него шикарным перстнем.

– Сегодня господин не преподаёт в университете? – спросила Агнет, широко улыбаясь.

– Нет, – отмахнулся декан. – Могу же я отдохнуть от дел. То университет, то магистрат, – притворно недовольствовал Иоганн Якоб.

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться девушка, укладывая изрядный шмат мяса на весы. – Господин так много времени и сил отдаёт служению городу.

Эти слова пришлись по вкусу декану, и он расплылся в довольной улыбке.

– Сколько? – спросил он.

– Пятнадцать пфеннигов, – услужливо ответила девушка. Отсчитав двадцать монет, декан протянул их Агнет.

– Сдачу можешь оставить себе, красавица, – жирное лицо говорящего расплылось в похотливой улыбке.

– Спасибо, герр Баумгартнер, вы так добры к нам, – поблагодарила Агнет.

Уже уходя, в дверях, как будто вспомнив, декан спросил:

– Ну а как жизнь молодых людей, как твой муж?

– Герр Баумгартнер, мне думается, вы видите его чаще, чем я. Утром университет, вечером работа в лавке, а потом домашние задания, полученные в университете.

– Ну а ночью-то, ночью хоть вспоминает о тебе, красави-

ца? – похабничал декан.

Девушка вспыхнула, но уважительно ответила:

– Конечно, герр Баумгартнер, вспоминает, – и добавила.

– Если не сидит со своей алхимической книгой.

– Ну-ну, – пробурчал декан и пошёл.

Как вдруг остановился, словно молнией поражённый.

– Что ты сказала? Какой книгой? – повернувшись к Агнет, жёстко спросил Иоганн Якоб.

Ничего не понимая, но интуитивно догадавшись, что ляпнула лишнего, девушка поспешила исправиться:

– С книгами по учёбе.

– Нет, женщина, ты сказала алхимической книгой. Говори, что за книга! – повысил голос декан.

– Герр Баумгартнер, я не знаю, у него много книг, – дрогнувшим голосом ответила девушка.

Гюнтер поняв, что происходит что-то странное, двинулся в сторону разговаривающих. Но декан уже взял себя в руки.

– Ну много, так много, – уже более миролюбивым голосом сказал декан. – До свидания, Агнет, до свидания, Гюнтер, – попрощался и вышел.

Агнет стояла с глазами полными слёз и прижимала обеими руками краешек передника к трясущимся губам. Гюнтер подошёл к девушке и по-отечески обнял, так и не поняв, что так разозлило декана.

Иоганн Якоб фон Баумгартнер не шёл, а летел. Прохожие, поздоровавшись с деканом, шарахались от него в стороны.

Никогда ещё они не видели этого человека в таком состоянии. А он шёл, полностью сосредоточенный в своих мыслях.

«Книга здесь, она здесь, девушка проговорилась». Он знал, он чувствовал, что это именно она, та самая книга. Неужели все эти годы он потратил зря время, деньги – всё впустую. Он искал её по всему свету, там, где не могли дотянуться его собственные руки, трудились его доверенные люди. А она была здесь, под самым носом. Ну конечно, всё это время она была у этого святоши Гогенгейма-старшего. Старый осёл был скрытным человеком и никого не подпускал к себе, кроме этого выскочки Александра. Не даром он так ненавидит этого юношу. Стоп! А может, это не она. Мало ли на свете алхимических книг, а в наше время их развелось вообще немерено. Надо проверить, необходимо всё тщательно проверить. И если эта та книга, про которую рассказывал этот полоумный старик Тибериус. То... Голова декана пошла кругом, и он с улыбкой сумасшедшего прибавил шаг.

Александр и Агнет, держась за руки, шли домой. Они только что закончили работу в лавке. Молодой человек и Гюнтер завершили разделку туш и помыли разделочный цех. Затем юноша с помощью молодой жены подготовил торговый зал для утренней коммерции и с разрешения Гюнтера и Брумхильды молодожёны отправились домой. Несмотря на усталость, Александр чувствовал себя великолепно. Утром этого дня он на отлично сдал зачёты и по вскрытию, и по препарированию. Мясник Гюнтер сегодня выдал зарплату,

и два гульдена весело позвякивали в кошельке Агнет вместе с её полученными двумя гульденами. Одно слово – богачи. Молодые люди решили устроить праздничный ужин, тем более, что Агнет не терпелось потратить пять пфеннигов, оставленных деканом. Так, весело разговаривая и прерываясь только для крепких объятий, они постучались в винную лавку и попросили продать бутылочку хорошего вина. Несмотря на поздний час, владелец лавки не смог отказать такой красивой паре. Затем, также оживлённо переговариваясь, они дошли до дома. Там, бодро гремя кастрюлями и готовя ужин, Агнет рассказала о встрече с деканом и про его внезапную вспышку ярости. Весёлость мигом слетела с лица Александра. Уставившись на Агнет он строго спросил:

– Зачем ты рассказала про книгу?

– Но, Алекс, я же не знала, что это тайна. Я даже не знаю, что в ней написано, ты всегда закрываешь её когда я приближаюсь, – взмолилась Агнет.

Поняв, что сказанного не вернёшь, да и Агнет сделала это не со зла, Александр перестал злиться на жену. И потом, кто знает, что речь шла именно об этой книге, а не о любой другой. Но всё же червячок беспокойства начал точить юношу. Почему, с какой стати декан отреагировал так резко? И только сладкие поцелуи Агнет заставили Александра забыть о проблемах.

Но не он один в эту ночь терзался в сомнениях. Иоганн Якоб Баумгартнер сидел в кабинете своего просторного дома

и предавался размышлениям. Отказавшись, к искреннему удивлению фрау Баумгартнер и кухарки-экономки, от ужина, декан закрылся в своём кабинете. Итак, существует надежда, слабая, но существует, что рукопись здесь. От одной только мысли об этом декана бросало в холодный пот. Впервые о книге он услышал ещё юношей, учась в университете Алькалы¹⁵, куда был отправлен своим богатым папенькой в надежде, что там непутёвый сын остепенится и возьмётся за голову. Но не тут-то было. Здесь, в славном городе Алькала, на медицинском факультете университета молодой Баумгартнер нашёл таких же, как и он сам, богатеньких папенькиных сынков, денно и нощно предавался Бахусу¹⁶ и прочим удовольствиям. Вернувшись через десять лет в Гейдельберг в степени доктора медицинских наук (папины гольдгульдены сделали своё дело), но абсолютным профаном в своей профессии, Иоганн Баумгартнер без труда купил должность педагога и декана в недавно открытом Гейдельбергском университете¹⁷. Наследство, оставленное папой, степень доктора и положение в обществе также сделали своё дело. И новоиспечённый декан был избран советником бургомистра в городской магистрат. И сейчас этот интриган и мздоимец пы-

¹⁵ Университет Алькалы основан в 1293 году в Испании в городе Алькала. В 1836 году перенесён в Мадрид.

¹⁶ Бахус – бог виноделия в древнеримской мифологии.

¹⁷ Гейдельбергский университет – один из старейших университетов в Германии, основан в 1386 году в городе Гейдельберг.

тался построить логическую цепь в своей голове. Тогда, много лет назад, они сидели за одним столом, бакалавры и педагоги в одном из многочисленных кабачков города Алькалы. Отмечалось окончание школярства и получение степени бакалавра. Было изрядно выпито, и у одного из профессоров развязался язык. Он поведал молодёжи о великой книге по медицине и алхимии, которая писалась не один год и не одним человеком и передавалась от учителя ученику. Сколько ей лет, он не знает, но об этом ему рассказал многие годы назад его наставник. Будто в этой книге записаны рецепты снадобий от любых болезней, собраны знания о всех ядах и всех противоядьях. И нет тайн в медицине для человека, владеющего этим сокровищем. А ещё говорят, в книге сокрыта великая тайна, терзающая не один век умы алхимиков мира.

– Брехня, – буркнул один из новоиспечённых бакалавров.

И мгновенно получил звонкую затрещину от одного из педагогов, сидящих рядом.

– У тебя ещё молоко не обсохло на губах, судить об этом, – сказал ударивший. – А что касается книги, я тоже слышал о ней. И думаю, что это правда. Мне тоже рассказывали старшие, а им, в свою очередь, их наставники.

У Иоганна перехватило дух. Вот это да. Значит, если стать владельцем этой рукописи, можно стать богатейшим человеком на земле. Все сильные мира сего падут ниц перед тобою. А если к тому же тайна, про которую говорил профессор,

связана с красной тинктурой¹⁸, то ему, Иоганну фон Баумгартнеру, не будет равных во всём мире. Он должен найти её, он просто обязан это сделать, и Иоганн Баумгартнер дал себе слово, что поиски этого сокровища станут делом всей его жизни. И теперь он сидел в кресле своего роскошного кабинета и размышлял. Уже много лет его доверенные люди рыскали по всему свету. Купцы и простые бродяги, священнослужители и посольские служащие в разных странах и разных частях света искали книгу и всё, что было связано с ней. За любую ценную информацию декан был готов платить и платить щедро. В самом Ганзейском союзе¹⁹ у него были свои люди. Человек в конторе города Брюгге и даже один капитан когги²⁰, ходивший на Русь в Великий Новгород, помогали декану в его поисках. И тут такая новость. «Нужно непременно навестить Александра, – вертелась мысль в голове советника. Но с какой надобностью? Прошло уже около месяца с момента заключения нового кредитного договора между ними. Чем не причина? Зайти по-соседски проведать, поинтересоваться, не нужна ли помощь? – Так и сделаю, завтра нет занятий в университете, и Александр до обеда дома, потом уходит в лавку, значит, завтра утром и зайду», – твёрдо решил декан и, задув свечу, вышел из кабинета.

¹⁸ Красная тинктура – философский камень или пятый элемент.

¹⁹ Ганзейский союз – политический и экономический союз торговых городов в Европе, возникший в середине XIII века.

²⁰ Когг – средневековое одномачтовое палубное парусное судно.

На следующее утро, проснувшись в хорошем расположении духа и плотно позавтракав, декан направился к дому Гогенгеймов. Это был единственный день на неделе, когда Александру не надо было вставать с первыми лучами солнца. Агнет уже убежала на работу, а Александр позволил себе немного понежиться в тёплой постели. Сделав над собой усилие, он, наконец, вырвался из цепких объятий Морфея и поднялся. Приведя себя в порядок и наскоро перекусив, фриштыхом²¹, оставленным заботливой Агнет, Александр уже выбегал из дома, когда в дверях практически столкнулся с деканом.

– А я к вам, достопочтенный Александр, – сказал декан и притворно улыбнулся.

– Да, конечно, проходите. Я вот тут собирался на работу в лавку, – растеряннo пробормотал Александр.

– Я ненадолго и не задержу тебя. Просто проходил мимо, дай, думаю, зайду, узнаю, как живут молодые. Должен же знать советник состояние дел у простых горожан. Может, проблемы какие или просьбы? – продолжал притворничать декан.

– Нет, герр Баумгартнер, спасибо, ничего не надо. Но вы проходите, – спохватился Александр. Проводя незваного гостя в зал неработающей аптеки, Александр усадил того на стул.

– Может, кружку тёплого эля? Он ещё не успел остыть,

²¹ Фриштых – завтрак на немецком языке.

я только что позавтракал. Вино для нас, как вы понимаете, дорого, – сказал юноша.

– Ну что ж, не откажусь, – согласился декан, хотя и не помнил, когда в последний раз употреблял это бедняцкое пойло. Молодой человек сбегал на кухню и, налив кружку эля, вернулся в зал. Протянув её декану, Александр уселся на стуле напротив своего гостя.

– Как поживаешь, Александр? – опять спросил декан, уставившись на юношу своими свинячьими глазками.

Александр уже понял, что визит декана не случаен и как-то связан со вчерашним происшествием. И решил подыграть гостю, в надежде узнать самому, откуда и что тот знает о рукописи. – Благодарю, герр Баумгартнер, слава богу, всё хорошо. Учусь, работаю, так что всё в порядке, благодаря заботам нашего доброго магистрата, – ответил юноша.

Декан оценил скрытый юмор Александра, но невозмутимо продолжил.

– И как ты успеваешь учиться и работать, да ещё и дома заниматься? – поинтересовался декан.

– Успевает всюду тот, кто рационально использует своё время. Вы же сами нас учили этому постулату, уважаемый декан, – ответил с издёвкой юноша.

И опять декан проглотил пилюлю доброго юмора.

– Я вчера заходил в мясную лавку Гюнтера, видел твою хозяйку Агнет, Александр. Честное слово, замужество ей к лицу, эта девушка день ото дня становится всё прекрасней, –

и опять толстые губы говорившего растянулись в плотоядной улыбке.

При этих словах пальцы юноши непроизвольно сжались в кулак. Заметив это, декан поспешил разрядить обстановку.

— Мир не видел такой благочестивой девушки. Тебе крупно повезло с ней, парень, береги её. Но она жаловалась, что ты уделяешь мало внимания ей. Всё занимаешься, читаешь книги.

Услышав это, Александр сжался, как пружина.

— Может, слишком много задают? Ты скажи, Александр, и я поговорю с наставниками, чтобы тебе, в качестве исключения, уменьшили домашние задания. И что за предмет, который ты так рьяно изучаешь?

Декан смотрел на юношу, почти не мигая. Но это ничуть не смутило того, и он продолжил игру, предложенную деканом. — Ну что вы, герр Баумгартнер, мне задают не больше и не меньше, чем другим. Успеваемость, сами знаете, у меня отличная. А что касается любимого предмета, так они у меня все любимые. Занимаюсь я по книгам, оставленным покойным учителем. Если герр декан желает, он может сам взглянуть на них, я не прячу книги от посторонних глаз.

Теперь уже Александр смотрел на декана в упор. И от него не ушло незамеченным загоревшиеся искорки в глазах того.

— О, это честь для меня, и я с удовольствием приму твоё предложение, юноша, — благосклонно ответил декан.

Александр встал и жестом пригласил гостя на второй

этаж. Декан, положив на пол кружку с нетронутым элем, молча последовал за юношей. Зайдя в спальню к покойному наставнику, Александр указал рукой на стеллаж, сплошь уставленный книгами, которые его учитель собирал всю жизнь. Подойдя к полкам, декан жадно окинул взглядом книги. «Неужели она здесь», – билась бешеная мысль в его сознании. Взяв в руки одну из книг, ею оказался труд Аристотеля «Риторика», декан сделал вид, что погрузился в чтение. Александр из вежливости вышел. Мужчина стоял, держа раскрытую книгу в руках, но его мысли были далеко и не здесь. Он уже понял, что если бы книга была тут, Александр так легко не показал бы ему библиотеку. Мысль о том, что Александр мог не догадываться об истинной ценности рукописи он гнал от себя. Уж слишком был умён этот щенок. Иоганн Баумгартнер стоял и понимал, что не продвинулся ни на дюйм в своём расследовании. Выйдя в коридор, где его ожидал молодой человек, декан произнёс:

– Я восхищён, юноша, прекрасная библиотека. Покойный Альберт Гвидо знал толк в книгах. А скажи мне, мой мальчик, неужели все манускрипты, собранные твоим учителем, уместились на одной стене? – с притворным удивлением спросил декан.

– Нет, герр Баумгартнер, одна книга лежит внизу, на первом этаже, – широко улыбаясь, ответил Александр. – Её учитель любил и примечал более других.

Сердце декана отчаянно забилося. Он старался не пода-

вать виду и с деланным безразличием произнёс:

– Вот как. И что это за любимица?

– Пойдёмте, я покажу, – сказал просто Александр.

Спустившись вниз и зайдя на кухню, Александр подошёл к разделочному столу. На нём лежала книга, прикрытая резной салфеткой. Подняв салфетку и взяв рукопись в засаленной кожаной обложке, он протянул её с широченной улыбкой декану. Тот трясущимися руками принял манускрипт и, открыв обложку, обнажил первую страницу. Тысячи раскалённых иголок вонзились в виски декана. Со злости он чуть было не швырнул книгу в стоявшую рядом печь. Это была книга *Liber de Coquina*²². Книга, которую действительно очень любил учитель, а сейчас перешедшая по наследству Агнет, и по которой она любила приготовить что-нибудь эдакое для своего Александра. Немного отдышавшись, декан выдавил из себя улыбку и произнёс:

– Все хозяйки одинаковые, у нас тоже фрау Баумгартнер любит покашеварить.

Что было абсолютной ложью. Проводив гостя до дверей, Александр поинтересовался:

– Герр Баумгартнер, спасибо за ваш визит и за ваше беспокойство. Но позвольте узнать, удовлетворено ли ваше любопытство?

– Да, мой мальчик, – уже окончательно справившись с со-

²² «Книга о кухне» – старейшая средневековая поваренная книга, написанная в 1285 году.

бой, ответил декан. – Теперь я абсолютно спокоен и не тревожусь ещё об одной молодой семье нашего города. Ещё увидимся, молодой человек, – то ли прощаясь, то ли угрожая, бросил декан, уходя.

Он ничего не добился, ровным счётом ничего, но каким-то звериным чутьём понимал – книга здесь. Александр постоял, немного прислонившись к косяку входной двери, хмыкнул и отправился на работу в лавку.

Молодой человек стоял на четвереньках, собирая с пола тряпкой кровь животных в разделочном цехе, когда туда влетела Агнет и вместе с ней соседский мальчишка, сын торговли овощами.

– Александр, нужна твоя помощь, человеку плохо, – скороговоркой проговорила Агнет.

– Что случилось? – спросил Александр, выпрямившись и не выпуская тряпки из рук.

– Там на рынке человек задыхается, иностранец, – выпалил мальчишка. – Александр, пожалуйста, помоги, меня мама послала.

Молодого человека не надо было упрашивать дважды. Ведь там требовалась его помощь, и хотя он не имел пока степени доктора, его сердце навсегда было отдано Эскулапу²³. Мгновенно приведя себя в порядок, помыв руки и омыв лицо, юноша и мальчишка побежали к рынку. По дороге успев расспросить мальчишку, почему обратились имен-

²³ Эскулап – древнеримский бог врачебного искусства.

но к нему, а не в аптеку или даже к самому декану, ведь пациент всё-таки иностранец, юноша услышал в ответ, что на этом настояла мать мальчишки, не доверявшая этим коновалам из декановской аптеки. Прибежав на рынок, его отвели на Восточный двор, где обычно останавливались и торговали купцы из Магриба²⁴ и Леванта²⁵, а также другие заморские гости. К ним навстречу выбежал мальчик сарацин. Чёрный, как уголёк, он схватил за руку Александра и потащил вдоль заморских лавок вглубь Восточного двора. Не выпуская руки юноши, мальчик привёл его во внутренние покои владельцев диковинных товаров, где Александр никогда не бывал, в самое сердце Восточного двора. Мальчишку, сына торговли, не пустили во внутрь, заставив ждать того на улице. Александр никогда не видел такого количества ковров, не шпалер, продаваемых в лавке Иоганна Баумгартнера, а настоящих шерстяных ковров. Наконец, они дошли до комнаты, где на кошке посередине покоев лежал человек, а вокруг него столпились люди в диковинных одеждах. Мальчик-уголёк указал пальцем на лежащего. Нагнувшись над больным и увидев иссиня-багровое лицо, Александр сразу понял – перекрыта дыхательная трахея, и счёт идёт на секунды. Подняв голову и посмотрев на окружавших его людей, юноша поинтересовался, говорит ли кто-нибудь по-немецки?

²⁴ Магриб – страны Северной Африки, расположенные к западу от Египта.

²⁵ Левант – общее название территории стран восточной части Средиземного моря: Сирии, Палестины, Израиля, Ливана.

– Да, господин, я говорю, – вступил в разговор мужчина в таком же, как у всех, ярком одеянии.

– Мне нужны одна маленькая ложка и одна большая столовая, а также горящая лучина-светильник, – сказал молодой человек. – И побыстрее.

Толмач перевёл, и в мгновение ока его приказ был исполнен. Приподняв немного голову лежащего, Александр приказал держать горящий светильник на уровне его лица, одной рукой взяв большую ложку, он поднёс её вогнутой стороной к губам больного, другой ввёл маленькую ложку в раскрытый рот и прижал распухший язык к нижним зубам. Направив лучик света, отражённый от вогнутой стороны ложки, в полость рта, Александр заглянул в глубь гортани. Так и есть, опасения юноши оправдались. Глубоко засев поперёк трахеи, торчала рыбная кость, перекрыв почти полностью доступ воздуха несчастному. У Александра не было с собой медицинского инструмента, и потому он обратился с вопросом к переводчику, нет ли у них пинцета, на пальцах показав принцип его работы. Как ни странно, переводчик понял, чего от него хотят, и что-то произнёс на гортанном языке. И опять его приказ был исполнен молниеносно. В руках у Александра оказался пинцет, который использовали при взвешивании очень лёгких мер веса, беря им разновески²⁶. Приказав держать больного за руки, хотя в этом не было

²⁶ Разновески – мелкие гири, которые имеют форму квадратной пластинки с загнутым углом.

большой нужды, настолько тот ослаб, Александр ввёл пинцет в горло и, схватив за один из краешков кости, медленно, чтобы не повредить трахею, вытащил её на свет. Человек сразу сделал глубокий вздох и проглотил комок воздушного пузыря, образовавшегося за время его мучений. Дыхание постепенно выравнивалось, и здоровый румянец окрасил лицо лежащего. Убедившись, что всё в порядке и больному ничего не угрожает, Александр решил, не привлекая внимания, удалиться. Но, заметив это, лежащий человек сделал повелительный жест, и в ту же минуту за спиной Александра выросли двое людей, которые вежливо, но настойчиво пригласили того жестами присесть. Ему ничего не оставалось, как подчиниться. Напротив, на груди подушек восседал его недавний пациент, который смотрел на Александра и улыбался открытой улыбкой. Откуда ни возьмись появилась скатерть, и слуги с невероятной быстротой и такой же грацией заставили её сосудами и фруктами. Рядом с сидящим возник толмач и, скрестив ноги, сел по правую руку от него. По всему было видно, что спасённый человек из благородных и обладает большой властью. У Александра появилось время, и он, наконец, смог рассмотреть, кого он спас. Это был сарацин, но с гораздо более светлой кожей чем у мальчика-уголька. С правильными чертами лица. Тонкий, прямой нос с небольшой горбинкой и хищно вырезанные ноздри придавали его облику нечто орлиное. Чёрные брови почти сходились на переносице, под ними чернели миндалевидные глаза. Довершали

картину его красивого лица ярко очерченные губы. Всё в его облике говорило, что он далеко не последний человек в этой компании. Принесли красивый высокий кувшин из серебра и небольшие чашечки. Переводчик разлил по ним из кувшина какой-то чёрный напиток. Вкусный и терпкий аромат начал заполнять пространство вокруг Александра. Вопросительно подняв глаза на переводчика, юноша ждал. Поняв немой вопрос Александра, толмач заговорил:

– Мы называем этот напиток кахва, что означает «отгоняющий сон». Не бойтесь, пейте, – и сам первым показал пример, пригубив из чашечки. Александр, взяв маленькую чашку между большим и указательным пальцем, сделал изрядный глоток. Горячая и горькая жижа обожгла небо и разорвала лёгкие, он закашлялся, слёзы потекли из его глаз. Толмач спокойно, с достоинством протянул ему другой кубок. Зажимая рукавом рот, Александр смотрел глазами, полными слёз на толмача. Тот улыбнулся и так же спокойно сказал:

– Вода.

Александр схватил кубок и выпил залпом. Прохладная живительная влага сделала своё дело. Горечь и боль обожжённого нёба отступили.

Так они и сидели друг напротив друга и с нескрываемым интересом рассматривали каждый своего визави. Наконец, сарацин прервал молчание и что-то сказал переводчику на своём гортанном языке. Тот внимательно слушал, склонив голову в знак почтения.

– Мой господин желает быть представлен вам, – перевёл толмач.

Александр, не привыкший к такого рода церемониям, только пожал плечами. Сарацин начал размеренным тоном что-то говорить, а переводчик почти синхронно переводил.

– Я Исмаил Мухаммад, ибн Фарадж, ибн Юсуф, племянник достопочтенной Хадиджы, супруги великого эмира Гранадского Абу аль-Хаджжадж Юсуф ас-салис ан-Насир ибн Юсуфа из рода Насридов. Волею Аллаха, путешествуя вместе с торговым караваном, оказался в вашей стране и в вашем прекрасном городе, где живут такие искусные врачи, как вы. Сегодня днём, трапезничая рыбой, пойманной в ваших дивных и чистых реках, имел неосторожность подавиться костью. И только благодаря ему, Александру, поистине филигранно владеющему искусством врачевания, он, покорный слуга Аллаха, остался жив.

У Александра закружилась голова от таких витиеватых фраз. – Как зовут моего спасителя? – перевёл толмач.

– Александр, – просто ответил юноша.

Потом спохватился и добавил:

– Александр Максимилиан фон Гогенгейм.

Сарацин вновь уставился на Александра, не прекращая улыбаться. Затем опять заговорил.

– Скажите, достопочтенный Александр, как мой господин может отблагодарить вас? – перевёл толмач.

– О, не стоит благодарности, я лишь делал своё дело, –

ответил Александр.

– Ваша скромность делает вам честь. В таком случае мой господин оставляет за собой право выбора подарка для вас.

Сарацин снял с безымянного пальца роскошный перстень и протянул его толмачу. Тот с поклоном принял и, вскочив на ноги, преподнёс его Александру. Молодой человек был поражён. Несмотря на то, что в помещении было мало солнечного света, камни на перстне светились и играли всеми цветами радуги, освещаясь только искусственным светом ламп и светильников. Целое состояние обрушилось на голову Александра. Приняв из рук переводчика драгоценный дар, он хотел поблагодарить сарацина, но предательский ком в горле не позволил ему этого сделать. И юноша так и застыл с открытым ртом. Ему на помощь пришёл его визави, опять что-то сказав на своём певуче-гортанном языке.

– Мой господин рад видеть, что его подарок пришёлся по вкусу спасителю. И если доктор не возражает, он хотел бы продолжить трапезу, но уже в компании достопочтимого гостя, – перевёл драгоман²⁷.

– Я не возражаю, – ответил Александр, понемногу приходя в себя после такого царского подарка. – Но я ещё не доктор, я ещё только учусь.

– Это только подтверждает ваше мастерство, раз люди по-

²⁷ Драгоман – официальная должность переводчика между ближневосточными, азиатскими и европейскими дипломатическими и торговыми представителями.

слали за вами, а не за доктором с дипломом, – сказал сарацин, а толмач перевёл.

И опять, как по волшебству, была заменена скатерть, и, как по мановенью палочки волшебной, на ней появились серебряная посуда и всевозможные яства. Александр уже порядком проголодался и с удовольствием разделался бы в одиночку со всей этой вкуснятиной. Но внутренняя дисциплина держала его в рамках приличия. Когда приготовления были закончены, сарацин жестом пригласил к началу трапезы. Александр, дождавшись пока хозяин первым прикоснётся к еде, протянул руку к лепёшке. Ели молча и степенно. Юноша старался всё повторять за своим визави. После окончания трапезы были вновь заменены приборы, был принесён тот же серебряный сосуд и выстроены маленькие чашечки. На этот раз Александр благоразумно отказался, и кахва был заменён ему сладким напитком с запахом розы. Так, медленно попивая каждый свой напиток, собеседники начали неторопливый разговор.

– Сколько вам лет, уважаемый? – поинтересовался сарацин через переводчика.

– Двадцать недавно исполнилось, – ответил Александр.

– Как долго осталось вам учиться до получения степени бакалавра? – спросил сарацин.

– Немногим меньше года, – ответил юноша.

Казалось, хозяина интересовало всё. Есть ли хозяйка в доме у Александра, в каком доме живёт Александр, не трудно

ли ему совмещать учёбу и работу, хватает ли денег для содержания его благоверной. Узнав, что супруга Александра работает вместе с ним, сарацин был немало удивлён. А юноша, в свою очередь, был поражён любознательностью и вместе с тем знаниями и осведомлённостью хозяина. И только теперь молодой человек заметил, что в самом дальнем тёмном углу большой комнаты сидел человек и записывал за Александром. Его небольшую подставку и книгу, лежащую на ней, куда он заносил всё произнесённое в зале, освещала одна единственная лучина. И потому в этом полумраке Александр долго не замечал сидящего.

– Зачем он это делает? – с искренним удивлением спросил юноша, указав рукой в сторону писца.

Переводчик перевёл вопрос сарацину. Тот с открытой улыбкой ответил:

– Не беспокойся, мой друг, просто я имею обыкновение записывать всё, что происходит со мной. Мои писари записывают всё увиденное и услышанное. Затем записанное упорядочивается и заносится в отдельный фолиант. Каждый фолиант имеет свой порядковый номер и рассказывает о путешествиях в той или иной стране. Каковы особенности этой страны, какой климат, что за люди живут в ней, интересные обычаи и традиции. И ничего плохого я не желаю своему спасителю. Но если вы против, – сарацин бросил что-то отрывистое и хлопнул в ладоши. В тот же миг книга была захлопнута, а старик писарь вскочил на ноги.

– О, нет-нет. Пусть продолжает, – запротестовал юноша. В ответ хозяин опять улыбнулся и махнул рукой в сторону писца. Тот тут же занял исходное положение и приготовился записывать.

Александр тоже не отмалчивался и задавал вопросы хозяину. Тот оказался немногим старше его. Ему исполнилось двадцать пять лет, но он уже многое повидал на своём веку. Разные страны, люди, их образ жизни – всё, встречавшееся на его пути, вызывало в нём не поддельный, искренний интерес. Этим они с Александром были очень похожи. И молодые люди проговорили до позднего вечера и говорили бы ещё, если б Александр не спохватился и спешно не откланялся. Радужный хозяин не хотел расставаться с таким интересным и начитанным собеседником, но прекрасно понимал, молодому человеку пора домой. Прощаясь, новоиспечённые друзья условились встретиться в ближайшее же время. Александр, ворвавшись домой, вывалил всё произошедшее с ним остолбеневшей Агнет и в довершение всего сказанного положил на стол подарок сарацина – перстень. Агнет стояла ни жива ни мертва и не знала, что сказать при виде такого богатства.

– Александр, – наконец, выдавила она из себя, – это провидение. Бог услышал мои молитвы. Мы спасены. Этот перстень стоит целое состояние, Александр, – и не в силах более сдерживаться, разрыдалась на плече у мужа.

На следующий день после занятий перед работой Алек-

сандр заскочил в мастерскую к ювелиру и показал тому перстень. Ювелир, чуть было не лишившись разума при виде такой роскоши, оценил перстень сразу в тридцать пять рейнских гульденов. Но если Александр подождёт пару недель, то он будет готов купить его за сорок гульденов. Молодой человек уклончиво ответив, что подумает, побежал на работу в мясную лавку. И в самом деле, к чему спешить? Если предположить, что ювелир даст за кольцо сорок гульденов, а у Александра лежат ещё двадцать, полученных от декана, значит, у них с Агнет уже имеется львиная доля долга в шестьдесят гульденов. Останутся лишь набежавшие проценты. И потом оставался шанс, что декан согласится принять перстень в счёт покрытия всего кредита. Но до дня расчёта ещё почти три месяца, а значит, можно не думать о плохом, и Александр, перебросившись парой фраз с Агнет, в отличном настроении приступил к работе.

Уже который день Иоганн Якоб фон Баумгартнер не находил себе места. Он был зол и раздражителен. Все домочадцы, включая слуг, разбегались при одном только появлении декана, тот вышагивал в коридорах своего огромного дома, одним только взглядом сметая попадавшихся на своём пути. Декан не видел выхода из создавшейся ситуации. С одной стороны, у него не было неопровержимых доказательств присутствия книги в городе, но с другой – наличие признаков, пусть даже и косвенных, указывало на обратное. Оговорка Агнет и последовавший за этим испуг, откровенная

игра в кошки-мышки Александра с деканом – всё указывало на то, что они что-то скрывают. И если предположить, что предыдущим владельцем книги был не кто иной, как Альберт Гогенгейм, этот книжный червь и неприметный тихоня, то всё становится на свои места. И декан шестым чувством ощущал, что это именно так, тайная рукопись была здесь и сама плыла к нему в руки. Но как вывести на откровенный разговор этого умника Александра? Он всегда ловко обходит все силки и капканы, расставляемые деканом. А что если взять и откровенно признаться мальчишке, что он знает о существовании манускрипта и знает, кто его нынешний владелец? Так сказать, взять на испуг. Предложить вместе использовать знания книги, тем более, что никто кроме декана не знает второй части тайны книги. Никто! А ему её открыл этот полоумный старик, умерший на его руках в гостинном дворе города Штутгарта. Он помнил этот день в деталях, как будто это было вчера.

Декан возвращался домой в Гейдельберг из города Ульм, где был по галантерейным делам в компании таких же деловых людей, как и он сам. На второй день пути они достигли Штутгарта, где было принято решение заночевать в одном из постоянных дворов. Плотно поужинав, в отличном расположении духа декан уже собрался подняться к себе в комнату, чтобы как следует выспаться, как вдруг к нему подошёл хозяин харчевни.

– Господин, тысяча извинений! Господин изволит быть из

славного Гейдельберга? Просто я стал невольным свидетелем вашего разговора с вашими товарищами, где вы не раз упоминали этот достославный город, – и говорящий согнулся в почтительном поклоне.

– Да, человек, я из Гейдельберга. Что тебе нужно? – ответил небрежно декан.

Мог ли он знать в тот момент, что за встречу готовит ему судьба на втором этаже этой гостиницы.

– Видите ли, у нас остановился один старик, утверждавший, что следует в Гейдельберг. Заплатил за два дня, но сегодня уже пошёл четвёртый, а старик лежит, не встаёт, но самое главное – не платит больше за ночлег. Не соизволили бы вы взглянуть на этого человека? Кто знает, быть может, он окажется вашим знакомым, – и хозяин расплылся в подобострастной улыбке.

– Ты что, проходимец, решил, что я знаюсь со всякими бродягами? – нахмурившись, повысил голос декан.

Но затем, поразмыслив, решил всё-таки подняться. Вдруг и впрямь окажется знакомый, а люди потом скажут, что советник бургомистра отказал в помощи одногородцу.

– Веди, – благосклонно пробурчал декан.

Они поднялись на второй этаж и прошли по коридору. Возле одной из дверей трактирщик остановился и, согнувшись в глубоком реверансе, указал рукой на дверную ручку. Декан, бурча себе под нос, выражая таким образом недовольство, толкнул дверь. Войдя в комнату, советник не удержался.

жался и прикрыл нос рукавом, уж больно тяжёлый запах витал в помещении. В углу каморки стояла кровать, на ней лежал глубокий старик, укрытый грязным одеялом на таком же грязном белье. Рядом с кроватью стоял табурет, на котором возвышалась тарелка с недоеденной похлёбкой. Две мухи остервенело раз за разом атаковывали эти остатки трапезы. Декан хотел развернуться и уйти, но, взяв себя в руки, остался.

– Эй, старик, ты ещё жив? – громко спросил трактирщик, выглядывая из-за широкой спины декана. – Здесь твой земляк. Он хочет поговорить с тобой.

Старик открыл бесцветные глаза и, немного повернув голову вправо, уставился на советника.

– Кто ты? – слабым голосом произнёс старец.

– Это я у тебя хотел узнать, кто ты? – высокомерно ответил декан.

И опять здравый смысл взял верх над брезгливостью. А вдруг это чей-то отец или родственник.

– Я Иоганн Якоб фон Баумгартнер, декан и почётный советник бургомистра магистрата славного города Гейдельберг, – уже более миролюбиво сказал декан.

Взмахом руки он приказал очистить табурет от остатков еды, что было исполнено в мгновение ока трактирщиком.

– Оставь нас. Я позову, – отрывисто бросил советник.

Тотчас дверь в комнату закрылась за спиной трактирщика. Декан, присев на табурет, спросил:

– Кто ты, старик? Ты чей-то родственник? И зачем держишь путь в Гейдельберг?

Старик, не мигая, смотрел на декана.

– Я врач и алхимик, уже много лет путешествующий по свету, – ответил старец.

При этих словах декана передёрнуло. Ещё один конкурент.

– Зовут меня Тибериус Филипп Альбрехт. Иду я в Гейдельберг, где должен жить мой названный брат, если, конечно, он ещё жив. Добрые люди подсказали, что он нашёл пристанище в этом городе, и я хотел бы обнять его, пока костлявая не обняла меня первой. Если же он мёртв, то закончить свой земной путь рядом с ним. И я был почти у цели, всего в двух днях езды, когда проклятая лихорадка свалила меня. И вот я здесь, без денег и без сил, и не к кому обратиться за помощью, – медленно поведал старик, облизав языком мертвенно бледные губы.

– Как зовут твоего друга? Назови его имя, быть может, я его знаю. И откуда ты сам? – не скрывая интереса спросил декан.

Старика начала бить мелкая дрожь.

– За что всевышний подвергает меня такому испытанию? За что такие муки? – взмолился старик. – Иду я из далёкой Индии, где получил ответ на вопрос, терзавший меня всю мою жизнь.

Внезапно он замолк и, схватив за руку декана, вонзил свои

бесцветные глаза в сидящего. Декан со страхом отстранился от умирающего.

– Молю тебя, не бросай меня! Я уже чувствую дыхание смерти и не мечтаю о дальнейшем путешествии, но если мне суждено закончить земной путь здесь, то хозяин постоянного двора не будет церемониться с моим телом. И скормит мой труп свиньям. Заклинаю тебя, человек, помоги!

Старика затрясло в приступе кашля. Декан безглаголюще отодвинулся вместе с табуретом от больного, не опуская рукав от своего носа. Дождавшись, когда старика отпустит приступ, декан спросил:

– Так что тебе надо от меня, бродяга?

– Заплати трактирщику пару золотых, тогда он похоронит меня и закажет заупокойную обедню. Не дай мне умереть бездомной собакой, – взмолился старик.

У декана перехватило дух от такой наглости.

– Ты и есть бездомный пёс! С какой стати я должен платить за твои похороны, дурень?

– Я знал, что ты ответишь так, ибо на земле не осталось места благодетели и жертвенности. Я отвечу на твой вопрос, но сначала прояви милосердие – дай мне воды, – взмолился старик. Не опуская руки от носа, то и дело подавляя в себе приступы тошноты, декан позвал корчмаря и велел тому принести воды. Дождавшись, когда трактирщик выйдет, декан на вытянутой руке, держа кружку двумя пальцами, поднёс её к губам больного. Тот, оторвав голову от грязной и

мокрой от пота подушки, начал пить жадными глотками. Затем откинулся без сил на белье. Декан сидел и не узнавал себя. Он, благородный человек с изысканными манерами, сидит у изголовья грязного и больного старика и поит того водой. Что с ним? Но какая-то неведомая сила продолжала удерживать его у смертного одра старца. Немного отдохнув, старик продолжил.

– Наградой за твою доброту послужит тайна, которую я тебе сейчас открою. Итак, слушай меня внимательно. Вытащи из-под кровати мою перемётную суму.

Декан повиновался.

– Открой её и найди там камень, завёрнутый в тряпицу, – продолжил старик.

В руках декана оказался чёрный, хорошо отполированный кусок минерала, в неровных боках которого отражались окружающие предметы.

– В твоих руках, человек, божественный ключ, и называется он гагат²⁸, или чёрная яшма. Камень, с помощью которого в определённом месте и в определённый час ты сможешь открыть врата в величайшую тайну мира, – старик опять зашёлся в приступе кашля.

Отдышавшись, медленно продолжил:

– Запоминай, человек. Сначала ты должен найти ману-

²⁸ Гагат (чёрная яшма) – разновидность каменного угля, осадочная горная порода, легко поддающаяся обработке и полировке. За ним признавали многие магические свойства. В Индии гагат почитали как «Камень Великой Матери Мира».

скрипт, – старик вновь умолк, тяжело дыша.

Декан ещё раз поднёс кружку к губам больного, но у того уже не было сил оторвать голову от подушки. Старик медленно заговорил:

– Я нашёл его в Индии.

– Кого? – спросил декан.

Но больной уже не слушал вопросов, продолжая разговаривать с самим собой.

– Это был древний старик, всю жизнь искавший ключ к тайне. Я нашёл его... мы говорили... он не знал о книге. Знал о ключе. Держи двумя руками камень, он ключ, направь на источник света... не бойся свечения и блеска, там жизнь... смело ступай на путь света...

– Какой манускрипт? Какое свечение? – заорал декан. – Говори толком, старик!

Глаза старика стекленели, из горла доносилось не прекращающееся хрипение.

– Книга... Друг... Алхимия... Учитель.

Речь старика становилась бессвязной и отрывистой. Он продолжал что-то шептать и внезапно умолк. Зрачки старика расширились и уставились бессмысленно в потолок, беззубый рот ввалился, а из груди вырвался последний выдох. Старик умер. Декан сидел возле кровати, вперившись взглядом в бездыханное тело. Он стал владельцем какого-то божественного ключа, но причём здесь манускрипт и какое-то свечение? Голова шла кругом от всего этого. На следующее

утро, договорившись с трактирщиком о похоронах и отпевании в церкви за пятьдесят пфеннигов (и ничего, что за такие деньги покойника погребут за оградой кладбища, как самоубийцу), декан с товарищами продолжили путь. Советник ехал, весело перебрасываясь шутками с попутчиком, но мыслями он был далеко. Индия, камень-ключ, книга. «Уж не та ли эта книга? Если та, то само провидение вверяет ему ключ и ведёт к манускрипту», — думалось ему в тот момент.

Декан продолжал мерить шагами свой просторный дом. Иного выхода не было, нужно говорить с Александром. Сейчас главное — заставить мальчишку признаться, где манускрипт, а уж потом он найдёт способ заполучить его. Не даром же он советник бургомистра магистрата славного города Гейдельберг.

Александр был на седьмом небе от счастья, всё складывалось как нельзя лучше. Вдобавок ко всему, у него появился друг, настоящий друг, и пусть даже сарацинского племени, как любили съехидничать окружающие, но настоящий, всё понимающий друг. И даже вездесущий толмач, без которого было бы невозможно общение приятелей, не портил дружеских бесед. А молодые люди тянулись друг к другу. И при каждой возможности старались увидеться. К сожалению, у Александра не было на это достаточного времени, и друзья выкручивались, как могли. Исмаил, именно так уже обращался Александр к своему новообретённому другу, побывал во многих государствах, видел разные народы и знал

много интересных историй. Александр с жадностью слушал рассказы о неведомых странах, удивительных животных и людских обычаях. В свою очередь, он тоже делился увиденным за время странствий по Священной Римской Империи. Но его рассказы не шли ни в какое сравнение с рассказами Исмаила. Юноша поведал о стране, откуда родом были его предки. О полуострове, где родился великий пророк Мухаммед, подаривший миру ислам. О жарких и засушливых пустынях, где человек не выжил бы без помощи диковинного животного с длинными ногами и большими горбами на спине, в которых он хранит воду и потому может долгое время находиться без влаги. Александр не без гордости заметил, что читал о такой стране и таких животных. Исмаил с интересом поинтересовался:

– Александр друг мой, позволь узнать, где ты читал о родине моих отцов?

Молодой человек, немного подумав, ответил:

– Видишь ли, Исмаил, я являюсь счастливым обладателем древнего манускрипта, где записаны аптекарские рецепты со всего мира. И авторы этих рецептов в начале пишут либо название страны, откуда они родом, либо чем славится эта страна. Например, в этой книге один врач представляется, как житель страны, где больше трёх месяцев в году идёт непрерывный дождь.

– Я знаю такую страну, она называется Индия. Правда я ещё не был там, но обязательно побываю, ибо она родина

многих учёных мужей и удивительной игры под названием шахматы, – перебил юношу Исмаил.

Но тут же взял себя в руки и извинился:

– Прости, мой друг, я перебил тебя самым недостойным образом.

– Забудь об этом, ведь мы же друзья, – улыбнулся в ответ Александр. – Кроме того, я знаю эту игру и неплохо играю, благодаря своему покойному учителю. И если ты, Исмаил, не против, мы могли бы сразиться на шахматном поле.

– Почту за честь. Достойный соперник в умной игре, мудрый собеседник в благоразумной беседе, что может быть лучше для живого и острого ума?

Вот и в этот раз восточные гости засиделись у Александра и не заметили, как наступила поздняя ночь. На втором этаже в спальне сладко спала Агнет, немного обиженная повышенным вниманием супруга к гостю. А молодые люди сидели в зале аптеки на первом этаже, играли в шахматы и, почти не прерываясь, беседовали. Единственным, кто был недоволен в этой компании и не скрывал этого, был толмач. Он откровенно зевал, всем своим видом давая понять, что уже давно пора и честь знать. Но друзья не замечали этого.

– К западу от Курпфальца, западней Эльзаса, лежит страна под названием Франция, – рассказывал Исмаил, внимательно оглядывая доску. – На юге Франция граничит с моей родной Аль-Андалус²⁹, но если продолжить движение в том

²⁹ Аль-Андалус – территория Пиренейского полуострова во времена мусуль-

же направлении на запад, то мы выйдем к морю, а точнее проливу, он называется Ла-Манш. А переплыв этот пролив на корабле, окажешься в стране, называемой Британия.

– Ты там был? – с жаром спросил Александр.

– Да, – просто ответил Исмаил. – Четыре года назад муж моей тёти великий эмир Гранадский Абу аль Хаджжадж Юсуф ас-салис ан-Насир ибн Юсуф отправил большое посольство в Британию, и я имел честь и радость участвовать в этой легации³⁰.

Глаза Александра горели нестерпимым блеском. Ну надо же, его визави так молод, а уже побывал в стольких странах. Как же он завидовал Исмаилу.

– Ну расскажи, чем же интересна Британия? – не обращая внимания на очередной зевек толмача, спросил юноша, делая ответный ход.

– О, это долгий рассказ, мой друг, но первое, что нас встретило в этой стране, и не скажу, что это было в удовольствие, так это туман. Мелкие капельки влаги витали в воздухе и не пропадали на протяжении всей нашей легации. Наверное, это самое неприятное воспоминание о пребывании на этой земле, даже несмотря на войну, что бушует между Францией и Англией уже много лет, – ответил сарацин.

Александр задумался, он вспомнил, где встречал такое описание страны.

манского владычества в Средние века.

³⁰ Легация – посольство.

– А скажи, друг, – осторожно начал Александр. – Не видел ли ты там четырёх братьев, соединённых тремя сёстрами?

Исмаил недоуменно уставился на собеседника. Не пора ли тому спать?

– Извини, уважаемый, но я не понял сути твоего вопроса, – ответил Исмаил.

Александр, осознав всю несуразность своего вопроса, замолчал. А что, если взять и рассказать своему новому другу про манускрипт? Но не будет ли это выглядеть как предательство по отношению к памяти учителя? Молодой человек уже давно мучился этим вопросом. Время шло, и арабские купцы, распродав свои товары, занимались закупкой местного фабриката и провианта для обратного пути. И не сегодня-завтра Александру придётся расстаться со своим другом, а сколько недосказанного останется между ними. Решено. «Откроюсь, ведь даже у учителя был Тибериус», – рассудил юноша.

– Исмаил, друг, я хочу раскрыть тебе одну тайну. Но сначала скажи, можешь ли ты и твой переводчик хранить секреты?

– Всё, что услышат мои уши в этом доме, останется в моём сердце. И на моих устах будет печать молчания, наложенная тобой, моим братом. Что касается моего слуги-толмача, пусть мой друг менее всего беспокоится об этом. Он мой раб, и если я ему прикажу, то он взойдёт на костёр, не раскрыв рта и не проронив ни слова. Ну а писца, так сильно удивив-

шего тебя в день нашей первой встречи, как видишь нет. Я не беру его с собой на наши беседы. Так что предавать твой секрет некому, – улыбнулся в ответ Исмаил.

На мгновение юноша задумался, но потом, решившись, начал свой длинный рассказ. Начал он с истории знакомства с учителем, не утаивая и не опуская мелких деталей. Уже пропели петухи и Агнет гремела посудой на кухоньке, готовя фриштых мужчинам, когда Александр закончил своё повествование. Исмаил сидел на полу, скрестив ноги и опустив голову, чертя указательным пальцем замысловатые узоры на шахматной доске. Партию приятели так и не закончили. Молодой человек молчал, пытаясь осмыслить услышанное. Даже переводчик забыл о сне, переводя столь невероятный рассказ.

– Ну что ж, Александр, уже поздно, вернее рано, и нам пора уходить, – наконец, произнёс сарацин. – Позволь мне обдумать услышанное, и сегодня вечером, если, конечно, ты и твоя хозяйка не против, я хотел бы навестить вас снова.

– Да, друг, пора. Агнет ждёт нас к завтраку, – ответил Александр. – Ну а вечером мы обязательно увидимся.

И юноши вместе с толмачом, поднявшись со своих мест, отправились подкрепиться.

Гюнтер стоял у входа в лавку и тяжело дышал. Он только что закончил разделку туши быка и запыхавшийся вышел на улицу продышаться. Со стороны ратуши неспешной походкой к лавке приближался декан.

– Добрый день, Гюнтер! – вежливо поздоровался декан.

– И вам доброго дня, уважаемый герр Баумгартнер, – почтительно ответил мясник.

– Как торговля? Надеюсь, склады забиты тушками, а касса трещит от выручки, – попытался пошутить декан.

– Слава богу, всё в порядке и грех жаловаться, – ответил несколько обескураженный мясник.

Никогда ещё советник не опускался до уровня шуток с простым мясником.

– Как фрау Брумхильда?

– Кто меня спрашивает? – на крыльцо вышла Брумхильда, услышав своё имя. – А, это вы, герр Баумгартнер. Здравствуйте! – поздоровалась женщина, вытирая мокрые руки о свой передник.

Декан стоял, не зная, как продолжить незадавшийся разговор. Ему на помощь пришла Брумхильда.

– Вы, наверное, что-то хотели, герр Баумгартнер?

– Да. То есть нет. То есть да.

Чета лавочников недоумевала. Никогда ещё они не видели столь замешкавшегося советника.

– Отмерь-ка мне пару-тройку фунтов говядинки, – сказал декан, уже взяв себя в руки.

– Будет сделано, – весело прощebetала Брумхильда и скрылась в лавке. Декан молча проследовал за ней мимо стоявшего, как изваяние, мясника, в душе радуясь концу неве-сёлого разговора. Внутри лавки всё было как всегда чисто и

убрано. Брумхильда и Агнет содержали магазинчик в образцовой чистоте, а гигиена стояла во главе угла всех их начинаний.

– Столько хватит? – спросила женщина, укладывая изрядный шмат мяса на чашу весов.

– Да-да, хватит, – ответил декан, продолжая вертеть головой, как будто выискивая кого-то.

Ему повезло, из внутреннего помещения в зал высунулась черноволосая голова Александра, желавшая что-то спросить. Но увидев у прилавка покупателя, осеклась.

– А, здравствуй, Александр! Рад тебя видеть, – обрадовался декан.

– И вам доброго дня, господин, – ответил юноша.

Нынче в университете у школяра не было лекций декана, и потому это была их первая встреча за сегодня.

– С вас девяносто пфеннигов, герр Баумгартнер, – раздался голос Брумхильды.

– Вот, держи, женщина, – сказал декан, протянув ей золотой. – Александр, я хотел бы с тобой поговорить. Ты не будешь против, если я зайду сегодня вечером? – широко улыбаясь своей фальшивой улыбкой, спросил декан.

– Всегда рад вас видеть, но сегодня у меня гости. И если, в свою очередь, вы не против, то мы могли бы встретиться и поговорить завтра, тем более, что вы читаете завтра нам лекции, – ответил юноша. Улыбка мигом слетела с лица декана.

– Стены университета не для праздных разговоров, а толь-

ко исключительно для научных бесед, юноша. Но если сегодня ты занят, то я зайду завтра вечером, – недовольно проскрипел декан. Он не привык, чтобы ему отказывали. Взяв сдачу у Брумхильды, декан развернулся и с безразличным видом неторопливой походкой вышел из лавки.

– Александр, чего от тебя хочет этот мешок с навозом? – спросил Гюнтер, смотря вслед ушедшему декану.

– Да так, ничего особенного, книги из библиотеки учителя берёт почитать, – соврал юноша.

А у самого на душе заскребли кошки. Зачем он опять понадобился этому человеку? Но вскоре он отогнал беспокойные мысли и сосредоточился на работе.

– Герр Гюнтер, позвольте мне вечером пораньше уйти. У меня сегодня гость, купец из Восточного двора, – попробовал отпроситься Александр.

– Хорошо, иди, – недовольно буркнул мясник. – Дался тебе этот сарацин. Мало ребят своих в городе.

Гюнтер откровенно не одобрял дружбы молодых людей, считая её поверхностной. Вечером того же дня в торговом зале неработающей аптеки Гогенгеймов сидели трое: Александр со своим новым другом Исмаилом и переводчик.

– Александр, я много думал, осмысливая твой вчерашний рассказ. Многое для меня остаётся непонятным, – заговорил Исмаил, перебирая янтарные чётки. – Но одно остаётся для меня абсолютно ясным. Ты не должен продавать либо отдавать перстень, даже в счёт уплаты своего долга.

Этим ты обидишь меня, ибо это мой подарок тебе от чистого сердца. И потому я хочу, чтобы ты принял от меня деньги, но уже в качестве помощи в твоей непростой ситуации, — остановив движением руки решительно замотавшего головой Александра, сарацин продолжил: — Я понимаю твоё не согласие. Не желаешь принимать помощь, так возьми в долг. Без процентов. Вернёшь, как только разбогатеешь. Наши купцы каждый год приезжают на вашу ярмарку. И если даже не будет меня, ты можешь легко вернуть деньги через них, не сомневаясь, они отдадут их мне по возвращению.

Александр колебался. Слишком всё складывалось по-королевски: и подарок, и деньги без срока и процентов. Но в конце концов решился, и молодые люди пожали друг другу руки.

— Теперь, мой друг, когда вопрос с деньгами решён, поговорим о книге, — сказал Исмаил. — Мне трудно построить логическую цепь на основании одного твоего рассказа. И потому я хотел бы взглянуть на это чудо и попробовать вместе с тобой, если, конечно, ты не против, расшифровать эту тайнопись.

Александр, несколько не сомневаясь в своих решениях, поднялся и принёс манускрипт. Исмаил, бережно приняв книгу из рук юноши, сказал:

— Я неплохо владею латинским языком, но мой толмач владеет этим древним языком в совершенстве. Покажи нам это место в книге, где, как тебе думается, кроется тайна.

Александр раскрыл книгу и, найдя нужную страницу, ткнул пальцем в абзац про четырёх братьев и трёх сестёр. Исмаил и толмач склонились над текстом, изредка переговариваясь на своём гортанном, но певучем языке. Неизвестно, сколько прошло времени, но Агнет уже крепко спала, обняв подушку вместо Александра, когда Исмаил вдруг сказал:

– Да, Александр, это очень интересно. И нам тоже думается, что здесь присутствует тайный смысл. Ты прав, страна, о которой здесь идёт речь, – это Британия, ибо автор чётко указывает на вечно туманный климат. Что касается четырёх братьев и трёх сестёр, мне трудно ответить. Но находясь там, в Британии, я слышал легенду о тридцати братьях, поддерживающих тридцать сестёр, кружащихся в хороводе. Там шла речь о древнем Стоунхендже. Но сейчас на этом месте остались лишь развалины и память, что когда-то здесь стояли тридцать столбов-исполинов, а поверх них были уложены тридцать камней-перемычек.

Вдруг толмач подался вперёд и начал что-то жарко шептать на ухо Исмаилу, будто боясь, что кто-то услышит сказанное. Тот задумчиво слушал, кивая головой. Когда переводчик замолчал, сарацин махнул рукой в сторону Александра, как бы говоря, теперь расскажи ему.

– Уважаемый, позвольте поделиться своими догадками, – заговорил толмач.

– Говори, конечно, говори, – поторопился ответить Александр.

– Я имел честь вместе с моим господином находиться с дипломатической миссией в Британии в качестве драгомана, – сказал толмач и склонился в почтительном поклоне. Александра порядком начинало раздражать это восточное позёрство.

– Нельзя ли поконкретней, друг? – взмолился Александр.

– Как скажет, мой господин! – поспешил согласиться толмач. – Просто я хорошо помню эту поездку в Стоунхендж. Он находится в пяти конных переходах от Лондона, – начал толмач, но, заметив недовольную физиономию Александра, быстро закончил. – Там по кругу действительно некогда стояли каменные столбы с такими же перекрытиями. Сейчас многие рухнули, но остались несколько вертикально стоящих. И я хорошо помню, что там стояли четыре каменных столба, соединённых тремя каменными перекрытиями. А ещё помню большой валун, лежащий посередине этого гигантского сооружения. Местные называли его «алтарный», и находился он недалеко от центра.

Александр смотрел на Исмаила, тот уставился на Александра. Разгадка витала где-то очень близко. Наконец, Исмаил заговорил:

– Давай, друг мой, подведём некоторый итог. Предположим: страна – Британия, зашифрованное место – Стоунхендж, четыре брата, объединённые тремя сёстрами, – это сохранившиеся каменные глыбы там же, но что тогда является огненным духом уробороса? И почему он должен со-

жрать себя?

– Уроборос – это свернувшийся в кольцо змей, кусающий себя за хвост, – ответил Александр. – Он символизирует чередование созидания и разрушения, гибели и перерождения, в сущности круговорота жизни и смерти. На смену дню приходит ночь и наоборот. Это древний символ, пришедший к нам из Древнего Египта, олицетворяющий вечность и вселенную. Так мне рассказывал учитель.

– Да, друг, я это знаю, но что означает огненный дух и почему он должен сожрать себя? Хотя погоди, как ты сказал, чередование дня и ночи? Огненный дух, может, огненный свет? Рождение света из тьмы, но сначала мгла пожирает свет. Закат потом восход. Может, закат солнца или затмение солнца, – срывающимся от волнения голосом предположил Исмаил.

– Ты гений, честное слово, ты гений, Исмаил! – закричал Александр, едва не разбудив Агнет. Ну конечно, затмение солнца! Огненный свет пожирает сам себя, когда луна затмевает солнце, а затем происходит возрождение света. Уроборос – цикличность жизни.

– Точно! Затмение солнца! Место мы знаем – это Стоунхендж, время, когда будет следующее солнечное затмение, уточним у учёных-астрономов! – вскричал Исмаил.

– Я знаю время следующего затмения, учитель говорил, что оно должно произойти в час по полудни двенадцатого февраля тысяча четыреста двенадцатого года от рождества

Христова, – ответил Александр.

– Уже в следующем году, – обрадовался Исмаил. – Но всё равно мы не знаем значения пассов с водой, землёй, воздухом и наклонами. Быть может, Александр, ты ошибся с расшифровкой и трактованием размытых строк? Давай ещё раз взглянем на написанное.

Александр согласился с предложением друга, и они уже втроём склонились над манускриптом.

– Александр, брат мой, почему ты думаешь, что строка ...ve..qua означает *bibe aquam* – выпить воды, а не что-то другое? – спросил Исмаил. – Буквы..гга.. – это, конечно, *terra*, в переводе «земля», но почему ты думаешь, с этим связаны наклоны, ае.. – понятно, аег, но почему «дышать», а не просто воздух? – развивал свою мысль Исмаил. – И что означают буквы *g* и *s*?

– Не знаю, просто мне так подумалось, – ответил Александр. – Но я согласен с тобой, здесь может таиться и иной смысл.

– Быть может, необходимо просто написать эти слова? – предположил Исмаил.

– А где? – поинтересовался Александр. – И чем?

– Вероятно, на алтарном камне, стоящем в центре Стоунхенджа, а чем – какая разница? Может, углём или просто нацарапать, – ответил Исмаил. – И ещё скажи, Александр, есть ли у алхимиков какие-то символы, заменяющие написание таких слов, как вода, воздух и земля?

Александр подался вперёд, не сводя глаз с Исмала, они оба чувствовали, что разгадка витает где-то рядом.

– Да, друг, имеются. Например, символ воды изображается так, – и Александр, взяв в руки перо, начертил перевёрнутый треугольник вершиной вниз, символ земли – тот же треугольник с проходящей через него горизонтальной полосой, а символ воздуха – треугольник вершиной вверх также с горизонтальной полосой, но вверху.

– А какого символа, по-твоему, здесь не хватает? – спросил Исмаил.

– Согласно Аристотелевским элементам, существует четыре первоначальных вещества – это вода, воздух, земля и огонь. Огонь изображается так, – Александр, вновь вооружившись пером, изобразил треугольник вершиной вверх без поперечных линий.

– Ясно, а как пишется огонь по латыни? Ignis, верно? – поинтересовался Исмаил.

– Да, верно, – согласился молодой человек.

– Так, может, искомое слово после aeg, где буквы g и s, будет ignis, то есть огонь? – предположил сарацин.

– Не устаю восхищаться твоей железной логикой, брат! – с уважением сказал Александр. – И следуя этой же логике, можно предположить, что буквы «ве» не означают bibe – «пить», а предполагают слово scribe, что значит «начертать».

– Итак, друзья, вот, что мы имеем в сухом остатке, – сказал Исмаил и приказал толмачу записать новый вариант тек-

ста с последними дополнениями. Получилось следующее:

Sta in medio an te quattor fratres tribus sororibus iunctis et expecta igneum spiritum ouroboros ut se devoret. Scribe: aqua, terra, aer, ignis.

– А теперь прочти всё с переводом, – повелел Исмаил драгоману. Тот почтительно повиновался.

– Встань в центре напротив четырёх братьев, объединённых тремя сёстрами, и жди, когда огненный дух уробороса сожрёт себя. Начертай: вода, земля, воздух, огонь, – перевёл толмач и посмотрел на друзей.

– Вот, мой друг, плод трудов наших. Как ты понимаешь, Аристотелевские элементы следует записывать алхимическими символами, а не буквами. Ну а далее текст испорчен, и нет надежды прочесть его, – сказал устало Исмаил.

– Я не знаю, как благодарить тебя, мой друг. За всё, что ты сделал для меня. Агнет права, ты был послан нам провидением. Благодарю тебя, брат!

Встав со своих мест, молодые люди обнялись на прощание. Завтра, а вернее уже сегодня, караван с торговцами выступал в обратный путь. И кто мог знать и предполагать, увидятся ли ещё в этой жизни молодые люди. Исмаил и толмач откланялись и покинули гостеприимный дом Гогенгеймов. Через час в двери аптеки постучали, так и не ложившийся Александр спустился вниз и открыл дверь. На пороге стоял тот самый мальчик. Сарацин, чёрный, как уголёк. Улыбнувшись своей белоснежной улыбкой, он протянул Александру

кожаный кошель, искусно украшенный бисером, затем, что-то пробормотав на своём языке, ловко развернулся и побежал в сторону рынка. Зайдя домой и поднявшись в их с Агнет опочивальню, Александр раскрыл кошель и высыпал содержимое поверх одеяла. К удивлению Агнет, оттуда высыпались шестьдесят рейнских гульденов и красивый женский гребень из слоновой кости.

В этот день учёба у Александра не задалась. Бессонная ночь сказалась на юноше, но самое главное – это было, конечно, расставание с другом. Раз за разом мысли Александра возвращались к минутам прощания. Увидятся ли они снова, или будет так же, как у учителя с Тибериусом? Жизнь покажет, а пока требовались лишь терпение и смирение. По окончании лекций декана Александр попытался незаметно исчезнуть, но беспощадный взгляд лектора уже выследил жертву в толпе школяров и произвёл словесный выстрел:

– Александр, мальчик мой, подойди сюда.

Юноша нехотя повиновался.

– Да, герр Баумгартнер, – Александр уже стоял рядом с кафедрой, на которой восседал педагог.

– Александр, ты сегодня был крайне невнимателен. Что с тобой? – с фальшивым беспокойством поинтересовался декан. – Уж не вчерашние ли гости помешали тебе быть сосредоточенным и усердным?

– Нет, герр декан. У меня всё в порядке, – ответил несколько раздражённо юноша.

– Ну хорошо, надеюсь ты не забыл, мой мальчик, о сегодняшней встрече? – спросил декан, хитро прищулив глаза.

– Нет, не забыл. И буду ждать вас после работы, – выдавил из себя Александр.

На работе дела тоже не ладились, Александр то и дело натыкался на окрики Гюнтера, потому как вся работа валилась из рук. Теперь мысли молодого человека были всецело сфокусированы на визите декана. Зачем он нужен советнику? Какие вопросы тот будет задавать? Наверняка, опять про книгу. Настроение у Александра всё больше портилось, и когда он случайно опрокинул ведро с только что собранной с пола кровью, Гюнтер не выдержал и приказал юноше идти домой и хорошенько выспаться, приправив сказанное парой крепких словечек.

– Вот чем заканчиваются ночные посиделки с сарацинами, – не прекращал ворчать Гюнтер.

Александр, умывшись и чмокнув Агнет в щёчку, отправился домой. И в самом деле было бы неплохо вздремнуть перед встречей с деканом. Придя домой и поднявшись в опочивальню, Александр бросился, не раздеваясь, на кровать и заснул. Проснувшись, он почувствовал себя гораздо лучше, можно даже было сказать отлично, если бы не мысль о предстоящей встрече с деканом. Молодой человек подогрел немного эля, на случай если декан снизойдёт до желания выпить, и присел на крыльце в ожидании визитёра. Тот не заставил себя долго ждать.

– Ну здравствуй ещё раз, Александр, – поздоровался декан. – Я зашёл к тебе в лавку, но там сказали, ты не здоров и отправился домой. И я поспешил сюда. Что-то случилось? – с приторно-притворным беспокойством спросил декан.

– Нет, герр Баумгартнер, я здоров, как бык, и у меня всё в порядке, – успокоил того юноша.

– Ну что ж, отлично. Не пригласишь гостя в дом?

– Да, конечно. Проходите, – спохватился юноша.

Проводя гостя в торговый зал аптеки, где ещё сутки назад он сидел с друзьями, юноша поинтересовался, не желает ли декан кружечку доброго эля.

– Конечно, мой друг, не откажусь, – сказал декан, с отвращением вспоминая вкус этого дешёвого пойла.

Налив на кухне в две кружки напитка, Александр вернулся в зал.

– Я слушаю вас, герр декан, – уважительно обратился юноша к гостю, протянув тому одну из кружек. – Чем я, простой, бедный школяр, мог понадобиться такому занятому человеку, как вы?

В ответ декан, пристально глядя в глаза собеседнику, вдруг задал престранный вопрос:

– Скажи, Александр, за что ты так не любишь меня?

Юноша опешил, он никак не ожидал такого поворота.

– Я не не люблю вас, я очень уважаю, я... – Александр растерялся, не зная, как реагировать на происходящее.

– Тем не менее это так, – со вздохом продолжил декан.

– Прощу тебя, поверь, я люблю тебя искренней отцовской любовью и всегда любил. Но в ответ получал лишь недоверие и недоброжелательность. Откуда это, мой мальчик?

Александр молчал, не зная, что ответить. Он мог ожидать всё, что угодно, но такого начала не ждал. Декан же продолжал:

– Я не хочу, чтобы между нами было какое-то недопонимание или другие сложности. Давай откроем наши сердца навстречу искренней дружбе, дружбе отца и сына. О, Александр, если бы ты знал, как бы я хотел иметь такого сына, как ты. Бог дал мне троих дочерей и ни одного наследника. И когда я смотрю на тебя, каждый раз мой разум твердит одно и то же. Ах, Иоганн, если бы у тебя был такой наследник. Но на всё промысел божий. И потому, видя, как тебе тяжело, как ты мужественно противостоишь невзгодам, выпавшим на твою долю, я хочу предложить тебе свою дружбу. Вот тебе моя рука, – и декан с глазами, полными слёз, протянул правую руку Александру.

Если бы Александр не знал, кто сидит перед ним, то наверняка поверил бы в сказанное, так искренне и правдоподобно это прозвучало.

– Спасибо, герр Баумгартнер! – ответил юноша и пожал протянутую руку. – Для меня это большая честь.

Декан горячо потряс руку юноши и тут же смачно высморкался с помощью обеих рук в платок. Затем, смахнув им же выдавленную слезу, продолжил.

– Александр, друг мой, теперь, когда ты видишь всю искренность моих побуждений, давай закрепим нашу дружбу. И пусть залогом нашего приятельства послужит твоя просьба, любая просьба, которую я с удовольствием исполню. Конечно, та, которую я в силах выполнить. Проси и ты увидишь, на что способен твой друг.

– Герр Баумгартнер, я с глубоким уважением принимаю предложение о дружбе, но мне ничего не надо. И прошу вас, не настаивайте на этом, – ответил обескураженный юноша. Он искренне не понимал, к чему клонит этот человек.

– Ну хорошо. Тогда я сам сделаю первый шаг. Скоро настанет день оплаты твоего кредита. Я знаю, у тебя нет таких денег, а я имею полное право не продлевать наш договор и получить от тебя всё до последнего пфеннига. Хочешь, я сейчас же, здесь же напишу расписку, что деньги получены и у меня нет вопросов и претензий к Александру Гогенгейму? Хочешь? И деньги, и твоя аптека останутся у тебя навсегда. Разве это не показывает серьёзности моих дружеских намерений? Ответь, Александр, – напирал советник.

У Александра голова шла кругом. Он не понимал, что происходит. Сделав три глубоких вдоха, как учил покойный наставник, юноша собрался силами и ответил:

– Герр Баумгартнер, до окончания кредитного договора ещё почти два месяца, по истечению этого срока я заплачу вам до последнего пфеннига, и я ещё раз повторяю, что благодарен предложению о дружбе. Но вы делаете его с таким

натиском, что я не знаю, что и думать? И как себя вести, – сказал юноша, смело смотря в глаза декану. – Вам что-то надо от меня? Говорите прямо.

Эти слова несколько умилили пыл декана. Поняв, что взять нахрапом, ошеломив юношу таким богатством, не удаётся, советник решил действовать иначе.

– Да, мой мальчик, ты прав. Прости, но это всё от избытка чувств. Прости! Но помни, моё предложение в силе, – поспешил заверить декан и, опустив глаза в пол, продолжил. – Хорошо, Александр, я скажу, скажу без утайки и открыто. Так как говорит любящий отец послушному сыну. Александр, сынок.

От этих слов юношу передёрнуло.

– Вот уже много лет я ищу книгу, в которой собраны за многие столетия рецепты снадобий со всего мира, – декан поднял глаза на юношу и теперь смотрел не мигая. – В моей библиотеке есть много хороших и полезных книг, не меньше, чем в библиотеке твоего покойного учителя. Поверь мне, сынок. Но нет одной, самой важной. Той, ради которой многие великие врачеватели и целители, аптекари и алхимики отдали бы полжизни за право обладания ею. Эта книга содержит много знаний, так необходимых человечеству. Сколько больным и недужливым она вернула бы надежду на здоровую жизнь, – декан молитвенно поднял глаза к небу. – Ты представляешь, сколько богоугодных дел можно совершить, владея этим сокровищем?

Декан вновь впился взглядом в юношу, оценивая, какой эффект произвели слова на того.

– Но причём здесь я? – задал главный вопрос Александр.

– Ты знаешь, что причём, – сказал, фальшиво улыбаясь, декан. – Все эти годы она была у Гогенгейма-старшего, а после его кончины должна была перейти к тебе. И, пожалуйста, не обижай меня ложью. Я знаю, книга у тебя, – повысив голос, заключил декан.

Мгновение боролся Александр с самим собой, чтобы не послать декана куда подальше. Но, овладев собой, спокойно ответил:

– Герр Баумгартнер, при всём моём уважении, я вам открыто заявляю: все книги, полученные мной по наследству от моего наставника, находятся в этом доме. И я могу поклясться на библии, что это именно так! А если вы желаете ещё раз осмотреть библиотеку, то я к вашим услугам, – ответил юноша и склонил голову в знак уважения.

На декана страшно было смотреть. На его лице читались и ненависть, и злоба, и гнев, и неприязнь. Какое-то время декан боролся с собой и с желанием задушить собственными руками этого щенка, но здравый смысл возобладал. С силой поставив на пол кружку с элем, к которому даже не притронулся, советник встал.

– Я не верю тебе, юноша, – наконец, выдавил из себя декан. – Я знаю, она здесь. Но и ты знай, мальчишка, без моей помощи тебе не раскрыть тайны великой книги. Ибо ключ у

меня, – декан победоносно взглянул на юношу и направился к выходу. Окончательно овладев собой, уже в дверях он произнёс:

– Мальчик, я предлагаю тебе помощь в разгадке тайны. У тебя ларец, у меня ключ. Подумай. Вдвоём мы можем достичь невозможного. Только ты и я. А твоё ослиное упрямство не доведёт до добра. Ключ у меня, – повторил декан. – И дал мне его старик Тибериус.

Советник вышел из аптеки, с силой хлопнув дверью. Во дворе он столкнулся с шедшей навстречу Агнет, возвращавшейся с работы. Улыбнувшись, девушка вежливо поздоровалась:

– Добрый вечер, герр Баумгартнер!

Декан не удостоил её даже взгляда. Войдя в дом, Агнет с порога спросила:

– Дорогой, что ты сделал с деканом? Сказал, что не вернёшь деньги в срок? – но, увидев мужа, она вмиг потеряла желание шутить и веселиться. Тот сидел на стуле посередине зала, вперив бессмысленный взгляд в стену. Агнет, испугавшись, подошла к Александру и тихонько положила руку на плечо. Юноша даже не пошевелился.

– Александр, милый, что с тобой? – чуть слышно произнесла женщина. Молодой человек медленно поднял голову и посмотрел пустыми глазами на жену.

– Тибериус. Он сказал Тибериус, – постепенно приходя в себя, произнёс юноша.

– Александр, что с тобой? – схватив обеими руками голову мужа и прижав к своей груди, дрожащим голосом спросила женщина.

Александр взял руку Агнет, поднёс к губам и нежно поцеловал. – Всё в порядке, всё хорошо любимая, – уже успокоившись и придя в себя, произнёс молодой человек.

Шло время, и жизнь шла своим чередом. Александр работал и учился. Декан никак не изменил своего отношения к школяру. Будто и не было неприятного разговора. И всё бы ничего, но у Александра не шли из головы последние слова декана: «И дал мне его старик Тибериус». Значит, советник знал о тайне, сокрытой в книге, и более того, был знаком с Тибериусом, а следовательно, мог знать содержание размытого текста в книге. Текста, которого так и не смогли разобрать Александр с друзьями. Но самое главное – декан был обладателем ключа. Какого ключа и что он из себя представляет, для юноши это была задача с новыми неизвестными. Как же сейчас не хватало его доброго, старого наставника с его мудрыми советами. Или его новых друзей, Исмаила с его верным толмачом. Уж они-то указали бы верный путь. Но он был один, а значит, и решение должен принимать в одиночестве. Оставался единственный человек, которому можно было довериться, не опасаясь предательства. Агнет. И в одну из ночей Александр, собравшись духом, рассказал ей всё, что связывало его с манускриптом. Агнет долго лежала молча, подтянув одеяло обеими руками к подбородку. Затем

медленно произнесла:

– И ты молчал всё это время?

– Я не желал вмешивать тебя. Мне хотелось разобраться самому, – ответил Александр. – А теперь мне нужен совет, Агнет, я не знаю, как поступить. Ведь по сути дела он прав, и если первую часть, как мне думается, мы разгадали, то со второй ничего не ясно, всё написанное размыто.

– А я могу взглянуть на книгу? – спросила Агнет.

– Конечно, – ответил тот и, с быстротой молнии сбегав к тайнику, вернулся с манускриптом.

– Вот, смотри, – сказал Александр, бережно открыв книгу на нужной странице.

Агнет немного владела латинским, но и без этих знаний было видно – строки, напрочь размытые чем-то. Может, случайно пролитой жидкостью, а может, и специально. Будто кто-то с умыслом желал перерезать единственную ниточку, связывающую с разгадкой.

– И декан говорит, что знает, что здесь сокрыто? – спросила Агнет.

– Да, Агнет, у него есть ключ к разгадке.

– Но, может, он врёт? – с надеждой в голосе спросила Агнет.

– Нет, исключено, – твёрдо ответил Александр. – Он знает имя друга учителя и назвал его.

– Значит, ты не видишь иного выхода, как только открыться перед деканом? – спросила Агнет.

– Да, не вижу. Иного выхода нет. Только так я смогу приблизиться к разгадке тайны манускрипта, – ответил юноша.

– Хорошо, Александр. Делай, как считаешь нужным, я приму любое твоё решение, – произнесла верная жена и, удобно устроившись на плече мужа, закрыла глаза.

Александр долго лежал без сна, смотря в одну точку на потолке и заложив левую руку за голову. Лежал, не шевелясь, боясь потревожить ход своих мыслей и спящую на его плече любимую.

Через два месяца наступил день оплаты по кредиту. Единственный, кто был безмерно рад этому событию, был декан. Он был уверен, что юноше никак не собрать эту неподъёмную сумму. И к его богатству, растущему день ото дня, прибавится ещё и дом-аптека. Ибо он не собирался продлевать договор. И тогда Александра ждала бы несладкая участь плотника Лотаря Магнуса. Или того лучше, юноша сам приползёт и отдаст заветную книгу. И декан в приподнятом настроении улыбался и шутил с другими членами счётной комиссии магистрата. Наконец, все расселись по своим местам и бургомистр взял слово.

– Многоуважаемые члены комиссии, – обратился к сидящим бургомистр. – Время неумолимо и сегодня настал день расчёта Александра Максимилиана фон Гогенгейма по кредиту, взятому у Иоганна Густава фон Баумгартнера. Позвольте мне, многоуважаемая комиссия, озвучить несколько цифр, дабы разъяснить суть вопроса. Один год назад заём-

щик взял у кредитора ссуду в размере сорока рейнских гульденов сроком на шесть месяцев. Размер процентов, по взаимному соглашению, был установлен в размере сорока процентов в год. Таким образом, по истечению условленного срока заёмщик обязан был выплатить сумму, включая проценты, в размере сорока восьми гульденов, — монотонно бубнил бургомистр. — В силу уважительных причин заёмщик не смог этого сделать. И договор был продлён ещё на полгода, а к долговой сумме в сорок восемь гульденов Иоганн фон Баумгартнер великодушно добавил ещё двадцать гульденов. Следовательно, ключевая или исходная сумма составляла уже шестьдесят восемь рейнских гульденов. — Бургомистр шумно высморкался в платок, обвёл хищным взглядом сидящих, а затем продолжил. — Как я уже говорил, договор был продлён ещё на шесть месяцев. Отсюда явствует, что на сегодняшний день сумма, которую обязан выплатить заёмщик составляет девяносто пять гульденов и двадцать пфеннигов, включая проценты. Готов ли заёмщик закрыть данный кредитный договор?

И бургомистр впился змеиным немигающим взглядом в юношу. Александр встал со своего места и приготовился отвечать. Он был готов и потому спокоен. В его кошельке лежала необходимая сумма. Двадцать гульденов, собственноручно отданных деканом полгода назад, шестьдесят гульденов, полученных от друга, и пятнадцать гульденов и двадцать пфеннигов, отложенных заботливой рукой Агнет за

шесть месяцев.

– Уважаемая комиссия, – начал юноша. – Прежде чем говорить о деньгах, я хотел бы обратиться к герру Баумгартнеру.

И Александр повернулся к довольному и улыбающемуся декану.

– Герр Баумгартнер, я благодарю вас за ваше великодушие, доброту и терпение. Едва ли найдётся в нашем городе человек с таким большим сердцем, – юноша с наигранной теплотой смотрел на декана. Тот перестал улыбаться, интуитивно почувствовав какой-то подвох. – Спасибо, герр декан. Теперь что касается денежного вопроса. Господин бургомистр, конечно, я готов закрыть кредитный договор, разве я могу позволить себе подвести своего кредитора, так благоклонно отнёсшегося ко мне. Вот деньги в полном объёме, – и Александр победоносно вскинул руку с зажатым в ней кошельком.

На бургомистра было жалко смотреть, настолько он был обескуражен происходящим. Но жальче других выглядел декан. Он не мог поверить своим глазам, всё рушилось в одночасье. «Откуда, откуда у него деньги? – проносились с быстротой молнии мысли в его голове. – Ну хорошо, двадцать гульденов я сам дал, но остальные откуда? Как пить дать, не обошлось без книги». Всё внутри декана кипело и бурлило. Чтобы хоть как-то овладеть собой, декан сжал кулаки и зажмурил глаза. Бургомистр беспомощно взирал на де-

кана. Поняв, наконец, что помощи ждать неоткуда, председательствующий вернулся к протоколу, приказал секретарю забрать кошель у Александра и пересчитать содержимое. Затем, вызвав бывших заёмщика и кредитора к своему столу, велел им расписаться и приложил большую городскую печать. Из магистрата выходили все в разном расположении духа. Александр был лёгок и весел. Решив уже сегодня не ходить в университет, он направился напрямик в мясную лавку, бодро стуча башмаками по мостовой. Декан вышел из зала, поддерживаемый самим бургомистром, в голове его плыл туман. Это был серьёзный удар по его деловой интуиции, несмотря на заработанные деньги, это было фиаско. Он что-то не просчитал, но что? Неужели книга?

В начале сентября тысяча четыреста одиннадцатого года должен был состояться очередной выпуск бакалавров в Гейдельбергском университете. В преддверии этого события все школяры усердно готовились, как к выпускным экзаменам и дебатам, так и к изрядной попойке, непременно сопровождающей это событие. Не был исключением и Александр. Экзамены, присуждение степени бакалавра, а затем и получение лицензии на фармацию – всё это уже не казалось таким далёким и несбыточным, каким виделось шесть лет назад. И Александр старательно готовился. Но несмотря на эти суетливые дни, мысли юноши постоянно возвращались к манускрипту. Открыться декану – это возможно, но как обезопасить себя? Ведь, узнав тайну книги и обладая ключом, декан

может обмануть его и единолично воспользоваться этими знаниями. Как поступить? Выход был один. Это разговор с деканом. И Александр принялся искать удобный случай для откровенного разговора с этим малоприятным человеком. Это было не так-то просто. После последней, неприятно закончившейся встрече для декана в магистрате, тот замкнулся и практически прекратил обращать внимание на школяра. И даже на утренние приветствия и пожелания здравствовать отвечал сухим кивком головы, не разжимая при этом губ. Слишком уж силён был удар, нанесённый по самолюбию декана. Как могла птичка вырваться из силков, так умело расставленных опытным охотником. Но Александр не терял надежды, и такой случай вскоре представился. В один из дней после окончания ординарных лекций³¹, Александр специально задержался и, дождавшись, когда остальные школяры покинут аудиторию, подошёл к декану и, собравшись с мужеством, спросил:

– Герр декан, я хотел бы вам сказать кое-что.

Декан, мельком взглянув на юношу, продолжил молча собирать книги со стола.

– Герр Баумгартнер, – ещё раз обратился Александр. – Я не хочу больше упрямыться, как осёл. Вы правы, только вместе мы сможем приоткрыть завесу тайны. Книга у меня.

³¹ Ординарные лекции – в Средние века в университетах существовали две разновидности лекций: а) ординарные (обязательные), проводившиеся в утренние часы; б) экстраординарные (дополнительные), для которых отводилось послеобеденное время.

Сказав это, юноша почувствовал даже некоторое облегчение. Чего не скажешь о декане. Теперь была его очередь прийти в изумление от услышанного. И он сидел, обескураженно хлопая глазами.

– Герр Баумгартнер, нам необходимо поговорить. Время не терпит, – продолжил напор юноша.

Но декан всё уже понял, прожжённому интригану не нужно было повторять дважды.

– Хорошо, мой мальчик. Говори, где и когда? – мгновенно среагировал он.

– Завтра в университете день, предоставляемый школярам для подготовки к экзаменам, и потому до обеда я свободен. Приходите ко мне с утра, Агнет будет в лавке, – предложил Александр.

– Конечно, конечно, я обязательно приду. Завтра с утра я у тебя, – поспешил заверить юношу декан.

На следующий день ранним утром в доме Гогенгеймов в зале простаивающей аптеки сидели двое. Александр и Иоганн Баумгартнер.

– Итак, юноша, – первый начал декан. – Я здесь. И слушаю тебя внимательно.

– Я рад, герр Баумгартнер, что вы приняли моё предложение и пришли. И не держите на меня зла. Хотя я и не понимаю, в чём моя вина.

Услышав эти слова, декан предпочёл благоразумно промолчать.

— Герр Баумгартнер, — продолжил юноша. — Книга у меня, это правда, и я сейчас принесу её. Но прежде мы должны поклясться в том, что будем вести дела честно и благородно, без обмана и надувательства. Иначе нет смысла в наших начинаниях. — Безусловно, мой мальчик, ты прав. Я даю тебе слово и клянусь, что буду честен с тобой и пусть меня покарает суровая, но справедливая Длань Господня, если я нарушу эту клятву, — поспешно сказал декан и поцеловал один из своих перстней на пальце, на котором был искусно выгравирован крест.

— И я даю вам слово чести, что не буду вести тайные игры за вашей спиной и лгать вам, — просто ответил юноша.

Произнеся эти слова, он встал и, пройдя на кухню, принёс оттуда книгу, заранее извлечённую из тайника. Подойдя к декану, он протянул её сидящему. Советник чуть было не лишился дара речи, приняв в свои руки бесценное сокровище. Сколько лет он мечтал об этом мгновении, сколько раз представлял момент, когда он сможет прикоснуться к этому бриллианту мудрости. И вот он настал. Бережно опустив манускрипт на колени, декан открыл первую страницу и трепетно провёл пальцами по поверхности листа.

— Неужели это она, Александр? — почти шёпотом спросил декан.

— Да, герр Баумгартнер, это та книга, которая была оставлена мне в наследство моим учителем, — ответил юноша.

Декан листал книгу, местами останавливаясь на каком-то

привлѣкшем его внимание месте, затем вновь принимался перелистовать. Александр не стал мешать и торопить гостя, и потому просто сидел и молча наблюдал.

– Да, это действительно она, величайший дар последователей Асклепия и герметических философов³². И я безмерно счастлив иметь честь прикоснуться к этому дару. Ну что ж, Александр, теперь расскажи, что тебе известно о загадке, заключённой в этом манускрипте.

Александр, немного поколебавшись, взял книгу из рук декана и, открыв на нужной странице, указал на текст. Декан прочёл и, недолго поразмышляв, спросил:

– Тебе удалось, юноша, расшифровать написанное?

– Только читаемую часть, вторая, как видите, повреждена влагой. И я смею надеяться, что в этом вопросе вы будете мне помощником, – ответил юноша и внимательно посмотрел в лицо декану. Ни один мускул не дрогнул на физиономии того.

– Да, юноша, конечно, я помогу и расскажу всё, что знаю. Но сначала я хотел бы послушать тебя. Что означают эти письмена?

– Здесь написано: «Стоять в центре напротив четырёх братьев, соединённых тремя сёстрами, и ждать, когда огненный дух уробороса сожрёт себя. Начертать: вода, земля, воздух и огонь», – перевёл Александр.

³² Герметические философы – так со времён поздней античности именовали себя европейские алхимики, по имени Гермеса Трисмегиста.

– Это я и без тебя знаю, – рассмеялся декан. – Но что означает эта белиберда?

– Нам с друзьями кажется, что текст указывает на страну Британию, а место это называется Стоунхендж.

При этих словах брови декана нахмурились, и он спросил ледяным голосом:

– Уж не хочешь ли ты сказать мне, мальчик, что кто-то из школяров знает о книге и её тайне? Иначе, что означает твоё «нам с друзьями»?

– Нет, конечно, нет, герр декан, – ответил юноша. – Просто несколько месяцев назад в наш город приезжали купцы из Гранадского эмирата. Вместе с ними приезжал молодой человек, родственник гранадского эмира, звали его Исмаил. Я имел честь оказать ему некую услугу, и мы с ним подружились. Он очень хороший, благородный человек и не предаст данного мне слова хранить молчание.

Так вот откуда деньги у мальчишки! Декан что-то слышал о дружбе молодого человека с сарацином. Но и представить себе не мог, насколько она была крепкой и настоящей. Вслух же спросил:

– Ты знаешь языки, юноша? Как же вы общались?

– Нет, кроме родного и латинского, не знаю. Но с ним всегда был неотлучно толмач, – ответил юноша.

– Так я и знал, – язвительно произнёс декан. – Верно говорят, что знают двое, знает и третий.

– Не беспокойтесь, герр Баумгартнер, этот человек тоже

будет нем как могила, — успокоил его юноша.

— Лучше б он был в могиле, — пробурчал себе под нос декан, а на тон громче сказал. — Продолжай, юноша.

— Так вот, — продолжил Александр. — Четыре года назад Исмаил вместе с этим самым толмачом были с дипломатической миссией в Британии.

— Политики здесь только не хватало, — проворчал декан.

Сделав вид, что не расслышал сказанного, юноша продолжил:

— Находясь в Британии, они посетили местечко под названием Стоунхендж. Это очень древнее место, и никто не знает, когда было построено сооружение, стоящее там. Сохранилось предание, что когда-то там стояли тридцать огромных каменных столбов, соединённых сверху тридцатью такими же каменными перекрытиями. В народе их прозвали тридцать братьев, поддерживающих тридцать сестёр, кружащихся в хороводе. В центре этого хоровода до сих пор стоит камень. Местные называют его алтарным. Как известно, время ничего не щадит. Многие столбы и каменные перекрытия оказались лежащими на земле, некоторые уже и под землей. Но провидению было угодно сохранить четыре вертикально стоящих столба, соединённых тремя каменными перемычками. Мы с друзьями предполагаем, что они и есть четыре брата, соединённые тремя сёстрами. А алтарный камень — это центр, находящийся напротив них. Огненный дух уробороса, пожирающий сам себя, это ничто иное, как солнечное

затмение. символизирующее свет и тьму. Круговорот в природе и вечную череду жизни и смерти. И нам думается, что в момент, когда будет происходить полное солнечное затмение, нужно стоять в центре возле алтарного камня, предвзвешенно начертав на нём алхимические символы: воды, земли, воздуха и огня. Это всё, – юноша перевёл дух. – Остальное мне хотелось бы услышать от вас.

Декан сидел, опустив голову, и казалось, что он дремлет. Наконец, он, разжав губы, произнёс:

– Не густо, – и, помолчав ещё немного, добавил. – Но всё же не лишено логики и может сработать. А как ты думаешь, мальчик, каков будет итог? Чего нужно ожидать в конце?

– Не знаю, герр Баумгартнер, но надеюсь, ничего плохого. Иначе это не было бы записано здесь, – с надеждой в голосе ответил Александр, указав на книгу.

– Вот и я не знаю, – подытожил декан. – Ну да ладно, сомненья прочь, мой друг, – вдруг весело сказал советник. – Итак, юноша, я внимательно выслушал тебя, вижу, что ничего не утаил, и мой ответ будет таким же откровенным. Однажды, возвращаясь домой из деловой поездки, я вынужден был заночевать на постоялом дворе в городе Штутгарт. Там судьба меня свела с умирающим стариком, который торопился в Гейдельберг, чтобы увидеться с другом, которого не видел многие годы. Звали этого старика Тибериус.

Услышав это имя, сердце Александра предательски часто забилося. «Конечно, это он. И ехал он, чтобы увидеться с

учителем», – подумалось ему.

– Перед самой смертью старик поведал мне, что является носителем древней тайны и ключа к этой тайне. И за небольшую услугу он был готов открыть мне её. Я, как честный человек, сдержал слово и оказал ему эту услугу, – приукрасил свой поступок декан. – А скажи, Александр, всё это время твой учитель хранил книгу дома? – неожиданно спросил декан.

– Да, – ответил юноша.

– А после смерти учителя, где хранилась рукопись? Здесь же, в доме?

– Да, дома, – сказал Александр, уже поняв, куда клонит декан. – Она лежала всегда на видном месте, в библиотеке учителя вместе с остальными книгами, – соврал Александр.

– Теперь я понял, почему ты с такой лёгкостью согласился клясться на библии, свидетельствуя, что книга в доме. Ну, Александр, ну хитроман, – похвалил юношу декан. В ответ юноша лишь скромно улыбнулся и сказал:

– Продолжайте, пожалуйста.

– Да, конечно. Итак, старик открылся мне перед смертью. Нельзя сказать, что речь умирающего была разборчива и понятна. Но кое-что мне удалось разобрать в его бреде. Старик шёл из далёкой Индии, где волею судьбы повстречался с человеком, раскрывшим ему тайну камня-ключа. Якобы обладая этим ключом, в назначенный день и урочный час можно открыть тайную дверь. А когда этот срок настанет, где эта

дверь и что нужно делать, всё это написано в книге, принадлежащей теперь тебе.

– Значит, ключ у вас? – затаив дыхание, спросил юноша.

– Да, более того, он со мной, – ответил декан и вытащил из поясного кошелька чёрный камень. – Возьми, рассмотри его хорошенько. Видишь, я тоже тебе всецело доверяю, – сказал декан, протягивая юноше камень.

Александр приняв из рук декана драгоценную ношу, принялся рассматривать её. Камень был лёгкий, чёрный, как ночь, неправильной, но красивой формы. Засмотревшись на него, юноша забыл о существовании времени. Придя в себя, Александр спросил:

– А как же и что им открывать, если он ключ?

– Старик лишь сказал, что необходимо держать его двумя руками, протянув на встречу потоку света исходящего откуда-то. – И всё? – недоверчиво спросил Александр.

– Клянусь честью, всё. Далее он бормотал, что нужно смело ступить на путь света. Потом бессвязные слова. И всё, – искренне заверил декан.

– Не густо, – сказал теперь юноша. – Но пора подвести итоги. Что нам удалось узнать? Какие факты можно сопоставить? Итак: в час пополудни 12 февраля 1412 года в момент солнечного затмения, находясь в центре Стоунхенджа нужно стоять рядом с алтарным камнем, на котором следует начертать алхимические символы воды, земли, воздуха и огня, повернувшись лицом к четырём каменным столбам, соеди-

нённых тремя каменными перемычками, держа перед собой обеими руками камень и ждать полного солнечного затмения. Верно? – подытожив, спросил Александр.

– Думаю, да, – ответил декан. – И ждать неизвестного. Верно? – в свою очередь спросил декан. Юноша лишь молча кивнул головой в ответ.

Им обоим казалось, что тайна раскрыта, решение найдено и ребус решён. Но от этого не становилось легче. Ибо количество неизвестных только прибавилось.

– Что будем делать, Александр? Есть ли какие мысли на этот счёт? – спросил декан.

– Не знаю, – ответил юноша. – По правде говоря, никаких.

– Тогда скажу я. Есть один единственный способ проверить правильность наших догадок, – сказал декан.

– Какой? – заинтересовался юноша.

– Ехать в Британию, в Стоунхендж, мой мальчик. И на месте всё испытать. Иного пути нет. В этом месяце состоится выпуск бакалавров в Университете. До этого момента ни ты, ни я не можем покинуть Гейдельберг. Но потом ничто не сможет помешать нам совершить это путешествие.

Боевой пыл Александра несколько поуменился после этих слов. Никогда ещё не покидал он границ Священной Римской Империи.

– Герр Баумгартнер, а вы уже путешествовали так далеко? – осторожно спросил Александр.

– Да, – ответил декан. – В Британии бывать не приходи-

лось, но в Бельгии бывал, и не раз. Из Бельгии мы поедем во Францию, в портовый город Кале, а уже из него на корабле доберёмся до Британии. Дорога до Брюсселя занимает пятнадцать-двадцать дней. Из Брюсселя до Кале ещё дней восемь-десять. А из Кале до берегов Британии ещё сутки. Сколько оттуда до Стоунхенджа, я не знаю.

Александр с уважением посмотрел на декана. Он никак не ожидал таких географических познаний от него.

– Толмач Исмаила говорил, что Стоунхендж находится в пяти конных переходах от Лондона, – вставил своё Александр. – Значит, ещё пять дней, – продолжал подсчёт декан. В Британии мы пристанем к порту Дувр, от него до Лондона не менее недели. Итого весь путь из Гейдельберга до Стоунхенджа должен занять сорок пять или шестьдесят дней, то есть около двух месяцев. И если ты готов, Александр, то в конце ноября мы должны отправляться в путь. Думаю, к началу февраля следующего года мы будем в Британии. Зима нам в помощь, на санях и дорога покажется быстрее. И времени достаточно для подготовки лошадей и провианта, дорога не близкая.

– Но что мы скажем домочадцам? – спросил юноша.

– Скажем, что это моя деловая поездка в Британию. Тебя же я беру с собой как помощника и ассистента. Или ты струсил, мальчишка? – сказал с издёвкой декан, хитро улыбаясь.

Александр был поражён, как декан из жирного, брюзгливого интригана в одночасье превратился в смелого, опытно-

го путешественника, и даже немного зауважал его. Нет, конечно, он не испугался, но перспектива большого путешествия немного настораживала. Одно дело – поездка в Прагу или любой другой город Священной Римской Империи, Александр достаточно попутешествовал в детстве, а другое – поездка в чужую страну, находящуюся даже не на континенте. Вслух же он произнёс:

– И ничего я не испугался. Я готов.

– Вот и отлично, – сказал декан, не меняя хитрой ухмылки на своей физиономии. – Сейчас твоё дело – готовиться к экзаменам, ну а после вернёмся к этому разговору. Главное – держи в тайне истинную причину нашего путешествия. Для всех мы едем по моим деловым вопросам. И точка. Ты понял, Александр?

– Да, герр Баумгартнер, я всё понимаю, – ответил молодой человек.

Проводив декана, Александр начал собираться на работу в лавку. Но мысли его возвращались вновь и вновь к состоявшемуся разговору. Он не доверял советнику и потому не мог взять в толк, как тот так быстро и легко пошёл на контакт и даже показал камень-ключ. Неужели он что-то задумал? Путь до Британии неблизкий, а в дороге могло произойти всё что угодно. Александр гнал прочь такие мысли, но они возвращались снова и снова, и от них становилось не по себе. И в который раз юноша пожалел о смерти своего наставника, тот бы подсказал верный путь.

Откуда было знать юноше истинные намерения декана. Сначала тот был уверен, что главное – добиться признания юноши, а уж как прибрать к рукам манускрипт, он непременно придумает. Но после услышанного его планы в корне изменились. Во-первых, в книге не было и речи о красной тинктуре. Только если представить, что гагат в момент затмения превратится в благородный металл. Но это маловероятно. А во-вторых, никто не знал, что произойдёт в итоге. Рисковать собой глупо, приглашать постороннего на роль подопытного кролика тоже неразумно, тем более на эту роль уже претендовал один кандидат. И это, конечно, Александр. Лучшего исполнителя и не найти. Да и Агнет остаётся здесь. Лучшей заложницы тоже не найти. Всё складывалось как нельзя лучше. И декан решил ничего не менять, а действовать в тандеме с мальчишкой, а там видно будет. Вот откуда взялись открытость и доброжелательность советника. Именно такие мысли роились в голове наших героев в преддверии большого путешествия.

Пятнадцатого сентября в городе был праздник. По сути праздник был в университете – день выпуска. Но предприимчивые горожане по опыту уже знали: раз будут гулять школяры, значит, в накладе никто не останется. И потому украшали, как могли, свои лавки и забегаловки. Отличники и отстающие, прилежные и хулиганы были опрятно одеты и сосредоточены. Сегодня важнейший день в их жизни. От него зависит дальнейший путь будущих докторов, а может,

и магистров. И потому их всех, богатых и бедных, умных и не очень, объединяло одно чувство – чувство беспокойства, как пройдут экзамены и диспуты. Александр тоже не отставал и готовился, собрав необходимые книги, могущие пригодиться при сдаче, сложил их в вместительную заплечную сумку. Агнет нагладила и приготовила чулки-штаны, белоснежную рубаху, собиравшуюся на груди в мелкие складки и завязывающуюся на шее, вамс³³ и почистила выходные пулены³⁴. Крепко поцеловавшись в губы, молодые разошлись в разные стороны. Агнет на работу в мясную лавку, а Александр в университет. Трудясь в лавке, женщина не могла найти себе места, и как она не старалась занять себя работой, её мысли раз за разом возвращались к любимому. Единственная стрелка на часах ратуши³⁵ уже показывала пять часов по полудни. По городу уже начали разноситься пьяные песни новоиспечённых бакалавров, а от мужа всё не было вестей. Агнет была в подсобном помещении, когда услышала громкий и до боли знакомый голос. Она сразу поняла, что любимый навеселе. Уж слишком громогласно он смеялся и говорил. Выскочив в торговый зал и наспех вытерев мокрые руки о передник, Агнет бросилась на шею мужу и, не удержав-

³³ Вамс (в Германии) – мужская верхняя одежда с воротником-стойкой на шну-ровке или на пуговицах спереди или сзади.

³⁴ Пулены (кракове) – мягкие кожаные башмаки без каблуков с заострёнными носами.

³⁵ Первые башенные часы начали появляться в Европе на рубеже XIII и XIV веков, и у них на циферблате была только одна стрелка – часовая.

шись, расплакалась.

– Ну что ты, любимая, – успокаивал её Александр. Он стоял, покачиваясь, посреди зала, обнимая одной рукой жену, а другой сжимал початую бутылку с вином. – Что ты, всё хорошо. А впрочем, можешь и всплакнуть на плече у бакалавра Александра Максимилиана фон Гогенгейма, – неумело пошутил Александр.

Отпросившись на сегодня у Гюнтера и упросив отпустить с ним Агнет, Александр вернулся к друзьям в корчму, где полным ходом шло празднование. Плечом к плечу за одним столом сидели наставники и вчерашние школяры. Тосты поднимались один за другим, восхвалялись ум и находчивость бывших учеников и терпение и разум учителей. Вино и эль лились рекой. Повсюду гремела музыка, слышался весёлый гомон и смех. И лишь под утро гулянка пошла на спад. Многих гуляк уводили на силу, пришедшие за ними матери и жены. Так и Агнет, положив руку Александра себе на плечо и поддерживая его за талию, неспешной, покачивающейся походкой уводила мужа из гостеприимного заведения. Придя домой, она с трудом подняла супруга на второй этаж и, не раздевая, бросила поперёк кровати. Сама же легла в комнате покойного учителя.

На утро следующего дня Александр проснулся с тяжёлой головой и отвратительным вкусом во рту. Пошевелив рукой подле себя и не найдя жены, он прислушался. Грохот и звон кухонной утвари выдавал местонахождение любимой

супруги. Спустившись вниз и неуклюже чмокнув в шею жену, Александр пошёл умываться. Холодная вода сделала своё дело, и боль в висках немного отступила. Не отрываясь от приготовления завтрака, счастливая Агнет спросила:

– Ну что нам расскажет бакалавр Александр фон Гогенгейм? Как всё прошло?

Вчера у неё так и не представилась возможность узнать подробности экзаменов.

– Всё отлично, – ответил Александр, усаживаясь за стол и присаживая себе на колени Агнет. – Все экзамены, а также диспут сданы на отлично. И мне предложено продолжить учёбу на магистра, – весело, скороговоркой сказал Александр и чмокнул жену в щёчку.

– Ого, – приятно удивилась Агнет, обвив шею мужа своими руками. – И что ты думаешь делать?

– Сначала я должен продолжить начинание учителя и открыть аптеку, – ответил юноша. – А ещё я должен закончить одно очень важное дело.

– Какое дело? – поинтересовалась Агнет, вставая с колен мужа и поправляя непослушный локон волос.

– Агнет, давай не сейчас. Дай мне немного прийти в себя, утрясти кое-какие дела в университете, ну а вечером я расскажу тебе всё.

– Хорошо, как скажешь, – ответила покладистая Агнет. Молодые, позавтракав, отправились каждый по своим делам. Александру необходимо было заняться послевыпуск-

ной бумажной волокитой в альма-матер. Чем он и прозанимался до обеда вместе с такими же, как и он, плохо сообщаемыми после попойки бакалаврами. Агнет же направилась в лавку. Вечером того же дня, вернувшись домой, молодая семья ужинала и беседовала.

– Александр, ты хотел мне что-то рассказать, – напомнила Агнет.

– Да-да, я помню, – промямлил в ответ Александр.

Дело в том, что он не знал, как подступиться к рассказу о предстоящем их с деканом путешествии. Конечно, Агнет знала о приходе декана и о том, как были раскрыты карты с двух сторон. Но при этом, как ему казалось тогда, он благоразумно умолчал о предстоящем путешествии. Сейчас же он прекрасно понимал, что рано или поздно придётся раскрыться. И лучше это сделать раньше, чем позже.

– Видишь ли, Агнет, – начал издалека юноша. – Я тебе не всё рассказал о нашей встрече с деканом.

– Да, интересно. И о чём же ты умолчал? – с искренним интересом спросила Агнет.

– Как тебе сказать, – мямлил и оттягивал объяснения Александр. – Ну в общем мы решили, что единственный способ утвердиться в справедливости наших догадок – это ехать в Стоунхендж.

– Что значит «мы»? А я? – Агнет опустила ложку, уже поднесённую ко рту. – А как же я, Александр?

Носик Агнет смешно наморщился, а в глазах показались

слёзы. Александр встал со стула и, подойдя к жене, обнял за плечи. — Пойми, любовь моя, иного пути нет.

— Ну ты же не знаешь, что может там произойти, да и дорога длинная. Как же я без тебя, Александр?

Агнет уже было не успокоить, и она разрыдалась, закрыв ладонями лицо. Александр больше всего боялся именно этого. Он стоял, обнимая жену за плечи и нежно целовал в голову. Женщина проплакала всю ночь. Агнет отдавала себе отчёт, в том, что если муж что-то решил, его уже не переубедить. А ей так хотелось сделать в этот день ему тоже подарок. Сегодня она поняла, что беременна.

Время шло своим чередом. Александр работал в лавке Гюнтера, параллельно выправляя себе разрешение на открытие аптеки и членство в гильдии. И кто бы мог подумать, что добрым и верным помощником в этом непростом деле окажется декан. Он помогал и с бумажной рутиной, и замолвил, где следует, словечко за юношу. И вообще было сложно узнать в этом добром и отзывчивом человеке личность, ещё недавно люто ненавидящую Александра. Во истину неисповедимы пути Господни. И только один декан знал истинную ценность своей любви к юноше и причину метаморфозы, происшедшей с ним. В конце октября аптека Гогенгеймов раскрыла свои гостеприимные двери. Александр работал один, разумно предположив, что нет смысла брать помощника на пару месяцев. Работа спорилась, горожане помнили предыдущего владельца, старика Альберта Теодора, и

потому проблем с клиентами не было. Торговля шла бойко, что, конечно, сказалось на выручке другой аптеки, принадлежащей декану. Но и здесь тот проявил чудеса терпения и лишь стоически улыбался. Ничего, со временем он получит своё сторицей.

Посоветовавшись с Агнет, Александр заложил перстень ювелиру. Надеясь, в случае удачного путешествия, выкупить его. Большую часть денег он оставил Агнет, а остальные, по совету декана, тратил на покупку всего необходимого для дальнейшей экспедиции. В первую очередь он приобрёл хорошего коня. Это был рысак-семилеток вороно-пеговой масти, ноги которого были совершенно беленькими. Звали его Роланд в честь легендарного рыцаря. Александр ездил за конём на воскресную ярмарку в Мангейм, там всегда было из чего выбрать. Увидев Роланда, он подошёл к нему и, не обращая внимания на вопросы продавца и не спрашивая о цене, протянул коню вяленое яблоко. Тот медленно подошёл, и Александр почувствовал, как мягкие тёплые губы щекочут его ладонь. Затем конь ткнулся мордой в плечо юноши, как бы говоря: «Бери и не думай». Так человек и животное выбрали друг друга, а у Александра появился верный друг. Кроме того, по примеру декана, Александр купил чёрную, тёплую шаубе³⁶ с большим меховым воротником-шалью. Также были приобретены, по совету того же декана, несколько пар

³⁶ Шаубе – немецкая тёплая мужская одежда на меху с большим воротником-шалью. У шаубе широкие и длинные рукава либо прорези для рук.

тёплого исподнего, шерстяных носков, высокие тёплые сапоги и утеплённый вамс.

Александр занимался любимым делом. Аптека работала, в доме были достаток и благополучие. Агнет хорошела день ото дня, уже был замечен округлившийся животик, и молодому мужчине частенько приходила в голову предательская мысль, зачем ему куда-то ехать, тревожить неизвестное, ведь у него всё есть, что может пожелать простой смертный. Но он героически гнал от себя эти малодушные мысли. Ведь он дал слово, а отступать назад — это не по-мужски. Время неумолимо приближалось к оговорённому сроку. И вот уже наступила зима, и пришёл декабрь. Иоганн Якоб основательно подошёл к сборам, как опытный и знающий путешественник. Конь у декана был знатный и надёжный, не единожды ходивший с хозяином в дальние странствия. О тёплом белье, так необходимом в путешествиях, декан знал не понаслышке, и потому оно было давно приготовлено и собрано. Кроме этого, советник решил снарядить ещё одну повозку-сани, запряжённую одной лошадью. Туда должны были быть сложены провиант, шпалеры на продажу, а также арбалеты на случай нападения разбойников или волков. Кучером в сани декан взял одного из своих подмастерьев, верой и правдой служившего своему работодателю. Звали его Ганс. Это был невысокий, худощавый, но очень крепкий мужчина тридцати двух лет от роду, преданный, как пёс, и готовый на многое ради своего хозяина. Славный город Гейдельберг только и го-

ворил об этой поездке. Некоторые настойчиво пытались набиться в попутчики, слыханное ли дело – путешествие в самую Британию. Но декан нашёл для каждого необходимые слова, чтобы отговорить от этого шага, объясняя, что это опасно, и он, как истинный сын своего города, первым должен пройти столь непростой путь, а уж потом и они смогут по проторённой дорожке. Многие восхищались смелостью путешественников, другие крутили пальцем у виска, ехать втроём в такую даль считали самоубийством. Ни Александр, ни Иоганн Якоб не обращали внимания на тех, ни на других. Они были сосредоточены на сборах. План декана был незатейлив и прост. Он вовсе не собирался вести свой товар в Британию, а хотел распродать всё по дороге и отправиться в Стоунхендж налегке. Оставив даже преданного и ничего не подозревающего Ганса на континенте. Товары на продажу были собраны лишь для отвода глаз, но это было обусловлено необходимостью скрыть истинную причину путешествия.

Морозным утром пятнадцатого декабря тысяча четыреста одиннадцатого года настал час отъезда. Александр и Агнет приехали к дому декана, откуда и было назначено отбытие. Собралось немало народу, желавших проводить или просто поглазеть на путешественников. Гигант Гюнтер стоял, обнимая за плечи утирающую слёзы Брумхильду. Александр и Агнет стояли, прижавшись друг к другу, не говоря ни слова. На душе у Александра скребли кошки, и хотя он и желал успокоить жену, сказав что-то доброе и обнадежива-

ющее, но не мог вымолвить ни слова. Заметно пополнившая Агнет, уткнувшись в грудь мужа, не прекращая, плакала. Но вот декан, поочерёдно обняв домочадцев, громогласным голосом скомандовал:

– В путь, и да поможет нам Бог.

Александр наклонил голову и горячо прошептал на ушко Агнет:

– Я вернусь, любимая, я обязательно вернусь, – и крепко поцеловал в губы.

Затем пожав могучую руку Гюнтера и чмокнув в щёку покрасневшую от слёз Брумхильду, вскочил на Роланда и загорцевал рядом с деканом. За ними плавно тронулись сани, гружённые товаром и провиантом, управляемые умелой рукой Ганса. Путешественники и провожающие хранили гнетущее молчание и лишь только кони радостно фыркали, предчувствуя дальнюю дорогу. Маленький отряд уже исчез из виду, а Агнет всё стояла на дороге, вглядываясь в морозную дымку, в надежде разглядеть родной силуэт.

Погода к путешественникам благоволила. Лишь недалеко от Кобленца³⁷ их застала снежная пурга и заставила просидеть трое суток, пережидая непогоду в этом небольшом городке. В остальное же время всевышний подарил им ясную, морозную погоду и спокойную дорогу. Только однажды недалеко от небольшого бельгийского городка Генк³⁸ им

³⁷ Кобленц – город на западе Германии, в 168 км от Гейдельберга.

³⁸ Генк – город на востоке Бельгии.

пришлось отбиваться от стаи волков.

– Клянусь всеми святыми, лучшего пива, чем в Левене³⁹ я не пробовал нигде. Даже в родной Германии, – разглагольствовал декан, делая изрядный глоток из кружки.

Они сидели в тёплом уютном кабачке постоянного двора города Левен. Полный желудок, тепло и доброе пиво разморили декана, и его тянуло на задушевные беседы.

– Александр, скажи, разве я не прав? – допытывался декан.

Пиво и впрямь было отличным. Но Александр был настоящим патриотом и потому ответил:

– Да, пиво хорошее, но у нас в Гейдельберге в таверне герра Шмидта подают ничуть не хуже.

В ответ декан лишь смачно рыгнул и расхохотался. Компания проехала почти половину положенного пути, уложившись в двадцать восемь с небольшим дней. Он распродал с хорошей прибылью почти все свои шпалеры. Лошади накормлены, напоены и здоровы. Они сидят в тёплой корчме, плотно поужинав, и попивают пиво, а значит, всё идёт по плану, как он и задумал. И поэтому в душе декана царили безмятежность и умиротворение. Советник сидел и смотрел на Александра осовевшими глазами.

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему, – продолжал рассуждать декан. – Тогда в Левене самое доброе пиво в Бельгии.

Александру тоже было тепло и уютно. Тело и разум мо-

³⁹ Левен – город и один из университетских центров в Бельгии.

лодого человека после вкусного и плотного ужина впали в сонную негу. И ему совсем не хотелось разговаривать, а уж тем более спорить о чём-либо. Мысль о том, что наверху его ждёт чистая и тёплая постель ещё больше погружала парня в сладкие объятия Морфея. Лишь один Ганс не выдавал своих эмоций и с безразличием наблюдал за происходящим. Наконец, троица поднялась со своих мест и направилась на второй этаж, где их ждали приготовленные комнаты. Войдя к себе в комнату, юноша быстренько разделся и юркнул под одеяло. Через мгновение он уже спал. Молодой человек спал крепким, безмятежным сном, и ему было даже невдомёк, что ещё пару дней назад он был на волосок от смерти.

В тот морозный вечер на подъезде к городу Генк на них напала голодная и разъярённая стая волков. Александр и декан спешили и, взяв в руки по арбалету, приготовились к обороне. Ганс держал в руках поводья трёх лошадей, пытаясь унять панический страх животных. Оголодавшие волки взяли в кольцо людей и коней, готовые в любое мгновение броситься и растерзать свою добычу.

– Видишь, справа от тебя здоровый самец? – прокричал декан Александру.

Молодой человек повернул голову вправо и увидел огромного волка с оскаленной мордой, пытавшегося схватить за заднюю ногу Роланда. Конь, прижав уши, в страхе жался к саням.

– Бей в него, – скомандовал декан.

Александр резко развернулся вправо и всадил точно в раскрытую пасть арбалетную стрелу. Раздался душераздирающий вой смертельно раненого зверя. От сильного удара волка отшвырнуло на несколько шагов назад, и он закружил вокруг себя, жалобно скуля и подвывая от боли. Из пасти торчала арбалетная стрела, ушедшая чуть ли не на половину в глотку зверю. Это несколько поубавило боевой запал стаи. Александр быстренько перезарядил арбалет и вскинул к плечу, ища очередную цель. В этот момент декан выпустил стрелу в волчицу, которая почти вцепилась в полу его шаубе. И опять темноту ночи пронзил жалобный вой. Ганс почти висел в воздухе, удерживая поводья лошадей, бешено рвущихся на волю. Волки обступили умирающую волчицу, пробитую насквозь, с их обнажённых клыков капала слюна. Вожак продолжал кружиться в смертном танце, как вдруг резко остановился и бросился гигантскими прыжками в сторону леса. Стая, послушная тысячелетним инстинктам, бросилась за ним следом, забыв о щедром подарке в виде агонизирующей волчицы. Александр стоял спиной к декану и смотрел вслед уносящейся своре. И потому не видел арбалета с заряженной стрелой, направленного ему в спину.

«Одно движение пальцем – и проблема решена. Забрать книгу и можно спокойно доделать начатое. Волки вернутся, они всегда возвращаются за мертвечиной. И от Александра останутся лишь ошмётки одежды. «Просто парню не повезло», – решат все». Такие страшные мысли пронеслись в го-

лове декана. Но что-то его остановило, и он опустил арбалет. Единственным свидетелем, видевшим это, был Ганс. Он всё понял и с безразличным видом отвернулся к лошадям. Это произошло тогда, в тот страшный, морозный вечер, сейчас же юноша спал безмятежным сном, раскинувшись на постели.

Путешествие продолжалось, и на сороковые сутки путники достигли французского портового города Кале. Там, распродав остатки товара, декан решил распрощаться с Гансом. Ну не рассказывать же ему об истинных причинах путешествия. Поселив молчаливого подмастерье в третьесортной гостинице, строго-настрого наказав следить за лошадьёю и санями, декан снабдил парня необходимой суммой для проживания. Кроме того, приказал никому не говорить, куда отплыл его хозяин, а уж причину отплытия слуга и сам не знал. Сам же вместе с Александром договорился с капитаном одного из многочисленных судёнышек, сновавших между двумя берегами, о переправе в британский Дувр⁴⁰. С трудом перенеся ночное морское путешествие, хмурым, ненастным утром двадцать шестого января тысяча четыреста двенадцатого года ровно на сорок вторые сутки пути копыта коней путешественников ступили на землю Британии. Древняя земля кельтов недружелюбно встретила гостей. Сильный промозглый ветер заставлял путников кутаться в свои шау-

⁴⁰ Дувр – город и порт в Великобритании. Расположен на берегу пролива Паде-Кале.

бе и прятать лица в широких воротниках. Но самое неприятное – это был туман. Он был повсюду, он лез в глаза, в уши и даже за шиворот. Доехав до ближайшего постоянного двора, путешественники решили остановиться. Было необходимо отдохнуть и восстановить силы после изматывающей ночной переправы, а также найти проводника для продолжения экспедиции. Как и любой другой портовый город, Дувр кишел бродягами и искателями приключений, перебивающимися случайными заработками. И потому найти проводника не составило большого труда. На следующее утро отдохнувшие люди и кони в сопровождении опытного провожатого отправились в путь. К удивлению путников, дорога до Стоунхенджа лежала в объезд Лондона, так было намного короче. Всего же, по словам проводника, весь путь должен был занять не более двух недель. Что вполне устраивало путешественников.

Добравшись к четырнадцатый день без особых приключений до Эймсбери⁴¹, Александр и декан решили остановиться в этом небольшом городке. До заветной цели отсюда было рукой подать, немногим меньше немецкой полумили⁴², а до долгожданного часа оставалось три дня в запасе. Путешественники решили провести это время здесь же, на заез-

⁴¹ Эймсбери – город в Англии, приобретший славу благодаря соседству с доисторической достопримечательностью Стоунхендж.

⁴² Полмили – около 3,65 км. Большая немецкая миля в Средние века приближалась по своей длине к 7,3 км.

жем дворе. Приведя себя в порядок, помывшись и переодевшись, декан и Александр сидели на лавке возле загона для лошадей и с удовольствием наблюдали, как чистят и моют их скакунов.

– Скажите, герр Баумгартнер, а вы не боитесь того, что нас ждёт там, в Стоунхендже? – вдруг неожиданно спросил юноша.

За время, проведённое в путешествии, декан начал привыкать к этому парню. Нельзя сказать, что он испытывал какие-то дружеские чувства к Александру, но что-то схожее с этими эмоциями присутствовало. Декан положил руку на плечо Александра и сказал:

– Нет, Александр, не боюсь, но сказать, что я абсолютно спокоен будет тоже ложью. *Dubia plus torquet mala*, что означает: «Неизвестность тревожит больше самой беды».

– Меня тоже, и чем ближе мы к цели, тем больше она тревожит, – честно признался молодой человек.

Больше они не проронили ни слова, так молча просидев до самого ужина.

Через три дня двенадцатого февраля тысяча четыреста двенадцатого года, как только забрезжил рассвет, путники уже были на конях и неспешно двигались к местечку под названием Стоунхендж. Погода и в этот раз не располагала к путешествию. Было морозно и дул сильный ветер. Но ни это, ни что-либо другое уже не могло остановить храбрецов. Проводник уверил, что до полудня они будут на месте. Еха-

ли молча, погружённые каждый в свои мысли, впереди проводник, за ним Александр, замыкал кавалькаду декан. Через несколько часов провожатый остановился и, указав рукой куда-то вдаль, громко сказал по-английски:

– Стоунхендж.

Посмотрев в направлении протянутой руки, путники увидели в мутной дымке примерно в восьмистах футах⁴³ от себя серое пятно. Расплатившись с проводником, который искренне недоумевал, что понадобилось иностранцам в такой дыре, да ещё в такую погоду, путешественники продолжили путь вдвоём. Проехав немного вперёд, Александр обернулся, чтобы бросить взгляд на одинокую удаляющуюся фигуру проводника, и ему почему-то стало не по себе. Чем ближе они подъезжали к исполинскому сооружению, тем больше росло их удивление. Мог ли такое спланировать и построить человек? Каменные колоссы вздымались к небу, вросшие основанием в землю и припорошённые чуть ли не до половины снегом. Некоторые лежали прямо на земле, упавшие под воздействием времени или благодаря вмешательству человека. Другие же продолжали стоять вертикально по кругу. Несколько исполинов были соединены сверху каменными перемычками. И действительно создавалось впечатление будто великаны кружатся в хороводе. Кто, когда и зачем выстроил валуны в таком порядке, никто не знал, но строение поражало своей мощью и таинственностью. Без труда

⁴³ Один фут – 0,30 метра.

отыскав четыре вертикально стоящих столба с тремя горизонтальными перемычками сверху, путники приступили к поискам алтарного камня. Большинство камней небольшого размера были погребены под толстым слоем снега, но один гигант сразу привлёк к себе внимание. Он лежал плашмя на земле и был засыпан снегом почти до половины. Огромный и неподъёмный, он лежал практически по центру и в нескольких метрах от стоящих четырёх братьев. Без сомнения, это был он. Снегопад и ветер постепенно утихли, и наступила немного пугающая тишина.

– Это здесь, – тихо произнёс юноша.

Декан лишь молча кивнул в знак согласия. Спешившись и отдав поводья декану, Александр подошёл к камню и повернулся лицом к четырём стоящим гигантам. Час затмения близился, казалось, сама природа замерла в предчувствии чего-то таинственного и необычного. Кони начали проявлять беспокойство, фыркая и роя копытами снег. Декан последовал примеру Александра, тоже спешил и благоразумно привязал коней к клинообразному выступу одного из многочисленных торчащих валунов. Затем, подойдя к Александру, он достал из перемётной сумы камень-ключ и протянул его юноше. Тот принял его, даже не взглянув на советника, он давно понял, что жребий действовать пал на него. Советник, постояв немного за спиной Александра, предусмотрительно сделал несколько шагов назад. Очистив от снега небольшую поверхность на камне, молодой человек вы-

ташил из-за пояса нож и, с силой надавив на рукоять, нацарапал алхимические символы воды, земли, воздуха и огня. На поверхности камня появились тоненькие бороздки от острия ножа. Убрав клинок, юноша взял обеими руками камень-ключ, вытянул руки перед собой и, набрав полные лёгкие воздуха, приготовился ждать. Глаза его, не моргая, смотрели на четырех гигантов, стоящие перед ним. Вдруг опять поднялся ветер, и стало ещё холодней. Конь декана громко заржал и резко вскинулся на дыбы, увлекая за собой и Роланда. Александр поднял голову вверх и увидел, как чёрный круг начал медленно пожирать золотой диск солнца. Обезумевшие кони рвались с поводьев, превращая копытами снег в мелкую пыль.

– Александр, посмотри на камень! – крикнул декан, и его голос прогремел, словно гром в зловещей тишине, нарушаемой только тревожным ржанием коней.

Юноша поднял глаза на гагат и увидел, как в центре камня загорелось яркое пятнышко размером с горошину. Переведя взгляд на алтарный камень, он заметил, что начертанные им на камне символы горят таким же неземным светом. Юноша дрожал, его сердце было готово выпрыгнуть из груди, но он, стиснув зубы, стоял и не двигался с места. В нескольких шагах от него, упав на колени, истово молился декан. Чёрный диск продолжал пожирать солнце, вокруг становилось всё темней и темней, а на небе появились и начали мерцать звёзды. Стало нестерпимо холодно. Внезапно между двумя

из четырёх братьев, стоящих посередине, прямо в воздухе возникла вертикальная полоска, горящая таким же дьявольским светом, что и буквы, и гагат. Чем больше круглая, чёрная тень поедала солнце, тем шире становилась появившаяся полоса, горящая нестерпимо ярким светом. Камень в руках юноши уже был полностью во власти свечения и горел, как яркая звезда. «Держи двумя руками, направь на поток исходящий, смело ступай на путь света», – всплыл в мозгу рассказ декана. И Александр, вытянув руки перед собой и крепко сжимая в ладонях гагат, сделал шаг навстречу расширяющейся светящейся щели. Чёрная тень луны поглотила солнце. Ветер утих и земля погрузилась в темноту и мрак. Наступила полная тишина, даже кони в страхе перестали ржать и только испуганно жались друг к другу. Тонкая, светящаяся полоска расширилась и превратилась в гигантский сияющий квадрат, горящий таким же нестерпимым светом, как и камень в руках юноши. Из квадрата доносился мерный звук, похожий на стрекотание тысячи сверчков. Подойдя в плотную к парящему в воздухе квадрату, Александр, затаив дыхание прикоснулся к нему вытянутыми руками. Руки с зажатым камнем-ключом вошли в мерцающую материю словно в молоко, но Александр ничего не ощутил, только несильное покалывание. Юноша стоял, погрузившись по локти в светящуюся субстанцию. На небе чёрное пятно, затмившее солнце, сдвинулось, и его край засеребрился. Сумерки посветлели. Одновременно с этим края сверкающего квадрата

начали сужаться. Солнце освобождалось из чёрного плена, сдвигались и края квадрата. «Смело ступай на путь света», – билась бешеная мысль в голове Александра. Он видел, что края квадрата пришли в движение и неумолимо сужаются. «Смело ступай. Ну давай, Александр», – подбадривал сам себя юноша. Наконец, собрав всю волю в кулак, он решил-ся и, сделав шаг, погрузил ногу в светящийся субстрат. И опять ничего не произошло, лишь тысячи маленьких иголок кольнули его кожу на ноге. Как ни странно, Александр ощутил под ступнёй прочную опору, хотя не видел ни её, ни ноги. Нестерпимо яркий свет, исходящий из парящего квадрата, слепил глаза юноше. Вдруг подул ветерок, природа вокруг стала оживать, солнце постепенно вступало в свои законные права. Вместе с тем края квадрата сузились до размера немногим шире плеч Александра. Времени не оставалось, и юноша, набрав полные лёгкие воздуха, шагнул второй ногой в неизвестность. Молочно-белая светящаяся субстанция сомкнулась за его спиной. Александр исчез, а через мгновение исчезла и тонкая светящаяся полоска.

Долгий путь

– Калина, Калина, я Ольховка, приём. Калина, я Ольховка, как слышно? – дежурный по райотделу Южное Бутово старший лейтенант Кирилл Батраков лениво потянулся к селектору и, нажав нужную кнопку, ответил:

– Ольховка, я Калина, слышу хорошо. Что там у вас?

В селекторе послышался треск, затем опять тот же голос заговорил:

– Я Ольховка, Калина, тут такое дело. У Черневских прудов возле моста человека нашли.

– Труп? – бросил в переговорное устройство дежурный.

– Да нет. Живой. Просто одет странно. На улице жарень, а он в шубе. Да и лепечет не по-нашему. На бомжа похож, но не бомж, – ответил селектор.

– Ты что, бомжа не можешь отличить?

– Короче, Кириух, не похож на бомжа. В каких-то колготках и сапогах. Сумка странная. Хотел документы проверить и досмотреть, не даётся. А главное, говорит не по-нашему. Может, иностранец?

– Ладно, вези его сюда. Разберёмся, – великодушно дал добро дежурный.

На дворе было ранее осеннее утро. Он только что принял смену. Посетителей и задержанных пока не было, и можно было позволить себе немного пофилонить. Через пятнадцать

минут послышался шум открывающихся ворот и рычащего двигателя автомобиля. Ещё через несколько минут в узком окошке дежурного помещения показалась круглая физиономия сержанта Гончарова, обладателя романтического позывного Ольховка.

– Здорово, Кирилл, – бодро поздоровался сержант.

– На разводе виделись, – ответил дежурный. – Ну, чего у тебя там, Андрюх?

– Да вот, – сержант немного отодвинулся от окошка и сделал приглашающий жест рукой в сторону входной двери.

Там стоял сегодняшний стажёр, вышедший на первое дежурство, пока ещё в гражданке, крепко держа за руку немного повыше локтя весьма странного человека. На вид тому было лет двадцать-двадцать пять, не грязный, но как-то странно одетый. То ли шуба, то ли мохнатое пальто, в каких-то узких колготках и высоких сапогах, отороченных мехом. На голове какая-то многоуровневая шляпа-папах. Тот стоял, сжимая обеими руками небольшую сумку, перекинутую через плечо. В глазах стоящего читались страх и испуг. Выйдя из дежурки, Кирилл подошёл вплотную к задержанному и почувствовал тяжёлый запах исходящий от странного человека. Так пахло бы от овчарки, только что вылезшей из воды.

– Ты кто, чудик? – обратился дежурный к неизвестному. – А? Ты по-русски понимаешь?

Неизвестный что-то быстро залепетал на непонятном языке, при этом сделав шаг навстречу офицеру. Но был тотчас

остановлен вцепившемся в него мёртвой хваткой стажёром.

– Закладки что ли ныкал? – предположил сержант.

– Обыскивали? – спросил Кирилл.

Сержант и стажёр одновременно покачали головами.

– Ну так чего ждёте? Валяйте, – сказал дежурный, кивнув в сторону задержанного.

Сержант молча протянул руку к сумке неизвестного. Тот в страхе прижал её к груди и обхватил двумя руками ещё крепче. – Давай, пацан, не балуй, а то дядя больно сделает, – сказал сержант и вновь потянулся к сумке, но тот опять что-то быстро забубнил, не выпуская из рук котомки.

– Колян, подмогни, – сказал сержант стажёру и подмигнул. Тот резко вывернул и дёрнул вверх руку задержанного. Человек издал гортанный хрип и тут же согнулся пополам.

– Вот видишь. Всё одно будет по-нашему, – продолжал разглагольствовать полицейский, спокойно снимая сумку через голову согнувшегося не по своей воле задержанного.

– Держи, – сказал сержант, протягивая сумку дежурному. – А теперь давай карманы проверим. Колян, выпрями чудака.

Стажёр вернул руку задержанного в исходное положение и пробасил:

– Товарищ, руки подними.

Человек, не переставая, что-то говорил, и было ясно, что он не понимает, чего от него хотят. Тогда стажёр зашёл ему за спину и, взявшись за запястья на обеих руках, резко вски-

нул их вверх. Сержант принялся мерно постукивать ладонками вдоль тела задержанного. Старший лейтенант вернулся в дежурное помещение, вертя в руках странную сумку.

– Мода что ли такая? – размышлял он вслух.

– Кирюх, слышь у него карманов нет, – слышался удивлённый голос сержанта.

– Защиты?

– Да нет же. Их вообще нет, – полицейский с неподдельным удивлением взирав через узкое окошко на дежурного офицера. – Говорю тебе, стилига-иностранец.

Выйдя вновь из дежурки и подойдя на расстояние шага к задержанному, дежурный напряг мозговые извилины, вспоминая школьную программу.

– Ду ю спик инглиш?

Незнакомец посмотрел на офицера широко распахнутыми глазами и что-то быстро пролепетал в ответ на своём языке. В какой-то момент Кирилл уловил знакомые гортанные нотки в непрерывном потоке словоохотливого чудака. Где-то он уже слышал похожее.

– Шпрехен зе дойч? – сделал ещё одну попытку старлей.

Неожиданно незнакомец замолчал, улыбнулся и тут же выдал очередную порцию непонятных слов.

– Немец, – резюмировал Кирилл.

Сержант и стажёр с уважением посмотрели на офицера.

– Ты даёшь, Кирюх. Ты что, немецкий знаешь? – почти-точно поинтересовался сержант.

– Так, немного, – ответил Кирилл, решив не рассказывать коллегам, что его познания в немецком заканчиваются выражениями «хенде хох» и «Гитлер капут».

– Так, мужики, давайте этого в одиночку. Там сейчас чисто, только вчера отмыли. Иностранец всё-таки. А потом, Андрюха, забирай своего стажёра и давай дуй на патрулирование. Я сам чудика оформлю. И пробую, не пропадал ли кто из посольств и консульств. Давай резче, пацаны.

Определив не без помощи силы задержанного в одиночную камеру, сержант и стажёр погрузились в патрульную машину и вернулись на маршрут. Старлей же вернулся к обычным обязанностям. Канцелярско-бюрократическая рутина обволокла и затянула дежурного офицера Кирилла Батракова с головой.

Александр стоял посередине небольшой каменной комнаты и смотрел на закрытую железную дверь. Его мозг пылал, он не мог никак сосредоточиться. Что с ним произошло? Где он? Кто эти люди? На каком языке они говорят? Что это за железная повозка, так громко рычавшая и отвратительно воющая, которая привезла его сюда? Юноша был на грани помешательства. Прислонившись спиной к стене, он медленно сполз на пол и закрыл ладонями лицо. Нужно было успокоиться, но у него это никак не получалось. И даже дыхательные упражнения учителя не возымели должного эффекта. «Александр, успокойся. Возьми себя в руки. Да, страшно. Кругом железные чудовища, со страшным рёвом носящиеся

взад и вперёд, но сейчас здесь их нет, и ты в безопасности. Зато есть люди такие же, как и ты. Соберись, Александр». Он желал, он пытался остановить безумный бег своих мыслей и успокоиться. Но у него это плохо получалось. Тогда, собрав всю силу воли в единый кулак, он сосредоточился и стал считать про себя, рисуя цифры в своей голове. Один, два, три, четыре, пять... Это немного помогло. Сумасшедший бег мыслей слегка замедлился. Разум должен победить, так всегда учил наставник. Постепенно уверенность и возможность мыслить логически возвращались. Сделав очередной вдох через нос, Александр задержал дыхание, а затем с силой выдохнул через плотно сжатые губы. И так несколько раз. «Контролирующий дыхание контролирует разум», – любил повторять учитель. Приведя более или менее разум в порядок, Александр решил восстановить всю цепь происшедших с ним событий в хронологическом порядке. Итак, они с деканом в Стоунхендже. Началось затмение. Вот Александр входит в сверкающий квадрат. Боли нет, только лёгкое покалывание иголками по всему телу. Вдруг резкая вспышка, боль в глазах и темнота. Затем приходят покой и умиротворение. Темнота рассеивается, и он видит, что сидит в небольшой ложбине на берегу то ли пруда, то ли озера, и на него неистово лает маленькая собака. Вот странно одетая женщина подбегает и, схватив собачонку подмышку, убегает от Александра, словно от чёрта. Отбежав на несколько шагов, она начинает кому-то кричать и призывно махать руками.

Александр оглушён невероятным рёвом и шумом. Немного режет глаза, и повсюду этот странный, неприятный запах. Вот двое нелепо одетых мужчин спускаются вниз по пологому склону и идут в его сторону. У одного на голове круглая шапка с золотым значком по середине. Наверное, стражник. Вот они подходят к Александру, что-то говорят и тычут в него пальцами. Александр пытается объяснить, что он путешественник и приехал из города Гейдельберг. Те его явно не понимают и продолжают с любопытством рассматривать, переговариваясь между собой и женщиной. Вдруг мужчина в круглой шапке снимает небольшую коробочку с пояса, подносит к губам и начинает разговаривать с ней. И о чудо, коробочка отвечает. Из неё слышится человеческая речь, но тоже на непонятном языке. Вот они вдвоём подходят вплотную к Александру и, схватив за воротник шаубе, куда-то тянут. Молодой человек сопротивляется, тогда ему больно выворачивают руки, и он послушно следует за ними. Странная железная повозка блестит на солнце. Его силой пытаются посадить в неё. Он опять сопротивляется, снова нестерпимая боль в руках, и он вынужден подчиниться силе. Мимо проходят странно одетые люди. Александр кричит им, просит о помощи. Но они с безразличным видом проходят мимо. Человек в круглой шапке садится на переднее место в повозке, берёт в руки колесо, торчащее перед ним, и вновь чудо. Они начинают двигаться. Без лошадей, без быков, без какой-либо тяговой силы, они едут. Навстречу и рядом с ни-

ми проносятся такие же безлошадные железные повозки и страшно воняют. Александр чувствует, как мерзкий комок страха подкатывает к горлу, и волосы на его затылке начинают шевелиться от ужаса. Липкий пот застилает глаза юноши. Ужас сковал всё его тело. Но вот путешествие закончилось, его вытащили из повозки и привели в какой-то дом. Там ему опять сделали больно и отняли сумку с книгой и камнем. Всё это время его похитители разговаривали между собой на языке, которого Александр не понимал, пока вдруг человек в такой же одежде, как у стражника, и в такой же круглой шапке с золотым значком, вдруг не заговорил на немецком. Правда с каким-то странным акцентом и коверкая слова, но Александр его понял и обрадовался. Человек спросил, говорит ли он по-немецки. Александр улыбнулся и с жаром отвечал, что говорит и что немецкий – это его родной язык. Но стражник уже потерял интерес к нему и не слушал. Потом его отвели и заперли в каменном мешке. Всё это с быстротой молнии пронеслось в голове юноши. Было нестерпимо жарко, и Александр снял шаперон⁴⁴ и шаубе, аккуратно сложив их в углу каменной комнаты. Затем молодой человек вернулся к своим логическим выкладкам, выстраивая цепь умозаключений. Первое – он жив, и раз он чувствует боль, то и здоров. Второе – он находится у людей, и это вне всякого сомнения. Да, странно одетых и говорящих на непонятном языке. Ну и что? Значит, он попал в другую страну, и у жите-

⁴⁴ Шаперон – средневековый головной убор.

лей этой страны принято так одеваться и такой язык. Где он находится? Вероятно, в поместье какого-то вельможи Александр нарушил границы его владений, и стражники заперли его в каменной комнате. Пока всё поддавалось объяснению, за исключением железных повозок. Но даже если предположить, что он оказался в чужой стране, то как? Неужели светящийся квадрат – это ворота в другие страны? А камень – это ключ к этим воротам? Что ж, он нашёл хоть какое-то объяснение происходящему, и теперь остаётся только ждать и молиться.

Тот, кто хоть немного знаком с работой полицейских, знает, что такое ежедневная рутина дежурного офицера. Ответы на звонки, реакция на обращения граждан, оформление задержанных и прочее. Так и старшему лейтенанту Кириллу Батракову некогда было и головы оторвать от насущных дел и вспомнить об узнике. Но он сам напомнил о себе. Ребята из уголовного розыска, курившие на лестничном пролёте, случайно услышали стук в дверь из одиночной камеры.

– Кирюх, у тебя там кто-то на волю просится, – со смехом бросили они офицеру, проходя мимо дежурки на улицу.

– Сейчас разберёмся, – ответил Кирилл и, взяв ключи от одиночки, направился к камере. Заглянув, как и положено, сначала в глазок, он увидел задержанного сидящим на корточках в дальнем углу камеры. Открыв со скрежетом железную дверь, он встал на пороге, заполнив собой дверной проём, и спросил:

– Ну чего тебе?

Незнакомец поднялся на ноги, жестами показав, что хочет пить.

– Сейчас, – буркнул офицер, закрыл дверь и, сходяв обратно в дежурку, налил в одноразовый стаканчик из кулера воды. Вернувшись обратно, он протянул узнику стакан. – На, пей.

Задержанный с интересом посмотрел на протянутый стаканчик и не понял, чего от него хотят.

– Дринк, чудик, – Кирилл поднёс стаканчик к своим губам и, картинно запрокинув голову назад, изобразил, будто глотает жидкость. – Пей, говорю.

Незнакомец, наконец, понял, что от него требуется, и попытался взять обеими руками пластик, но, не рассчитав силы, раздавил стакан, не донеся до рта.

– Вот балда, – резко бросил Кирилл, при этом успев отскочить, чтобы не забрызгаться. Вернувшись обратно в дежурку, он не побрезговал и, взяв свою фарфоровую кружку, наполнил водой.

– На, пей, чудо, – войдя в камеру, сделал вторую попытку офицер, протянув незнакомцу посудину.

Тот принял кружку в обе руки и, поднеся к губам, начал пить жадными глотками. «Нет, не похож он на бомжа, здесь что-то не то», – думал Кирилл, глядя на молодого человека.

– Дежурный, – раздался грозный окрик.

Кирилл узнал бы этот голос из тысячи, голос начальника

райотдела полковника Силакова. Мигом захлопнув дверь в камеру, офицер прыжками бросился в дежурку.

– Где вас носит, старший лейтенант? Почему дежурка пустует? – гневно рявкнул полковник, строго глядя из-под густых бровей.

– Виноват, товарищ полковник. Воду отнёс задержанному, – вытянувшись в струнку, ответил старлей.

– Что? Какую воду? Вы на посту! Что больше некому этого сделать? – продолжал распекать подчинённого полковник. – Где КУСП⁴⁵?

И только сейчас Кирилл вспомнил, что не занёс в журнал происшествий случай с иностранцем. Это конец. Если сейчас начальник решит заглянуть в одиночку и увидит там не оформленного человека, ему не поздоровится.

– Здесь, товарищ полковник, – пролепетал Кирилл и, просочившись бочком в дежурку мимо стоящего в дверях командира, схватил со стола журнал и протянул тому. Взглянув мельком на записи в журнале, полковник бросил старлею:

– Убийств, изнасилований не было?

– Никак нет, товарищ полковник, – и не к месту добавил. – Слава богу.

Тот, посмотрев на Кирилла, как на нашкодившего школьника, бросил короткое:

– Я в управление, – и вышел на улицу.

⁴⁵ КУСП – книга учёта сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях.

Кирилл с облегчением выдохнул и вытер выступившую испарину со лба. Присев на стул, старлей задумался «Кто он такой, этот иностранец? Заявлений о пропаже человека ни от одного из посольств и консульств города Москвы не было. Конечно, оставался шанс, что его подопечный из диких туристов, то есть путешествующих в одиночку. В этом случае процесс существенно затягивался по времени. Пока хватятся на родине, передадут в дипломатический корпус, потом сделают запрос, короче, целое дело». Размышляя, старший лейтенант вдруг вспомнил о сумке незнакомца. В суматохе дня он забыл о ней, и она спокойно лежала на табурете рядом с компьютерным системным блоком. Взяв в руки, он осмотрел её со всех сторон и опять почувствовал этот тяжёлый запах мокрой овчарки. Изумлению Кирилла не было предела, когда он извлёк из недр сумки кусок чёрного камня и старую потёртую книгу. Открыв рукопись на первой попавшейся странице, Кирилл убедился, что она написана не по-нашему. Непонятные, но красиво, почти каллиграфически написанные буквы, потёртые страницы и не менее потёртая кожаная обложка говорили о том, что книга очень старая. Но сколько Кирилл не искал, перелистывая книгу, он так и не нашёл дату издания. Навскидку полицейский определил как дореволюционную. Теперь оставалось оформить задержанного. Но задержали иностранца утром, а сейчас обед, значит, он просидел без оформления более четырёх часов. Да, за это по головке не погладят. Выпустить что ли его? Но нет. Надо

так надо, и Кирилл принялся оформлять, как только что задержанного. С сержантом о времени задержания он договорится. Оформив всё, как положено, старлей вновь принялся листать книгу, в очередной раз пожалев, что не владеет языками. И тут Кирилл вспомнил о своём соседе Павле Константиновиче. Старик был со странностями, какой-то учёный, но самое главное – он был заядлым коллекционером древностей и старинных книг. Частенько встречаясь с ним на лестничной площадке или во дворе, Кирилл слышал одно и то же:

– Молодой человек, если вам попадётся редкая книга или старинный фолиант, или что-либо другое, по вашему мнению, могущее привлечь внимание старика, милости прошу в любое время дня и ночи.

И Кирилл, поддавшись необъяснимому порыву, достал телефон и, сделав несколько фото раскрытой книги, отправил их старику. Захлопнув фолиант, офицер вернулся мыслями к иностранцу. «А что с ним дальше делать? Правил общественного порядка он не нарушал. Ходить в начале осени в шубе и шапке не наказуемо. Документов нет, так он мог запросто забыть их дома или в гостинице. Задержать до выяснения личности, да кому он нужен? Вон у него целый обезьянник таких установленных и неизвестных личностей, и пьяных, и трезвых. Может, действительно взять и отпустить, но он уже оформлен. Чёрт его знает, что с ним делать? Опять-таки не буйный, в драку не лезет, только лопочет не по-нашему и улыбается». Так старлей рассуждал сам с собой,

когда раздался звонок на мобильный. На экране телефона высветился номер соседа.

– Добрый день, Павел Константинович, – вежливо поздоровался офицер.

– Здравствуйте, молодой человек. Рад, что узнали. Что это, голубчик, вы мне прислали? Откуда это у вас?

– Да вот, сегодня задержали человека без документов. Иностранца. По-русски чудик не говорит, похоже, немец, а при нём была эта книга. Вот я и подумал, может, вам интересно будет, – ответил старлей.

– Так, так. Вы абсолютно правильно сделали, что позвонили, голубчик. Это очень интересно. Весьма любопытный экземпляр. А что, этот человек ещё у вас находится? – поинтересовался старик.

– Кто? Этот чудик? Да, у нас, – просто ответил Кирилл.

– Вот что, молодой человек. Вы, пожалуйста, никуда не отправляйте этого чудика. Как долго вы ещё будете на службе?

– Я только сегодня заступил. Сменяюсь через сутки. А что? – спросил Кирилл.

– Да нет, ничего. Сделаем так, молодой человек, я сейчас приеду, и мы на месте поговорим. Добро? – предложил старик.

– Валяйте, – лаконично ответил старлей.

Время на смене летело незаметно. Одно событие мгновенно замещалось другим. И потому Кирилл не заметил, когда в

узком прямоугольном окошке дежурного помещения появилось знакомое лицо с усиками и аккуратной бородкой.

– Добрый вечер, молодой человек. Я прибыл. Кажется, так у вас в полиции говорят, – неумело пошутил посетитель.

– Я вижу, Павел Константинович. Присядьте там на стульчике в коридоре, я сейчас освобожусь, – распорядился Кирилл.

Закончив дела, офицер вышел в приёмную, держа в руках книгу. Быстро подойдя к старику, он протянул ему фолиант и скороговоркой сказал:

– Вот что, Павел Константинович, здесь неудобно вам, да и не следует находиться, поэтому идите-ка за мной.

Пройдя по коридору и поднявшись на один пролёт по лестнице, он остановился на площадке.

– Здесь курилка, и здесь вы не будете привлекать к себе внимания. Стойте тут и изучайте свой экземпляр. Потом сразу ко мне, – быстро дав необходимые указания старику, Кирилл семимильными шагами бросился обратно в дежурное помещение.

Посетитель остался один. С интересом окинув взглядом место, где он оказался, старик одел на переносицу старомодное пенсне и, раскрыв книгу, погрузился в чтение. Всё в этом человеке выдавало интеллигента далеко не в первом поколении. Серый костюм в песочную клетку, шейный платок, благородно выглядывавший из раскрытого ворота накрахмаленной рубашки. Тёмно-серая фетровая шляпа, идеально вычи-

ценные чёрные ботинки, довершал картину его туалета зонт, небрежно накинутый на изгиб локтя правой руки. Тоненькие усики аккуратно состыковывались в районе уголков рта с такой же аккуратно подстриженной испанской бородкой. Даже мельком брошенного взгляда было достаточно определить, что перед вами городской интеллигент. Академик, на худой конец профессор. Пробежав глазами несколько листов манускрипта, пожилой человек убедился, что не даром приехал. Это был интереснейший экземпляр, отлично сохранившийся. Сборник рецептов древних аптекарей и врачей-наездников XV–XVI век. Но какова сохранность. Ему стало искренне интересно, кто же является владельцем этого сокровища. И потому, вернувшись к окошку дежурного, старик с жаром забормотал:

– Молодой человек, это великолепно, чудесно, зер гуд, вондерфул! Спасибо вам огромное, но сделайте одолжение старику, познакомьте меня с владельцем этой жемчужины.

Кирилл был не один в дежурном помещении, там находились ещё несколько сотрудников райотдела.

– Мужики, я на перекур, прикройте, – попросился старлей.

Заручившись поддержкой коллег, он вышел из дежурки и, схватив за рукав старика, потянул того обратно в курилку.

– Ну что там у вас? – спросил Кирилл, доставая из бокового кармана кителя пачку сигарет.

– Голубчик, умоляю познакомьте меня с владельцем, про-

шу вас, – взмолился старик.

– Не могу, не положено. Мне за это голову оторвут. Я и так перешёл все границы дозволенного с вашей книгой. Кстати, где она?

– Вот, голубчик, держите, – сказал старик услужливо протягивая книгу офицеру. – Скажите, а куда отправят владельца вместе с манускриптом?

– По закону имеем право задержать на 48 часов. Но кому он нужен? Я уже жалею, что ввязался в это. Надо переводчика вызывать, запросы делать, целая канитель, – недовольно проворчал офицер, закуривая сигарету.

– Не надо вызывать переводчика. Я переводчик. И нахожусь я здесь, рядом с вами, готовый быть посредником в вашем допросе, – с улыбкой сказал старик.

На секунду Кирилл задумался, а что если действительно воспользоваться предложением?

– Ладно, – согласился полицейский и потушил недокуренную сигарету об урну. – Ждите меня здесь, я за ключами.

Вернувшись через пару минут, он повёл старика к одиночной камере. Взглянув сначала в глазок, Кирилл отпёр дверь и, пройдя первым в помещение, стал в проёме.

– Эй, чудик, я тебе переводчика привёл, – сказал офицер и, сделав шаг в сторону, пропустил во внутрь пожилого человека.

– Теперь осталось определить, на каком языке предстоит общение. Надеюсь, не на языке, на котором написана книга.

Латинский у меня не на должном уровне, – признался старик.

– Ну вот, а говорили переводчик, – расстроился старлей.

– Ничего, ничего, голубчик, главное – определить, откуда он, из какой страны, – успокоил того Павел Константинович.

– По-моему, немец, – ещё раз предположил Кирилл.

– Если это так, то это только облегчает задачу, – ответил старик и, встав напротив задержанного, медленно и внятно произнёс по-немецки:

– Вы говорите по-немецки?

Услышав знакомую, хоть и со странным акцентом речь, Александр улыбнулся и также медленно произнёс:

– Да, я говорю по-немецки. Немецкий – мой родной язык.

– Очень хорошо, – продолжил диалог старик. – Откуда вы?

– Я из славного города Гейдельберга, города Священной Римской Империи, – ответил юноша.

Увидев, что глаза пожилого человека лезут на лоб, Кирилл поспешил вмешаться:

– Что он говорит, Павел Константинович?

Немного придя в себя после услышанного, старик ответил:

– Говорит, что из Гейдельберга, города Священной Римской Империи.

– А это где? В Италии что ли? – спросил старлей.

Посмотрев на офицера, как отличник на второгодника,

старик сказал:

– Такой страны больше не существует, – и продолжил общение с незнакомцем.

– Меня зовут Павел Константинович, можно просто Пауль, а вас?

– Меня зовут Александр Максимилиан фон Гогенгейм, можно просто Алекс, – ответил юноша.

– Очень хорошо, а как вы оказались здесь? – снова задал вопрос Павел Константинович.

– Это долгий разговор, но могу сказать одно. В этой комнате я оказался не по своей воле. Скажите, герр Пауль, где я нахожусь и что это за страна? – спросил в ответ Александр.

– Это город Москва, страна Россия, – ответил Павел Константинович.

– Я не знаю такой страны, а где это?

Старик ещё раз окинул внимательным взглядом с головы до ног юношу, оценив его наряд, и тут его осенило.

– А какой сейчас год, по-вашему, Александр?

– Почему по-моему? Сейчас тысяча четыреста двенадцатый год от Рождества Христова. А почему вы спрашиваете? – задал в свою очередь вопрос юноша.

Кирилл Батраков смотрел на двух мило беседующих людей и чувствовал себя лишним.

– Павел Константинович, вы можете объяснить, что происходит? – обратился он к старику.

Никогда ещё офицер не видел этого жизнерадостного че-

ловека таким озадаченно-сосредоточенным. Наконец, тот заговорил:

– Вот что, голубчик. Этот человек действительно иностранец.

– Это я уже понял. Дальше-то что? – с раздражением бросил старлей. Время шло, а они топтались на одном месте.

– Дальше зовут его Александр, – извиняющимся тоном продолжил старик. – Но это не факт. Дело в том, что этот человек уверен, что сейчас на дворе пятнадцатый век. Понимаете, Кирилл, он не совсем адекватен. Это даёт мне основание полагать, что он психически не здоров.

– Только психа мне здесь не хватало, – расстроился офицер. – Придётся психушку вызывать. А может, оно и к лучшему, заберут в Центр социальной адаптации и пусть разбираются. Баба с возу, кобыле легче, – рассудил Кирилл вслух.

– Не принимайте скоропалительных решений, голубчик. Неужели вам безразлична судьба человека?

– Интересно, а что можете предложить вы? – усмехнулся офицер. – Пятизвёздочную гостиницу и девочек?

– Вы что-нибудь слышали о социальном патруле? – с улыбкой спросил Павел Константинович.

– Конечно, слышал, в конце концов, он туда и попадёт, а оттуда в психушку, – не без ехидства ответил Кирилл.

– Послушайте меня, молодой человек. Мои друзья организовали частный социальный патруль, который существует при частном доме для душевно больных. Я сейчас позвоню и

вызову бригаду. Они приедут и заберут вашего иностранца, а с ним и вашу головную боль, – сказал старик, указав рукой на стоящего и ничего не понимающего Александра.

– А это всё будет на законном основании? – сомневаясь спросил старлей.

– Конечно, голубчик. Вы сдадите подопечного под подпись официальному представителю частной благотворительной организации вместе с вещами, находившимися с ним в момент задержания.

Офицер с интересом посмотрел на пожилого человека, так искусно жонглировавшего юридическими терминами. Старик поспешил закончить:

– А вас, Кирилл, я лично обещаю отблагодарить за ваше терпение и внимание. Ну что, договорились?

«Дался ему этот иностранец», – подумал Кирилл, а вслух же сказал:

– Валяйте.

Старик повернулся к Александру и чётко сказал:

– Александр, вы должны полностью довериться мне, и тогда у вас не возникнет проблем. Хорошо? Просто доверьтесь и делайте, что я говорю.

Дальше всё произошло, как и говорил старик. Он куда-то позвонил, и через четверть часа в ворота райотдела въехал новенький микроавтобус «Мерседес» с красной полосой на борту и рекламной надписью «Дом в Чехове». Оттуда вышли два дюжих молодца в белых халатах и прошли в дежурку.

Когда все бумажные дела были улажены, все подписи поставлены, из камеры вывели Александра и повели к машине. Там произошла небольшая заминка, и старику понадобился весь его талант убеждения, чтобы усадить Александра в автомобиль. Последним в машину сел Павел Константинович, на изгибе его правой руки болтались зонт и перемётная сума Александра.

Автомобиль плавно нёсся по Симферопольскому шоссе в сторону области. В салоне машины Павел Константинович, приобняв за плечи одной рукой Александра, монотонно бубнил:

– Всё будет хорошо, не думайте о плохом, мой мальчик. Всё будет хорошо.

Александр сидел, не шевелясь. Страх и ужас сковали его тело. Он опять был в чреве этого ужасного железного монстра. Этот отвратительный запах был повсюду, словно юноша находился в логове самого Люцифера. Молодой человек смотрел безвольным взглядом в окно и видел таких же ужасных, железных чудищ с горящими глазами.

– Сейчас мы приедем на место, и там вам всё объяснят. Хорошо? Не думайте о плохом, мой друг. Всё будет хорошо, – не прерываясь, будто молитву твердил старик.

Наконец, автомобиль свернул с автострადы на просёлочную дорогу и поехал в сторону леса. Проехав по грунтовке километров пять-шесть, машина остановилась перед массивными железными воротами, возникшими, как по вол-

шебству, из ниоткуда посреди леса. Водитель моргнул фарами и посигналил, отчего Александр резко вздрогнул. Старик лишь крепче прижал юношу к себе. Ворота плавно открылись, и машина въехала на территорию. Мягко шурша по гравию, автомобиль подъехал к красивому зданию, построенному в стиле неоклассицизма. Массивные каменные колонны на входе поддерживали крышу над просторной террасой. Широкая каменная лестница вела ко входу в здание, vyplненному в виде необъятных, деревянных дверей. Машина остановилась. Водитель и санитар в белых халатах, выйдя из автомобиля, открыли боковую дверь и стали по краям.

– Пойдёмте, мой друг, мы приехали, – сказал старик и, выйдя из машины, протянул руку Александру. Юноша послушно встал и, оперевшись на протянутую руку, вышел вслед за ним. Мгновенно по бокам выросли санитары.

– Не надо, молодые люди, не надо. Мы сами дойдём, помощь не требуется. Ведь правда, Александр? – сказал старик и улыбнулся.

Александр, так и не поняв, что от него требуется, всё равно покорно кивнул. Взяв юношу под руку, старик начал подниматься по ступеням. Открылась массивная дверь, и оттуда вышла женщина в белом халате в сопровождении лысого мужчины, облачённого в такой же халат.

– Здравствуйте, Павел Константинович, – поздоровалась женщина первой.

– И вам желаю здравствовать, Анна Васильевна, – вежли-

во ответил старик. – Вам звонили?

– Да, конечно. Марк Борисович предупредил меня о вашем приезде. Проходите.

Они вошли во внутрь здания, и санитары с грохотом хлопнули входную дверь. Александр огляделся. Всё пространство было залито невероятным ярко-белым светом. Свет был повсюду, и исходил он из каких-то светящихся кубов и квадратов, развешанных на стенах и под потолком. Свечение было тёплым и умиротворяющим.

– Вот, Александр, этот дом на какое-то время станет вашим домом. Надеюсь, вы не против? – сказал старик, широко улыбаясь.

– Где я? – устало спросил Александр.

– Не спешите, мой друг, всему своё время. Во всяком случае здесь вы в безопасности. Анна Васильевна, позвольте представить: Александр, если не ошибаюсь, фон Гогенгейм. Наш друг из Германии. Точнее из Священной Римской Империи, – уже на русском сказал Павел Константинович и многозначительно посмотрел на женщину. Та ответила понимающим взглядом и лёгким наклоном головы.

– Вы ведь говорите по-немецки? – вновь обратился старик к женщине.

– Да, равно как и на английском и французском. Я вас поняла, Павел Константинович, а сейчас давайте определим нашего гостя в апартаменты.

И повернувшись в сторону Александра, сказала по-немец-

ки:

– Добро пожаловать в наш дом. Меня зовут Анна Васильевна, можно просто фрау Анна. Надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Алекс? Разница в возрасте позволяет мне это делать.

– Да, конечно, фрау Анна, – ответил юноша.

– Ризван Леонидович, пойдёмте, покажем гостю его комнату, – обратилась женщина к лысому мужчине. – Вы, Павел Константинович, можете идти с нами. Думаю, Алекс пока не захочет с вами расставаться.

И, развернувшись, женщина быстро зашагала по коридору.

Несмотря на адскую усталость и такое же напряжение, Александр шёл, поддерживаемый стариком, и с любопытством вертел головой. Все стены коридора и справа, и слева были сплошь увешаны картинами и гобеленами. Юноша не переставал удивляться богатому убранству замка, в котором ему пришлось оказаться. Каменные колонны были искусно подкрашены под потолок золотой краской. На полу простиралась широкая, бордовая шпалера, не имеющая ни начала, ни конца.

– Герр Пауль, этот замок принадлежит вам или почтенной фрау? – осторожно спросил Александр.

– Нет, что ты, друг мой. Этот, как ты изволил выразиться, замок принадлежит другому человеку. Он сейчас в отъезде, но по его приезду ты обязательно с ним познакомишься, –

мягко ответил старик, как-то незаметно перейдя на ты.

– Но почему я не вижу ни стражников, ни слуг? За исключением этих двух, – юноша кивнул в сторону санитаров, замыкавших процессию и нёсших шаубе, шаперон и сумку Александра. – Это ведь слуги, не так ли?

– Не совсем так, но они будут выполнять твои просьбы и пожелания. Я не всегда буду рядом, вот они и пригодятся, – ответил расплывчато пожилой человек.

Александр плохо понял объяснения и предпочёл больше не задавать вопросов. Вдруг процессия остановилась перед одной из многочисленных дверей.

– Ризван Леонидович, думаю, это будет подходящее убежище для нашего гостя, – с улыбкой произнесла Анна Васильевна.

Лысый мужчина молча кивнул и, подойдя к двери, приложил к дверной ручке какой-то белый прямоугольник, дверь открылась. Первыми вошли женщина и лысый, за ними старик под руку с Александром. Санитары остались снаружи. Анна Васильевна, пошарив рукой на стене, нащупала выключатель и включила свет. Это была большая светлая комната, освещаемая такими же кубами и квадратами, как и холл здания, и коридор. Посередине комнаты висела большая кровать, в углу стоял угловой диван, а перед ним невысокий, красивый столик с резными ножками. Напротив дивана возвышались два кресла. На одной из стен висел плазменный телевизор, по незнанию принятый Александром за недописан-

ную картину. В комнате, кроме входной двери, рядом друг с другом белели ещё две. Женщина подошла к дивану и сделала приглашающий жест рукой.

– Присаживайтесь, господа, – мягко с улыбкой произнесла она.

Старик легонько подтолкнул юношу в сторону дивана. Александр не смело подошёл и присел на краешек софы. Рядом устроился Павел Константинович, напротив в креслах сели женщина и лысый.

– Сейчас вас накормят и напоят, но перед этим я хотела бы спросить тебя, Алекс. Есть ли у тебя какие-либо просьбы или пожелания? Может быть, тебе что-то необходимо именно сейчас? – поинтересовалась женщина.

– Да, – ответил юноша. – Я хотел бы получить свои вещи и сумку.

Женщина улыбнулась и, достав из кармана халата небольшую коробочку, похожую на ту, что была у стражника, что-то проговорила в неё. Открылась дверь, и в неё вошёл один из санитаров, держа в руках сумку Александра.

– Вот твоя сумка, а шубу и шапку ты получишь завтра после химчистки.

Увидев недоумённый взгляд юноши, женщина вновь улыбнулась и поправилась.

– После стирки.

Александр, взяв сумку, открыл её и убедившись, что книга и камень на месте, положил рядом с собой.

– Теперь, надеюсь, ты доволен, Алекс? Ну что ж, настало время личной гигиены, а потом ужин. Павел Константинович, не откажите в любезности, помогите с помывкой, а мы пойдём, – сказала женщина и, посмотрев на Ризвана Леонидовича, поднялась с места. Подождав, пока за ними закроется дверь, старик взглянул на Александра и сказал.

– Ну-с, друг мой, предлагаю принять водные процедуры.

Взяв Александра за руку, он подвёл его к одной из двух белых дверей и открыл её. За ней находилась ещё одна небольшая комната. На полу стоял овальный предмет белого цвета с водой внутри. Александр было принял его за сосуд для омовения. Какого же было изумление юноши, когда старик объяснил его истинное предназначение.

– Это называется унитаз. А это, – Павел Константинович указал пальцем на предмет, торчащий из стены, сделанный из того же материала и такого же цвета, как унитаз, – называется умывальник.

Из умывальника торчал серебристый носик с рычажком. Старик сдвинул в сторону рычажок, и из носика побежала струя воды.

– Ну-с, продолжим экскурсию, – предложил Павел Константинович.

Выйдя из туалета, старик подвёл Александра ко второй белой двери. За ней была точно такая же комната, только на полу возвышалась большая белая лохань, а над ней из стены торчал такой же носик с рычажком, как и в соседней ком-

натушке. Напротив лохани висело большое зеркало. Александр уже встречался с зеркалами, ещё будучи дома, да и у Агнет было небольшое красивое зеркальце, которое она всюду старалась таскать с собой, здесь же висело огромное зеркало великолепной работы. Юноша отчётливо различал каждый волосок на своём лице.

– Это называется ванна. Здесь ты можешь искупаться.

Старик вновь сдвинул рычажок, и в лохань побежала струя тёплой воды. Многих трудов и увещеваний потребовалось Павлу Константиновичу, чтобы уговорить юношу раздеться и влезть в ванну. Наконец, ему это удалось, и старик вышел оттуда весь в поту и в мыле, оставив отмокать юношу в купальне, наполненной всевозможными шампунями и ароматизаторами. В комнате на кровати уже лежали большое махровое полотенце и шёлковая пижама, а на полу домашние тапочки. Старик вытер пот, струившийся по лицу, снял пиджак, шейный платок и с усталым выдохом опустился в кресло.

– Нет, – это не психическое расстройство, – рассуждал он. – Гидрофобии нет, поведение адекватное, он действительно всё видит впервые. Неужели он не ошибся, и этот человек оттуда? Это большая удача. Марк Борисович будет доволен. Старик улыбнулся и устало закрыл глаза. Минут через двадцать он услышал звук падающего тела и, схватив с кровати полотенце, влетел в ванную. На залитом водой полу сидел

Александр и пытался натянуть на себя свои шоссы⁴⁶, из открытого крана продолжала бежать вода, которая переполнилась лохань и полилась через край. Подбежав к ванной, Павел Константинович закрыл кран, затем, развернувшись к юноше, одной рукой схватился за брючину, которую Александр уже успел натянуть до половины, другой протянул полотенце.

– Вот, Александр, вытрись сначала. Тебе не нужно одевать снова свою старую одежду. Я принесу тебе другую, чистую, а эту мы постираем. Хорошо? – как всегда мягко сказал старик.

Молодой человек поднялся с пола и молча кивнул. Павел Константинович сходил за пижамой и, вернувшись, протянул её Александру. И опять понадобились слова и уговоры, старик даже позволил себе прикрикнуть на юношу ради дела. Наконец, всё было закончено, и юноша облачён в чистое. Выйдя из ванной комнаты, старик с Александром сели за столик друг напротив друга. Павел Константинович смотрел на молодого человека с теплотой и нежностью, как когда-то много лет назад Гогенгеймстарший смотрел на чистого и умытого мальчонку на постоялом дворе небольшого городка. Открылась дверь, и в комнату вошёл санитар, толкая перед собой тележку на колёсиках, сплошь уставленную тарелками. Застелив скатертью столик, за которым сидели старик и юноша, санитар начал уставлять его блюдами и прибор-

⁴⁶ Шоссы – средневековые мужские чулки, штаны в обтяжку.

рами. Александр только сейчас почувствовал, как нечеловечески он голоден. Несмотря на то, что многое он видел впервые, это и посуда, на которой была подана еда, и прозрачные кубки с кувшинами, и диковинные фрукты, юноша не стал утруждать себя расспросами, а принялся уминать принесённое к вящему удовольствию старика. В какой-то момент, испугавшись, Павел Константинович даже вынужден был сказать:

– Друг мой, не спеши, это всё твоё.

Александр, смутившись, извинился и продолжил трапезу уже более размеренным темпом. Старик разлил из прозрачного кувшина какую-то белую жидкость в такие же прозрачные кубки. Александр с любопытством посмотрел на старика.

– Это молоко, Алекс, не бойся, пей, – успокоил тот.

Александр не смело взял кубок и сделал небольшой глоток. Почувствовав знакомый с детства вкус, юноша залпом осушил чашу. Наконец, насытившись, молодой человек вытер руки полотенцем, услужливо поданным стариком, и откинулся на спинку дивана.

– Спасибо большое, герр Пауль, я вам очень признателен, – искренне поблагодарил юноша.

– Прекрасно, друг мой. Теперь тебе необходимо поспать, у тебя выдался непростой день, и только крепкий и здоровый сон вернёт тебе силы. Ну, а завтра мы с тобой поговорим. Ложись вот сюда, – сказал старик, подойдя к кровати и от-

дёрнув одеяло. – Ну, смелей.

Встав с дивана, Александр вдруг ощутил невероятную тяжесть, навалившуюся на его плечи, пройдя на отяжелевших ногах к кровати, он лёг. Последнее, что он запомнил, – это белый потолок комнаты, который вдруг начал медленно вращаться, и юноша погрузился в крепкий сон.

В большом кабинете Анны Васильевны за столом сидели трое. Павел Константинович восседал напротив Ризвана Леонидовича, во главе же стола сидела сама хозяйка кабинета. Это была женщина лет пятидесяти, не утратившая былой красоты, с правильными чертами лица. Волосы, тронутые сединой, были туго завязаны в пучок на затылке, что придавало ещё более строгий вид выражению её лица. Но более всего в её облике поражали глаза: смотрящие почти не мигая, серые глаза, подчёркивающие холодный и неприступный вид этой красивой женщины.

– Что вы думаете, Ризван Леонидович, об этом юноше? Каково ваше первое впечатление? – заговорила дама.

– Трудно сказать. Надеюсь, завтра, пообщавшись более тесно, можно будет сделать первичные выводы. Сейчас произведут у гостя забор крови для анализов. А пока парень как парень, – ответил лысый.

– А он не проснётся? Представляете стресс у мальчишки при виде шприца у вены? – поинтересовался старик.

– Ну что вы, парень устал, да и добрая доза снотворного, разбавленного в молоке, не даст ему это сделать, – ответил

Ризван Леонидович.

– Я бы тоже сказала: парень как парень, если бы Павел Константинович не огорошил Священной Римской империей. И ещё этот акцент в его немецком. Или это один из диалектов? – обратилась женщина к старику.

– Да, вы правы, это один из многочисленных диалектов, но самое главное, что это старонемецкий. Так говорили в средневековой Германии. В остальном же я всецело полагаюсь на ваше мнение, коллеги, ибо я не специалист в психологии, и мой конёк – это лингвистика и история, – ответил старик.

– Ну что ж, господа, утро вечера мудренее. Павел Константинович, надеюсь, вы поживёте у нас? Завтра ваша помощь будет весьма кстати. У вас, как я успела заметить, установился хороший контакт с нашим гостем. Если, конечно, вы и ваши родные не будете против ночёвки.

– Хорошо, Анна Васильевна, я останусь и чем могу, тем помогу. Тем более, что родных у меня нет и ждать некому.

– Вот и договорились, – подытожила женщина и нажала кнопку на селекторе, стоящем на её столе.

В кабинет вошёл один из санитаров, сопровождавших Александра в машине.

– Тимур, проводи Павла Константиновича в наше гостевое крыло и устрой на ночлег.

Санитар молча кивнул и сделал приглашающий жест в сторону двери.

– Ну что ж, господа, спокойной ночи и до завтра, – под-

нялся со своего места старик и попрощался.

– Спокойной ночи, – ответили женщина и лысый.

Александр проснулся и почувствовал себя совершенно другим человеком, полным сил и энергии. Он лежал, уставившись в одну точку на потолке, и пытался осмыслить череду вчерашних событий. Осознание того, что он не дома, а неизвестно где, немного поубавило хорошего настроения, но молодость и природное жизнелюбие взяли верх. Вскочив с постели, он немного посидел на ней, с интересом рассматривая небольшой синяк, образовавшийся за ночь на изгибе локтя левой руки, и начал вспоминать вчерашние уроки с туалетной комнатой. Наконец, решившись, Александр твёрдой походкой направился в сторону одной из белых дверей. Применяв на деле полученные знания, он не без труда принял водные процедуры и теперь стоял посреди комнаты, вытираясь пушистым полотенцем. В этот момент раздался стук в дверь, и в комнату вошёл Павел Константинович. Как всегда, тщательно выбрит и безупречно одет.

– Доброе утро, Алекс, – с улыбкой поприветствовал он юношу. – Как спалось? Я вижу, ты освоил умывальник, – сказал старик, кивнув на изрядно намоченную пижаму юноши.

– Доброе утро, герр Пауль. Отлично спалось. Я немного разбрызгал воды, но это оттого, что ещё не до конца усвоил повороты рычажка на умывальнике, – ответил юноша.

– Умывальнике, – поправил его старик.

– А какое сейчас время суток? День или ночь? У меня в

комнате нет окон. Поначалу я принял большой прямоугольник на стене за окно, но он оказался картиной, на которой забыли нарисовать... – поинтересовался Александр.

– Сейчас десять часов утра. Большой прямоугольник на стене – это телевизор. Тебе ещё рано изучать его, – и добавил своё любимое: – Всему своё время.

В этот момент послышался стук, и в комнату вошёл вчерашний санитар. Одной рукой он толкал тележку, над которой аппетитно вился дымок завтрака, а в другой держал вешалку со спортивным костюмом. Подвезя тележку к столику, он вернулся к кровати и положил на неё трико.

– Ах, какой запах, – сказал старик, провожая взглядом тележку. – Ну-с, мой друг, пора подкрепиться. Надеюсь, ты не против?

Александр и не думал отказываться и с удовольствием присоединился к пожилому человеку. Показав Александру пару нехитрых приёмов с ножом и вилкой для расправы с омлетом, старик налил в стакан апельсинового сока и протянул юноше.

– Попробуй, Александр, тебе понравится.

Александр уже без боязни принял из рук старика стакан с жёлтой жидкостью и сделал изрядный глоток.

– О, это божественно, герр Пауль. Никогда ещё не пил ничего вкуснее. Что это? – с интересом спросил молодой человек.

– Это сок апельсина, – ответил старик.

– Сок чего? – переспросил юноша.

– Это такой фрукт. Хотя, скорее всего, это тоже ещё рано для тебя. Всему своё время, – улыбнулся старик.

Так непринуждённо беседуя, Павел Константинович и Александр закончили трапезу.

– Ну-с, молодой человек, а теперь пойдём познакомимся поближе с Анной Васильевной и её помощником. Они зададут тебе несколько вопросов, ты ведь не против? – предложил старик.

– Я готов. У меня у самого накопилось много вопросов. Пойдёмте, герр Пауль, – с готовностью согласился Александр. – Но сначала я хотел бы переодеться в свою одежду.

– Не думаю, что это хорошая идея. Видишь ли, Александр, здесь не принято ходить в таком облачении. Вот самое подходящее и для твоего возраста, и для места, где ты находишься, – сказав это, пожилой человек подошёл к кровати и указал на спортивный костюм, лежащий на ней. – Прошу тебя, не спорь со мной и переоденься.

Александр уже понял всю бесполезность споров и молча начал раздеваться. Вскоре они в сопровождении санитаря уже шагали по коридору. По пути им встретилась миловидная девушка, одетая в белый халат. Александр с интересом посмотрел на новую обитательницу замка; она же, холодно скользнув взглядом по Александру, вежливо поздоровалась со стариком и санитаром.

Наконец они подошли к массивным дверям кабинета. Па-

вел Константинович легонько постучал в них и, приоткрыв, спросил:

– Анна Васильевна, можно?

– Да, Павел Константинович, конечно, входите.

Войдя в комнату, Александр увидел вчерашних: красивую женщину и лысого мужчину.

– Добрый день, Алекс, – поздоровалась женщина. Лысый лишь молча кивнул головой.

– Здравствуйте, фрау Анна, и вы. Простите, я не запомнил вашего имени, – юноша виновато взглянул на лысого.

– Его зовут Ризван Леонидович, и он так же, как и я, владеет немецким языком, – сказала женщина, жестом приглашая Александра сесть на большой диван. – Прошу, присаживайтесь, и вы, Павел Константинович, а я сяду напротив, как говорится, чтобы лучше видеть и слышать вас. Ризван Леонидович, садитесь поближе, – распорядилась женщина.

Лысый встал из-за стола и послушно пересел в кресло напротив Александра.

– Итак, Алекс, позволь мне задать несколько вопросов, – сказала Анна Васильевна и, вооружившись ручкой, приготовилась записывать в раскрытую тетрадь, лежащую на её коленях. – Я слушаю, фрау Анна. Спрашивайте, – просто ответил юноша.

– Откуда ты прибыл? Сколько тебе лет? Кто твои родители?

– Я приехал из города Гейдельберг. Мне двадцать один

год. Родителей у меня нет, я сирота. Воспитывался приёмным отцом. – Город Гейдельберг – это в Германии?

– Да, в Германии, в Священной Римской империи.

– И кто же правит вами сейчас?

– Король Германии, император Священной Римской империи Сигизмунд Первый. Да продлятся его дни.

– Хорошо. Расскажи нам о своём отчине.

Александр решил ничего не скрывать и рассказал всё о себе и об Альберте Теодоре Гвидо фон Гогенгейме, своём приёмном отце, вплоть до его кончины.

– Очень хорошо. А теперь расскажи, как ты сюда попал, – попросила женщина.

Молодой человек обстоятельно рассказал о своём путешествии из Гейдельберга в Лондон, благоразумно умолчав о книге и камне, а также о цели своего путешествия. Сказав, что это была исключительно деловая поездка в Англию со своим работодателем, деканом Иоганном Якобом фон Баумгартнером. К сожалению, по дороге из Дувра в Лондон их застигла сильнейшая буря, Александр отбился от друзей и заблудился. Затем, упав с лошади, он потерял сознание, а очнувшись оказался возле какого-то озера. И юноша рассказал, как был схвачен стражниками, как его насильно везли в железной повозке и как был посажен в каменный мешок. Поведал он и о знакомстве с герр Паулем, и вот теперь он здесь.

Его рассказ продлился больше часа. И за это время никто

ни разу не посмел перебить Александра: все были поражены услышанным. Настолько рассказчик был точен в географических данных и мелких деталях своего рассказа. Первым заговорил Ризван Леонидович:

– За многие годы своей практики чего только я не слышал. Но это... Чёрт возьми, не укладывается ни в одни рамки...

– Да. Коллега, вы абсолютно правы – это исключительный случай. Но что это? Диссоциативное расстройство личности? Результат физического воздействия на мозг? Последствия какого-либо удара или падения? – предположила женщина.

– Но каковы детали. Фантастика, – не переставал удивляться лысый...

Александр перевёл взгляд на Павла Константиновича, единственного сохранявшего молчание.

– Они мне не верят? Герр Пауль, вы тоже мне не верите? – с горечью спросил молодой человек.

– Что ты, что ты, друг мой, конечно же, верю. Просто мои друзья настолько поражены твоим рассказом, что не знают, как реагировать, – попытался успокоить юношу старик.

– Нет, я вижу, я чувствую: вы мне не верите. Но это правда. Честное слово, правда. Я Александр Максимилиан фон Гогенгейм, и прибыл я из Гейдельберга. Прошу вас, верьте мне, – голос Александра дрогнул, губы задрожали.

Анна Васильевна резко поднялась со своего места и, подойдя к Александру, положила руку на голову молодого че-

ловека.

– Ну-ну, Александр, успокойся, не надо так нервничать. Здесь все тебе верят и пытаются тебе помочь. Успокойся. Ризван Леонидович, налейте нашему гостю воды, – попросила женщина, не прекращая гладить по голове юношу.

Лысый встал и, налив в стаканчик воды из стоящего в углу кулера, протянул Александру. Юноша жестом отказался: он был смущён до глубины души своей минутной слабостью.

– Всё, что я вам рассказал, – это правда. И ваше право верить моим словам или нет, – уже твёрдым и уверенным голосом сказал молодой человек.

При этих словах Анна Васильевна и Ризван Леонидович многозначительно переглянулись. В словах юноши звучала сталь.

– Фрау Анна, могу ли я теперь задать вопрос вам? – спросил юноша.

– Хорошо, спрашивай. Но будь готов услышать правду, которая тебя весьма удивит, – ответила женщина, возвращаясь на своё место.

– Тогда ответьте мне: где я, что это за город, что за страна, кому принадлежит замок и долго ли я буду здесь пленником?

– Что ж, начну с конца. Во-первых, ты не пленник, а гость. Находишься ты в городе Москве, в стране под названием Россия, и это не замок, а клиника, чтобы было тебе понятней, – это госпиталь для душевнобольных. Принадлежит он очень мудрому и учёному человеку, с которым ты непременно

но познакомишься через пару дней, как только он вернётся из поездки. Ну, я удовлетворила твоё любопытство? – закончила Анна Васильевна.

– Но я не знаю такого города и такой страны, – медленно проговорил юноша.

– И тем не менее, это так, – прозвучал ответ.

– А что это за железная повозка, на которой меня привезли сюда?

– Мы называем это автомобиль. И он нам служит для передвижения, как в старину служили лошади, быки и ослики.

– А что значит «в старину», какой сейчас, по-вашему, год? – продолжал допытываться юноша.

– Сейчас, молодой человек, две тысячи двадцать третий год, – с бесцеремонной простотой ответила женщина.

На Александра было страшно смотреть. Он был подавлен и сломлен, будто сотня раскатов грома разразилась над его многострадальной головой.

«Две тысячи двадцать третий год. Нет, этого не может быть. Это просто невозможно, – с бешеной скоростью проносилось в его голове. – Они принимают его за простачка или же сами душевнобольные. Две тысячи двадцать третий год. Нет, этого не может быть...»

Александр сидел, закрыв лицо руками, и медленно раскачивался из стороны в сторону.

– Я вам не верю, фрау Анна, – наконец выдавил из себя Александр.

– Весьма зря, ибо это правда, – просто сказала женщина.
– И ты, Александр, очень облегчил бы нам задачу, если бы вспомнил, кто ты, где живёшь и как оказался в Бутово под мостом...

– Но я всё рассказал и не знаю, что ещё вам надо. Я не знаю никакого Бутова, – взмолился юноша.

– Ну хорошо, хорошо. Успокойся. На сегодня хватит. Тебя сейчас проводят в твою комнату, – распорядилась женщина и вызвала санитара. – Тимур, проводи нашего гостя и Павла Константиновича в апартаменты.

Вошедший в комнату санитар послушно кивнул. Александр встал и, поддерживаемый стариком, вышел из кабинета.

– Ну-с, что вы скажете на это, Ризван Леонидович? – первой начала разговор женщина, когда они остались вдвоём.

– То же, что и говорил: редчайший случай. Ещё пару минут – и я поверил бы, что он из средневековой Германии. Отличное знание географии, чёткая хронология и невероятно тонко подмеченные детали... Комар носа не подточит, – ответил лысый.

– И всё же, коллега, мы профессионалы и не должны быть подвержены сиюминутным фантазиям, – заметила женщина.

– Да, вы правы, Анна Васильевна, как всегда правы. Науке известны случаи, когда вследствие физических травм головы человек начинал рисовать как профессиональный художник, кто-то начинал разговаривать на языках, которыми

не владел прежде, или описывать события, свидетелем которых он не был. Взять хотя бы недавний случай с американцем Джейсоном Пэджетом. Обыкновенный молодой человек, ничем интеллектуально не выделявшийся, получил травму головы в пьяной драке. Сотрясение мозга круто изменило жизнь парня: он вдруг увлёкся геометрией, черчением и живописью. Парень пишет книги и читает математические лекции. И всё это – последствия травмы головы и сотрясения мозга. В случае же с Александром у нас нет отправных данных или информации, от которой мы могли бы отталкиваться. Исключение составляют анализы крови... Мы ознакомились с ними, и я могу с уверенностью сказать, что это анализы абсолютно здорового молодого человека. И для того чтобы сузить горизонты исследования, предлагаю сегодня же ночью снять магнитно-резонансную томографию, – предложил помощник.

– Да, коллега... Именно. Только МРТ ответит нам на вопрос, было ли внешнее воздействие на мозг. Судя по документам, его нашли в Бутово под мостом. Возможно, падение, удар по голове, в конце концов банальная драка. На всё это даст ответ расшифровка МРТ. Но даже если это не так, диссоциативное расстройство парня никуда не денется. Ни то, ни другое не облегчает нам решение задачи, но, как известно, дорогу осилит идущий. Будем думать, а сейчас, Ризван Леонидович, распорядитесь, пожалуйста, пусть Павел Константинович начнёт гулять в нашем парке с нашим

гостем. Думаю, молодому организму противопоказано комнатное заточение. Да, только в сопровождении санитара. Мы ведь до сих пор не знаем, кто он – наш гость. А остальное по расписанию, – дав ценные указания, женщина уставилась в окно, мгновенно потеряв интерес к собеседнику.

В парке, на скамейке, усыпанной сплошь осенней листвой, сидели двое: Павел Константинович и Александр. Сидели молча, разговор не ладился. Александр первым нарушил молчание.

– Герр Пауль, что происходит? Вы не верите мне, я не верю вам. Ведь так не может продолжаться. Скажите, где я? Прошу вас.

Старик вздохнул и медленно произнёс:

– К сожалению, всё, что сказала Анна Васильевна, это правда, и ты должен смириться с этим. Ты находишься в городе Москве, в стране под названием Россия, и сейчас действительно две тысячи двадцать третий год. Ты можешь задавать мне любые вопросы – я отвечу без утайки. Но прошу тебя: смирись и прими реалии, как бы они ни были тяжелы.

Сказав это, старик приобнял за плечи расстроенного юношу и замолчал. В нескольких шагах за спиной сидящих стоял, облокотившись плечом о дерево, санитар. И было видно, как жадно он ловит каждое слово, произнесённое собеседниками.

– Герр Пауль, – продолжил юноша, – хорошо, положим, я заблудился в пургу и оказался, как вы говорите, в России.

Пусть так. Но как я мог оказаться в две тысячи двадцать третьем году? Через шестьсот с лишним лет после своего рождения. Скажите, я похож на мертвеца? – взмолился Александр.

– Ну что ты, мой мальчик, что ты... – Старик ещё крепче прижал к себе юношу. – Конечно, нет.

– Значит, вы мне не верите, что я из Германии и когда выезжал из города, на дворе стоял XV век?

– Александр, уверяю тебя... На сегодняшний день я единственный, кто верит тебе. Но как ты сюда попал, знаешь только ты. И только ты можешь помочь в разгадке этого ребуса. Но сейчас тебе не стоит этого рассказывать – подожди немного. Завтра придет, как ты выражаешься, владелец этого замка, его зовут Марк Борисович. Вот ему ты всё и расскажешь. Без утайки. Договорились?

Старик мягко улыбнулся и погладил по голове юношу. Александр не знал, что ответить. С одной стороны, он верил этому чудаковатому и доброму старику, а с другой – пытался держаться на расстоянии от этого странного и непонятного мира. Вслух же сказал:

– Хорошо, герр Пауль, договорились.

Собеседники поднялись со скамейки и пошли в сторону клиники. За ними неотступно следовала тень санитаря.

Войдя в апартаменты, старик, потирая ладони одну об другую, сказал:

– Друг мой, мне кажется, пришло время для ужина. Как

ты на это смотришь? Тем более, что обед-то мы с тобой про-
шляпили. Александр молча пожал плечами и, подойдя к ди-
вану, с шумом плюхнулся на него.

– Герр Пауль, вы обещали рассказать мне об этой недопи-
санной картине, – сказал юноша, показывая на телевизор на
стене.

Старик стоял в проёме открытой двери и давал какие-то
указания санитару – по-видимому, касаясь ужина.

– Картины? Какой картины? А, телевизора... Ну хорошо,
Александр. Давай попробуем, – ответил Павел Константино-
вич. Подойдя к журнальному столику, он взял лежавшую на
нём чёрную продолговатую коробочку и сказал:

– Это пульт. А на стене висит телевизор. Смотри.

Он протянул руку с зажатой в ней коробочкой в направле-
нии картины, висевшей на стене, и нажал на кнопку. В тот же
миг поверхность картины озарилась ярким светом, и на ней
появилась голова красивой женщины. Александр от нежиданности
вскочил с места и захлопал удивлённо глазами.

– Ну что ты, что ты, успокойся. Я же говорил, что ещё
рано, всему своё время, – успокаивающим тоном сказал ста-
рик, выключая телевизор.

– Что это, герр Пауль? – трясущимися от страха губами
спросил юноша. – Там живёт женщина без тела? Но как?

– Нет, Александр, всё не так. Давай оставим объяснения
про телевизор на потом.

В этот момент всё тот же санитар открыл дверь и повёз к

столику тележку с ужином.

– А теперь давай продолжим тёплую беседу за добрым ужином. Присаживайся и начнём, – с открытой улыбкой предложил пожилой человек.

Александр вернулся на место, с опаской поглядывая на стену.

Павел Константинович с нескрываемым удовольствием смотрел, как его ученик орудует ножом и вилкой, беспощадно разделявая с говяжьим стейком.

«Молодость – это панацея от всех бед и проблем. Только сегодня мальчик испытал шок, услышав, что находится в далёком будущем. Только сейчас у него была паника, впервые увидев работающий телевизор... И вот он уже сидит и уплетает за обе щёки, улыбаясь своей добродушной улыбкой. Молодость», – думал старик, исподтишка наблюдая за юношей. А ведь повернись жизнь по-другому – и кто знает, может, и у него был бы такой взрослый внук...

Старик тут же попытался отогнать назойливые мысли и задал вопрос:

– Позволь узнать, Александр, а что это за книга и камень у тебя в котомке?

Александр вздрогнул и, бросив тревожный взгляд на старика, ответил:

– Книга – это «Фармация⁴⁷», сборник рецептов. Я ведь

⁴⁷ Фармация (древнегреч.) – применение, употребление лекарственных средств.

врач, а камень... камень – это амулет, талисман на удачу.

Старик заметил тревожный взгляд юноши и решил по-временить с расспросами. Наконец с ужином было покончено, а на десерт выпито тёплое молоко. Вскоре Александр почувствовал неудержимое желание спать. Снотворное, подмешанное в напиток, делало своё дело.

– Герр Пауль, вы позволите мне лечь? Я что-то устал, – вежливо спросил Александр.

– Конечно, друг мой, ложись, отдыхай. А я, с твоего позволения, пойду к себе, – ответил старик и вышел из комнаты.

В коридоре уже стоял санитар с каталкой, готовый вмиг доставить спящего Александра на магнитно-резонансную томографию.

На следующий день Анна Васильевна сидела в своём кабинете, а перед ней на столе лежали результаты анализов крови и расшифровка МРТ Александра. Женщина задумчиво грызла кончик карандаша. Всё указывало на то, что Александр был абсолютно здоровым парнем. У него не было черепно-мозговых травм и отсутствовали очаги кровоизлияний.

«Значит, внешнего воздействия не было. Но диссоциативное расстройство налицо. Тогда что послужило толчком? Почему его альтер эго выбрало период средневековой Германии? Может, он учёный или историк и занимался научными изысканиями именно этого исторического периода? Проблема в том, что мы ничего не знаем о нём. Ни паспорта, ни

каких-либо других документов. Кто он, откуда? Tabula rasa⁴⁸. Да, ты крепкая загадка, Александр фон Гогенгейм», – вертелось у неё в голове.

Женщина нагнулась к селектору и, нажав на одну из кнопок, произнесла:

– Пригласите ко мне Ризвана Леонидовича и пошлите Тимура за нашими гостями.

Первым пришёл Ризван Леонидович; вежливо поздоровавшись, он присел за стол. Минут через десять раздался стук в дверь, и в кабинет вошли Павел Константинович и Александр. Так же тактично поздоровавшись, они заняли места на диване.

– Доброе утро, друзья. Рада вас видеть в добром здравии, – поприветствовала пришедших Анна Васильевна и с улыбкой обвела всех взглядом.

– Как себя чувствуешь, Александр? Нет ли у тебя каких-либо просьб?

– Спасибо, фрау Анна. Слава богу, хорошо. Мне ничего не надо, герр Пауль исполняет все мои прихоти, – вежливо ответил юноша.

– Прекрасно. А теперь, если ты, конечно, не против, мы вернёмся ко вчерашнему разговору, – предложила женщина.

– Да, конечно, фрау Анна, я готов, – последовал ответ.

– Итак, Алекс, расскажи поподробнее, где ты учился?

⁴⁸ Tabula rasa – «чистая доска», выражение, символизирующее «начинание с чистого листа».

– Я шесть лет был школяром в Гейдельбергском университете. По окончании сдал экзамены на степень бакалавра. Мне было предложено продолжить учёбу на магистра, но я предпочёл сделать перерыв в обучении для того, чтобы открыть аптеку и подкопить денег.

– Ты сам открыл аптеку?

– Нет, что вы. Я уже рассказывал вчера... Аптеку открыл мой приёмный отец. После его смерти я унаследовал её. Но работать самостоятельно не мог. Лишь окончив университет и получив лицензию в магистрате, у меня появилась возможность продолжить начатое дело учителя.

– Значит, ты можешь готовить снадобья? – вступил в разговор Ризван Леонидович.

– Да, могу. Мой учитель многому научил меня...

– Хм... ну а что бы ты посоветовал человеку, у которого жар и признаки простуды?

– Кровопускание и отвар *salicis cortice*. Это самое простое, но действенное средство, – уверенно ответил юноша.

– Экстракт коры ивы. Недурно, молодой человек, – перевела женщина.

– В наше время на основе этого экстракта создан препарат ибупрофен, – добавил по-русски Ризван Леонидович и с любопытством взглянул на Анну Васильевну.

Та поняла его взгляд и ответила так же, на русском:

– Это может знать любой студент-медик.

Лысый лишь молча кивнул.

– Ну да ладно, продолжим нашу беседу. Ты говорил, что женат. Расскажи нам о своей избраннице, – попросила женщина.

– Да, я женат. Моя Агнет – самая добрая и красивая женщина на всём белом свете. Она такая же, как и я, круглая сирота, воспитывалась у своей тётки, фрау Брумхильды. Мы были влюблены друг в друга с самого детства, – после этих слов щёки Александра залило пунцовой краской. Заметив это, присутствующие улыбнулись.

– Не надо стесняться своих эмоций, мальчик. Наоборот, откройся нам, – мягко сказал Павел Константинович.

– Мы вместе, – продолжил Александр, – уже около года. У нас крепкая семья. И... – Александр на секунду замешкался. – И Агнет ждёт ребёнка.

– Прекрасно. Великолепно, – сказала Анна Васильевна. – И ты, конечно же, мечтаешь о возвращении?

– Конечно, фрау Анна. Я очень хочу вернуться и обнять свою Агнет, – пылко ответил молодой человек.

В кабинете повисло неловкое молчание. Взгляды всех присутствующих были обращены на Александра.

– Что ж, – первой заговорила женщина, – давайте на сегодня закончим. Александру пора обедать, к тому же вечером приезжает Марк Борисович. Кто знает, может, он захочет уже сегодня познакомиться с нашим гостем. Так что не будем его долго мучить расспросами и отпустим на обед. Павел Константинович, проводите нашего гостя.

– С удовольствием, Анна Васильевна. Александр, пойдём, друг мой, – с готовностью откликнулся старик.

Дождавшись, пока за ушедшими закроется дверь, Ризван Леонидович повернулся в сторону Анны Васильевны и спросил:

– Ну что, коллега? Очередная порция загадок?

Немного помолчав, женщина наконец ответила:

– Кто знает, Ризван Леонидович, кто знает? Может, Марк Борисович прольёт нам свет на эту загадочную личность...

Пообедав, старик и Александр вышли в парк подышать воздухом. Взбалмошная дама по имени осень резко поменяла настроение, и вот уже на смену последним тёплым лучам солнца пришли сырость и тучи. Они шли по осеннему парку, зябко кутаясь в шерстяные пледы и неторопливо беседуя. За ними бесшумной поступью следовал санитар.

– Герр Пауль, скажите, что будет дальше? Я свободен или всё-таки пленник? Ведь так не может продолжаться. Я не душевнобольной. Но чувствую, что ко мне относятся с недоверием. А я действительно оказался здесь исключительно волею провидения, – с грустью в голосе сказал юноша.

– Александр, мальчик мой, конечно, ты свободен. Но тебе нужно побыть какое-то время здесь. Для твоей же пользы, чтобы ты немного привык к этому новому и чуждому миру для тебя. Потому как там, – старик неопределённо махнул рукой куда-то в сторону забора, – тебя может ждать незавидная участь, а может, даже смерть. Ты ничего не знаешь о на-

шем мире, а он очень сложен и не прощает ошибок. А что касается меня, то я повторяю тебе, мой мальчик: я тебе верю, верю во всё сказанное тобой. Но и ты, Александр, ты просто обязан верить нам, сынок, – старик умолк. – Павел Константинович, нам пора, – раздался негромкий голос позади гуляющих.

Повернув голову, старик увидел санитара, незаметно подошедшего вплотную к ним.

– Да, конечно, Тимур, пора. Пойдём, Александр: осенние вечера становятся всё прохладней и прохладней.

Наклонившись ещё ближе к старику, санитар тихо произнёс:

– Марк Борисович приехал.

Войдя в апартаменты, Александр уже привычным жестом нажал на выключатель и включил свет, затем, зайдя в туалетную комнату, осторожно открыл кран и умылся. Вытершись мягким, всегда вкусно пахнущим полотенцем, он вернулся и плюхнулся на диван. До ужина ещё оставалось какое-то время, и он решил посвятить его изучению телевизора. Привстав, он потянулся и взял пульт, лежащий на журнальном столике. Александр уже хотел было нажать на одну из многочисленных кнопок, когда внезапно раздался стук в дверь.

На пороге стоял всё тот же вездесущий санитар Тимур. Наклонив голову в знак вежливости, он жестом предложил следовать за ним.

– Куда? – с живым интересом спросил юноша.

Тот лишь молча продолжал указывать рукой в сторону выхода. Александр так же молча повиновался, и пара двинулась по коридору. Дойдя до нужных дверей, санитар, ни слова не говоря, распахнул их и пригласил Александра войти. Это была большая зала, сплошь залитая ярким светом. За большим круглым столом сидели и ужинали Анна Васильевна, Ризван Леонидович, Павел Константинович и какой-то незнакомый мужчина.

– А вот и наш гость. Добро пожаловать, Александр, – взяла на себя функции хозяйки-распорядительницы Анна Васильевна. – Проходи, Александр. Позволь тебя представить нашему другу и гостеприимному хозяину.

Говоря это, она подошла к молодому человеку и, взяв его за руку, подвела к сидящему незнакомцу. Тот встал и с интересом посмотрел на юношу. Затем улыбнулся и, протянув руку Александру, представился:

– Марк Борисович Миргородский. Для вас, молодой человек, можно просто герр Марк.

Всё это было произнесено на безупречном немецком языке. – Александр фон Гогенгейм, – представился в свою очередь юноша.

– Вот и познакомились. Александр, присаживайся вот сюда, поближе к своему другу, – сказала женщина, указав на пустое место рядом с Павлом Константиновичем. – Теперь, когда все в сборе, давайте приступим к ужину.

Говорили мало; в основном это делала Анна Васильевна, пытаясь и шутить, и поддерживать разговор в компании. Александр заметил, как пристально его изучает новый знакомый и как внимательно следит за каждым его движением. Но никто не задавал ему никаких вопросов, и потому, окончив трапезу, Александр, поблагодарив хозяина, поспешил к себе в комнату. Как всегда, проводить юношу вызвался старик.

– Герр Пауль, кто этот человек? – спросил Александр, когда они шли по коридору.

– Это владелец этой клиники, врач, учёный и наш большой друг. Завтра у тебя будет возможность поближе познакомиться с этим умным и замечательным человеком. И я очень прошу тебя, Александр: он не фрау Анна, не герр Ризван и даже не я. Поэтому будь с ним предельно честен и откровенен. Хорошо? – как всегда мягко, с улыбкой сказал старик.

– Хорошо, герр Пауль, – немного подумав, ответил юноша.

Утром следующего дня Анна Васильевна стояла в кабинете Марка Борисовича и монотонным голосом отчитывалась о произведённых наблюдениях:

– Анализы крови соответствуют норме, расшифровка МРТ показывает, что какого-либо физического воздействия на мозг, как то удар либо падение, не было, очаги кровоизлияний не обнаружены, когнитивное поведение в норме. Аб-

солютно здоровый парень. Поступки разумны, охотно идёт на контакт, готов к сотрудничеству, владеет необходимыми психологическими инструментами. Но при этом явное диссоциативное расстройство личности, навязчивая идея, что он из прошлого. Вы сами убедитесь, как выверены и точны хронологические и географические детали его рассказа. Словом, человек-загадка. Как вы и любите. Да, документов никаких нет, – закончив, Анна Васильевна улыбнулась и бросила нежный взгляд на Марка Борисовича.

Тот молча выслушал доклад и встал из-за стола. Это был красивый, видный мужчина. Про таких говорят: породистый. Густые тёмные волосы с красивой проседью были зачёсаны назад. Широкие чёрные брови обрамляли круглые голубые глаза, смотрящие уверенно и немного надменно. Тонкий прямой нос с небольшой горбинкой гармонировал с чётко очерченными бледными губами, указывающими, что перед вами лидер и завоеватель. Высокий и худой. Всем своим внешним видом этот человек требовал подчинения и уважения к себе. И неудивительно, что во взгляде Анны Васильевны сквозили любовь и восхищение.

– Ну что ж, Анна Васильевна, я доволен проделанной работой, – сказал мужчина, не замечая преданных глаз и тёплой улыбки на лице женщины. – Теперь осталось поближе познакомиться с нашим новым гостем. Будьте любезны, пригласите его ко мне.

– А по остальным пациентам доклад не нужен? – поинте-

ресовалась женщина.

– Гостям, милочка, гостям. В этих стенах нет пациентов, исключительно гости, – слегка пожурил подчинённую мужчину. – По остальным позже, сейчас – Александр.

Анна Васильевна смутилась и покраснела, но тут же взяла себя в руки и, связавшись по рации с санитарями, распорядилась пригласить Александра в кабинет.

– Я ещё нужна вам, Марк Борисович? – продолжая смущаться, спросила женщина.

– Нет, благодарю вас, Анна Васильевна, – тактично ответил тот.

Александр вошёл в кабинет и осмотрелся. Все его стены были сплошь заставлены стеллажами с книгами. Юноша с уважением окинул взглядом такое богатство. Это заметил хозяин кабинета и улыбнулся.

– Ну здравствуй, Александр. Проходи. Я вижу, ты любишь читать, – начал разговор мужчина.

– Да, люблю, но читаю только по-немецки или по-латыни, – ответил юноша.

– Ну, это не проблема. У меня есть книги на разных языках. Присаживайся, где тебе будет удобно.

Александр присел на краешек дивана, стоявшего прямо под окном. В этот момент раздался стук в дверь, и в кабинет вошёл Павел Константинович.

– Не помешаю? – шутливым тоном спросил старик.

– Что вы, Павел Константинович, как можно вести разго-

воры без верного Санчо Пансы? Анна Васильевна рассказала мне о вашей искренней дружбе. Проходите, присаживайтесь, – так же шутливо ответил Марк Борисович.

– Ну-с, друг мой, давай начнём с начала. Я знаю, что ты уже рассказывал свою историю моим коллегам. Но сделай милость, поведай её теперь и мне. Расскажи, кто ты, откуда и как сюда попал.

Александр ещё раз рассказал о себе и о своих приключениях, в очередной раз утаив о цели, книге и камне. За всё время повествования Александр не был ни разу перебит или остановлен. Марк Борисович внимательно слушал рассказчика, покручивая карандаш между пальцами.

– Ну что ж, это действительно интересно, – сказал по-русски мужчина, обращаясь к пожилому человеку, как только Александр закончил. – И я уверен, что в этот раз вы, Павел Константинович, попали в точку. Наш сегодняшний гость – именно тот, за кого себя выдаёт. Благодарю вас, я ваш должник.

И уже на немецком, обращаясь к Александру:

– Я благодарен тебе, Александр, за столь интересный и содержательный рассказ. Но что-то подсказывает мне, что ты был не до конца искренен и откровенен со мной. Вероятно, потребуется какое-то время, чтобы ты понял: я твой друг. И тогда ты сам расскажешь, что считаешь необходимым, – говоря это, мужчина не спускал своих голубых глаз с Александра.

И тому стало не по себе от этого холодного, пронизывающего взгляда.

– А сейчас иди, отдыхай. Я позову тебя, когда ты будешь готов, Александр, – и Марк Борисович улыбнулся: вернее, улыбнулись только губы, но не глаза.

Выйдя из кабинета, Александр медленно шёл и думал: «Как мог этот человек догадаться, что он утаил часть правды и рассказал не всё? Это не человек, дьявол».

Жизнь в клинике шла своим чередом. Александра больше не вызывали ни к Анне Васильевне, ни к Марку Борисовичу. Каждый прожитый день был похож как две капли воды на предыдущий. Единственным развлечением Александру служили книги и ежедневные прогулки с Павлом Константиновичем.

Книги поставлялись по первому требованию Александра. На немецком языке – это была поэзия: Силезиус, Гёте, Шиллер, Гейне и прочие неизвестные Александру авторы. С латинским было поувлекательней: «Метафизика» Платона, «Поэтика» и «Риторика» Аристотеля читались юношей от корки до корки.

Частенько во время прогулок в парке Александр видел людей, так же как и он, прогуливавшихся в сопровождении санитаров. Но подходить к ним категорически запрещалось. На вопросы, кто это и почему с ними нельзя общаться, Павел Константинович уклончиво отвечал: таково распоряжение Марка Борисовича.

Санитар Тимур приучил Александра каждое утро делать зарядку. Молодые люди подружились, хотя дружбой это можно было называть с натяжкой: Тимур ни слова не понимал по-немецки. Но Александра интуитивно тянуло к этому молодому человеку. Тот был невысок, но хорошо развит физически. Рельефная грудь и мощные руки выдавали в нём человека, не первый год дружившего со спортом.

Лицо его трудно было назвать красивым: широкие густые брови, почти сходящиеся на переносице, большие карие глаза и явно сломанный нос с горбинкой. Всё это придавало определённый шарм его brutальному облику.

Благодаря Тимуру юноша тоже полюбил спорт и с удовольствием занимался гимнастикой на воздухе. Александр при помощи Павла Константиновича разобрался с телевизором и теперь мог мастерски переключать с канала на канал. Молодой человек овладел секретом соковыжимания и уже сам себе готовил так полюбившийся ему апельсиновый сок.

Парень прекрасно адаптировался к окружающим его условиям, и теперь, глядя на него, одетого в спортивный костюм и кроссовки, сложно было узнать средневекового увальня из небольшого городка. Это был уже современный городской житель.

Время летело незаметно, и вот уже с неба полетели первые белые звёздочки, и на землю лёг первый снежный покров. Как-то во время одной из прогулок в парке к Александру подошёл Павел Константинович и сказал, что Марк Бо-

рисович желает его видеть. Александру стало не по себе. С одной стороны, он давно ждал этого разговора, а с другой – чувствовал интуитивный страх перед этим человеком. Поразмышляв пару секунд, юноша кивнул головой и послушно последовал за стариком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.